

ISSN 1819-7671 (Print)  
ISSN 2542-1948 (Online)

# ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2024

Том 24

Выпуск 4



IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY  
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY



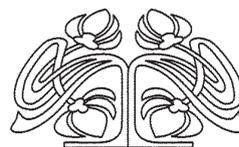
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования  
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

# ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,  
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004



Научный журнал  
2024 Том 24

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

## СОДЕРЖАНИЕ

### Научный отдел

#### Философия

**Блажкина А. Ю.** Патриотизм как этико-социальный феномен в конфуцианском трактате *Кун-цзы цзя юй* 362

**Вархотов Т. А.** Метапредметность воображения в методологии мысленного эксперимента 368

**Ломако О. М.** Социальная философия немецкого романтизма 373

**Романов Д. Д.** Русское странничество в системе культурно-антропологического кода 380

**Стризов А. Л.** Российская цивилизация: мировоззренческое и идеологическое 388

**Суслов И. В., Тихонова С. В.** Как идеологи определяют идеологию: А. Г. Дугин 394

**Цельковский А. А.** «Важнейшее из искусств»: кинообразы советского прошлого в российской мифотворческой практике 400

#### Психология

**Аксеновская Л. Н.** Эстетический идеал отношения к другому человеку в структуре духовности С. Л. Франка 406

**Аранович Л. М.** Профессиональная династичность как предмет социально-психологических исследований 414

**Григорьева М. В., Шамионов Р. М.** Методологические подходы к исследованию адаптационной готовности субъектов высшего образования 421

**Забелина Е. В., Честюнина Ю. В., Волосатова О. С.** Шкала временного фокуса: результаты адаптации на российской выборке 430

**Сучков Е. Д.** Взаимосвязь потребностей в дорогостоящих покупках и экономического благополучия молодежи 439

**Фролова С. В.** Экогензитивность: феноменологический и дифференциальный анализ 446

#### Педагогика

**Балакирева Э. В.** Гуманитарное знание о профессии в подготовке будущих педагогов 452

**Ильин А. С.** Научно-методологические основания становления и развития инклюзивного образования в научно-образовательном комплексе 459

**Костина Л. М., Николаева А. В.** Персонализация образования в контексте психологической безопасности личности студентов в адаптационный период 464

**Юмашева Т. А., Назаров В. В.** Роль преподавателя педагогического вуза в противодействии фальсификации истории 470

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.3.1; 5.3.4; 5.3.5; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» ([ural-press.ru](http://ural-press.ru)). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе ([phpp.sgu.ru](http://phpp.sgu.ru))

**Директор издательства**  
Бучко Ирина Юрьевна  
**Редактор**  
Батищева Татьяна Федоровна  
**Редактор-стилист**  
Агафонов Андрей Петрович  
**Верстка**  
Ковалева Наталья Владимировна  
**Технический редактор**  
Каргин Игорь Анатольевич  
**Корректор**  
Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

**Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):**  
410012, Саратов, Астраханская, 83  
**Тел.:** +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89  
**E-mail:** [publ@sgu.ru](mailto:publ@sgu.ru), [izdat@sgu.ru](mailto:izdat@sgu.ru)

Подписано в печать 18.12.2024.  
Подписано в свет 25.12.2024.  
Выход в свет 25.12.2024.  
Формат 60 × 84 1/8.  
Усл. печ. л. 13,49 (14,5).  
Тираж 100 экз. Заказ 147-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.  
**Адрес типографии:**  
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

**ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ**

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: [https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia\\_ppp/additional/33115](https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115)

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: [aroria@inbox.ru](mailto:aroria@inbox.ru); 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

**CONTENTS****Scientific Part****Philosophy**

**Blazhkina A. Yu.** Patriotism as an ethical and social phenomenon in the Confucian treatise *Kunzi Jia Yu* 362

**Varkhotov T. A.** Imagination as a meta-subject in the methodology of a thought experiment 368

**Lomako O. M.** The social philosophy of German romanticism 373

**Romanov D. D.** Russian Pilgrimage in the system of cultural and anthropological code 380

**Strizoe A. L.** Russian civilization: Worldview and ideological 388

**Suslov I. V., Tikhonova S. V.** How ideologists define ideology: A. G. Dugin 394

**Tselykovsky A. A.** “The most important of all arts”: Film images of the Soviet past in the Russian myth-making practice 400

**Psychology**

**Aksenovskaya L. N.** The aesthetic ideal of the attitude towards another person in the structure of spirituality of S. L. Frank 406

**Aranovich L. M.** Professional dynasty as an issue of social and psychological research 414

**Grigoryeva M. V., Shamionov R. M.** Methodological approaches to the study of adaptive readiness of subjects of higher education 421

**Zabelina E. V., Chestyunina Yu. V., Volosatova O. S.** Time focus scale: Results of adaptation in the Russian sample 430

**Suchkov E. D.** Propensity to expensive purchases and subjective economic well-being of young people 439

**Frolova S. V.** Eco-sensitivity: Phenomenological and differential analysis 446

**Pedagogy**

**Balakireva E. V.** Humanitarian knowledge of the profession in the training of future teachers 452

**Ilyin A. S.** Scientific and methodological foundations for the formation and development of inclusive education in the scientific and educational complex 459

**Kostina L. M., Nikolaeva A. V.** Personalization of education in the context of psychological safety of students' personality during the adaptation period 464

**Yumasheva T. A., Nazarov V. V.** The role of a teacher at a pedagogical university in countering the falsification of history 470

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА  
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.  
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

**Главный редактор**

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

**Заместитель главного редактора**

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

**Ответственный секретарь**

Артамонов Денис Сергеевич, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

**Члены редакционной коллегии:**

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)  
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)  
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Иоффе Андрей Наумович, доктор пед. наук, кандидат ист. наук, доцент (Москва, Россия)  
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)  
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)  
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)  
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)  
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)  
Стризов Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)  
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)  
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)  
Фролова Светлана Михайловна, доктор филос. наук, доцент (Москва, Россия)  
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)  
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)  
Шамяионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL  
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.  
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY”**

**Editor-in-Chief** – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

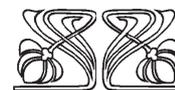
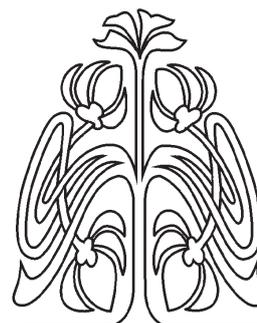
**Deputy Editor-in-Chief** – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

**Executive Secretary** – Denis S. Artamonov (Saratov, Russia)

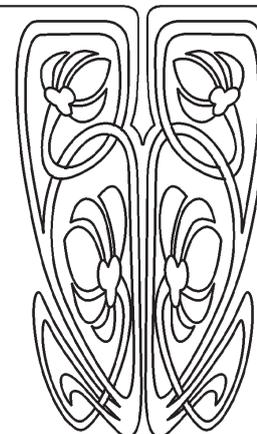
**Members of the Editorial Board:**

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)  
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)  
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)  
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)  
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)  
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)  
Andrey N. Ioffe (Moscow, Russia)  
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)  
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)  
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)

Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)  
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)  
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)  
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)  
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)  
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)  
Svetlana M. Frolova (Moscow, Russia)  
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)  
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)  
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)



**РЕДАКЦИОННАЯ  
КОЛЛЕГИЯ**



## ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 362–367

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 362–367  
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-362-367>

EDN: BATZDT

Научная статья  
УДК [1+172.15](510)(09)+929Конфуций

### Патриотизм как этико-социальный феномен в конфуцианском трактате *Кун-цзы цзя юй*

А. Ю. Блажкина

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН), России, 117997,  
г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32

Блажкина Анастасия Юрьевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник  
Центра изучения культуры Китая ИКА РАН, секретарь Комиссии по культурному и гума-  
нитарному сотрудничеству Общества российско-китайской дружбы (ОРКД), [myshashu@yandex.ru](mailto:myshashu@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-8313-5917>

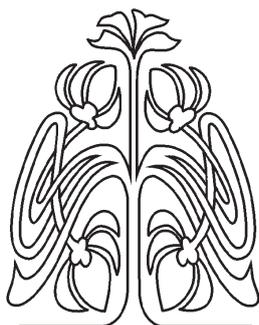
**Аннотация. Введение.** В данной статье предпринята попытка проанализировать патриотизм как этико-социальный феномен. Предметом исследования является содержание древнего философского трактата *Кун-цзы цзя юй* (Речи школы Конфуция), который атрибутируется как конфуцианский текст. **Теоретический анализ.** Основой для развития патриотизма в *Кун-цзы цзя юй* служат конфуцианские добродетели: сыновняя почтительность, человеколюбие, преданность и др. Патриотизм несет в себе идентификационную, регулятивную, гармонизирующую, интегративную функции, а также функцию этического самосовершенствования для индивида. Носителями патриотических идей выступают конфуцианские благородные мужи, а конечной целью патриотических поступков являются принесение пользы своему государству, умиротворение Поднебесной и личное моральное саморазвитие. Будучи частью политической доктрины конфуцианства, патриотизм как этико-социальный феномен с древности занимал важное место в научных изысканиях видных философов и со временем стал мощной духовной силой китайской нации. **Заключение.** Роль патриотизма как основы стабильности социума, духовного подвига личности сложно переоценить и в то же время ее необходимо детально анализировать и осмысливать в разные исторические периоды, учитывая специфику текущей мировой обстановки. Патриотизм в современном китайском обществе является мощной консолидирующей и духовной силой для многонационального народа.

**Ключевые слова:** патриотизм, *Кун-цзы цзя юй*, конфуцианство, человеколюбие, преданность, этико-социальный феномен, сыновняя почтительность, умиротворение Поднебесной

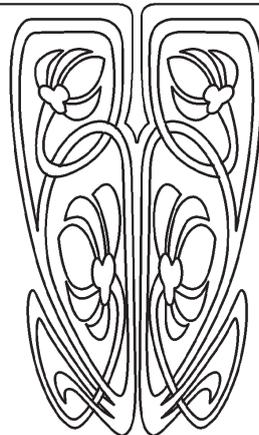
**Для цитирования:** Блажкина А. Ю. Патриотизм как этико-социальный феномен в конфуцианском трактате *Кун-цзы цзя юй* // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 362–367. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-362-367>, EDN: BATZDT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

© Блажкина А. Ю., 2024



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





Article

## Patriotism as an ethical and social phenomenon in the Confucian treatise *Kunzi Jia Yu*

A. Yu. Blazhkina

Chinese Culture Research Center, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 32 Nakhimovsky Ave., Moscow 117997, Russia

Anastasia Yu. Blazhkina, myshashu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8313-5917>

**Abstract. Introduction.** This article makes an attempt to analyze patriotism as an ethical and social phenomenon. The subject of the study is the content of the ancient philosophical treatise *Kunzi Jia Yu* (Speeches of the School of Confucius), which is attributed as a Confucian text. **Theoretical analysis.** The basis for the development of patriotism in *Kunzi Jia Yu* is the Confucian virtues: filial piety, love for mankind, devotion, etc. Patriotism carries regulatory, harmonizing, integrative and identification functions, as well as the function of ethical self-improvement for an individual. The bearers of patriotic ideas are Confucian noble men, and the ultimate goal of patriotic actions is benefitting one's state, appeasing the Celestial Empire and personal moral self-development. Being a part of the political doctrine of Confucianism, patriotism as an ethical and social phenomenon has occupied an important place in the philosophical research of prominent philosophers since ancient times, and over time it has become a powerful spiritual force of the Chinese nation. **Conclusion.** The role of patriotism as the basis for the stability of society and the spiritual achievement of the individual is difficult to overestimate, and at the same time it is necessary to analyze this role and comprehend it in detail in different historical periods, taking into account the specifics of the current world situation. Patriotism in modern Chinese society is a powerful consolidating and spiritual force for the multinational people.

**Keywords:** patriotism, *Kunzi Jia Yu*, Confucianism, love for mankind, devotion, ethical and social phenomenon, filial piety, pacification of the Celestial Empire

**For citation:** Blazhkina A. Yu. Patriotism as an ethical and social phenomenon in the Confucian treatise *Kunzi Jia Yu*. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 362–367 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-362-367>, EDN: BATZDT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

В переломные моменты истории для поддержания собственной экзистенциальной значимости человечество острее нуждается в фундирующих принципах. Одним из таких принципов является патриотизм, который глубоко укоренен в духовной культуре Китая. Разработкой философского обоснования патриотических идей занимались видные конфуцианские философы древности, в истории Нового Китая патриотизм также играет важную роль [1, с. 83–88]. Подлинный патриотизм обеспечивает выживание китайского народа во время острых социально-политических кризисов и процветание во времена стабильности.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть патриотизм как этико-социальный феномен, проследить, какими сущностными характеристиками и функционалом он обладает, какое глубинное содержание в себе несет, частью каких более общих и глобальных философских концепций он является. Объектом данного исследования выступает содержание конфуцианского трактата *Кун-цзы цзя юй* (Речи школы Конфуция) (孔子家语).

## Теоретический анализ

Формирование доциньских конфуцианских патриотических идей началось, по всей видимости, с трепетного отношения к природе [2, с. 98] и к народу. Идеи патриотизма являлись частью политической философии, включались в конфуцианскую концепцию управления государством на основании добродетели и закона (治国以德法) [XXV, 1] (перевод выполнен А. Ю. Блажиной по электронному тексту *Кун-цзы цзя юй*). В квадратных скобках дается ссылка на соответствующую главу и параграф).

Хотя современный термин «патриотизм» по-китайски 爱国 в тексте не встречается, феномен патриотизма осмысливается в трактате *Кун-цзы цзя юй* [3]. В ряде случаев для обозначения любви к Родине используется термин 安土, т. е. дословно *умиротворить почву*, исходя из контекста, перевод данного понятия как *умиротворить Родину* или *успокоить страну* представляется вполне адекватным и обоснованным. Родина в *Кун-цзы цзя юй* – понятие вполне конкретное. Это земля, почва, на которой живет народ (土) и государство или царство (国). Когда Кун-цзы (Конфуций) сетует на то,



что ему пришлось покинуть свою Родину из-за распутного поведения правителя, который *презрел дела управления страной*, философ говорит о том, что покидает свое родное царство Лу [XIX, 7].

Конкретное понятие *Родина* наполняется аксиологическим содержанием, предполагает особое трепетное отношение, так как сохранение и процветание Родины гарантирует гармонию всей Поднебесной (天下). Любовь к Родине в конфуцианстве всегда связана с любовью к роду, к семье, поскольку сыновняя почтительность (孝) является одной из главных конфуцианских добродетелей [4, с. 70–94].

По мысли автора, *Кун-цзы цзя юй* (умиротворение страны) начинается с любви к людям, т. е. берет начало в конфуцианской этической константе человеколюбия (仁): *если управлять, но не любить людей, то не сможешь самосовершенствоваться; если не сможешь самосовершенствоваться, то не сможешь умиротворить Родину*. [IV, 8]. Человеколюбие, которое в самом общем смысле понимается как любовь к людям, является не только главной целью политики, обязанностью государя, но и необходимой предпосылкой формирования феномена патриотизма, призвано побуждать к патриотическим действиям. В конфуцианстве подчеркивается, что народ почитает правителя, проявляя послушание (顺), выдвигаются соответствующие требования к правителю что, несомненно, разумно ограничивает власть правителя и препятствует индивидуальному беспределу. Патриотические идеи находят свое отражение в чувстве глубокой тревоги, когда страна находится в опасности, стремлении к защите и умиротворению Родины, если в ней царят политическая нестабильность и смута, а также в непременном требовании жертвовать личными интересами ради общественной пользы и социального благополучия народа. Как справедливо замечает Шу Дунсинь, *исторически китайский патриотизм характеризуется четырьмя ключевыми компонентами, а именно: поддержание национального единства, сопротивление иностранному вторжению, поддержание национального духа человеколюбия и справедливости, а также бережное отношение к китайской культуре* [1, с. 80].

Регулирование отношений между государем и чиновником было одной из важнейших функций конфуцианской этики в древнем Китае. Надлежащее взаимодействие правителя и

подданных контролировалось нравственными нормами. К действиям государя и чиновников предъявлялись не только социальные, но и моральные требования. Для благородного мужа (君子) было одинаково необходимо в семье обладать сыновней почтительностью: *Шунь был известен сыновней почтительностью и братской любовью, занимался гончарным делом и ловлей рыбы, чтобы служить родителям, а в обществе обладать преданностью (忠): проявлял снисходительность и был мягким в обращении с людьми, был преданным и обладал острым умом, а также познал время, страшился Неба и любил народ, заботился о далеких и испытывал родственные чувства к близким* [XXIII, 5].

Кроме того, в философской традиции конфуцианства пропагандируется своего рода социоцентризм, ставящий целью интеграцию индивидуумов в сплоченную социальную группу. Конфуцианский социоцентризм опирается на модель общества, которое строится по образу семьи. Кровнородственные связи имеют глубинное значение, а социальные связи отчасти являются продолжением семейных связей. Конфуцианские философы последовательно проводили мысль о том, что баланс между кровнородственными и социальными связями необходим для гармоничного функционирования государства. Поэтому в рамках общественных отношений благородному мужу надлежит обладать преданностью по отношению к государю и стране: *приезжаешь в страну, если словам здешних чиновников можно верить, то можно остаться в такой стране. Если цины и дафу поступают согласно с преданностью, то в такой стране можно служить* [VIII, 7]. Преданность понимается как определяющая характеристика благородного мужа, поведенческая основа власть имущих: *в древности благородные мужи своим качеством считали преданность, защищались человеколюбием, не выходя из своей убогой лачуги, знали, что происходит вокруг на тысячу ли* [X, 5]. Посредством человеколюбия и преданности служащими реализуется идентификационная функция патриотизма, т. е. потребность индивида в соотношении себя с определенным коллективом, социальной группой, обществом в целом.

Благородный муж являет собой образ преданного чиновника, который предстает истинным патриотом, человеком, обладающим подлинной храбростью и силой духа: *Циское*



войско вторглось в царство Лу, Гуншу Ужэнь принимал участие в защите Родины, спал, опираясь на посох. Со слезами на глазах сказал: '... Если правитель не может разработать план, то это не значит, что солдаты не должны быть готовы пожертвовать жизнью.' И тогда [Ужэнь] и находящийся рядом с ним его юный фаворит Ван Ци ринулись на врага и встретили свою смерть. Оба были временно захоронены. Лусцы желали похоронить Ван Ци не как умершего в раннем возрасте и спросили Кун-цзы об этом. Кун-цзы сказал: «Тот, кто может держать щит и копье, кто встал на защиту государства, разве можно назвать умершим в раннем возрасте?» [XLII, 15]. Конфуцианское самосовершенствование (修身) в данном эпизоде достигло кульминации и трансформировалось в подлинный героизм, выразившийся в упорном сопротивлении иноземному вторжению и в самопожертвовании. Ввиду важности такого рода поведенческой модели, восхищаясь поступком молодого Ван Ци, которому было на момент гибели менее 19 лет, Кун-цзы формально отступает от норм ритуала, приравнивает несовершеннолетнего к совершеннолетнему, тем самым учитывая беспрецедентную храбрость и самоотверженность героя, повышает его социальный статус, разрешая жителям царства Лу справлять траур по Ван Ци не как по умершему в юном возрасте. Ван Ци является носителем патриотического порыва, защищая Родину, он руководствуется принципом: *если правитель не может разработать план, то это не значит, что солдаты не должны быть готовы пожертвовать жизнью*. Патриотизм несет в себе регулятивную функцию, благодаря которой можно снизить напряжение в обществе, эффективно регламентировать модели поведения различных социальных групп.

Согласно конфуцианской философской традиции общественная гармония понималась как отражение космической гармонии, идеального сопряжения Неба (天) и Земли (地). Если в государстве правитель и подчиненные следовали Дао, то Поднебесная процветала, в противном случае – царили смута и беспорядок. Аналогичную матрицу можно было примерить и в отношении индивида: *нужно ценить Дао. Не потому ли Чжунхан Вэнь-цзы утратил свою Родину, ведь он нарушал Дао и забывал долг?* [XIV, 3]. Утрата Родины в данном случае является следствием ненадлежащего морального поведения,

забвения основополагающих этических норм. Патриотизм обладает функцией этического самосовершенствования: *У-ван исправлял себя и тем самым исправлял страну, исправлял страну и тем самым исправлял всю Поднебесную. Он карал тех, кто отступает от Дао, и наказывал преступников, в один миг все в Поднебесной выправлялось, а дела завершались успешно* [VIII, 6]. Поэтому одной из функций патриотизма является гармонизирующая, благодаря которой конфуцианство обретает глубинные духовные основания упорядочивания Поднебесной.

Забота о стране – важная часть раннеконфуцианской концепции патриотизма. Под заботой понимается чувство социальной ответственности, глубинное осмысление перспектив и путей развития общественной жизни, глобальной целью которой является *выправление Поднебесной* (正天下) [VIII, 6]. В этом заключается интегративная функция патриотизма, конфуцианство пытается максимально сплотить разные социальные слои, закрепляя связи: правитель – народ, правитель – чиновники, чиновники – народ.

В *Кун-цзы цзя юй* обнаруживаем эпизод, в котором ученик Кун-цзы, Цзы Гун, благодаря красноречию и стройности мысли, путем логических доводов, демонстрируя политическую прозорливость, последовательно увещевает правителей разных царств, в тайне преследуя цель спасения родного царства Лу. Действуя максимально эффективно, Цзы Гун предстает как прекрасный дипломат и переговорщик, достигает желаемого без единого выстрела, экономит людские и материальные ресурсы: *Обращаясь к ученикам, Кун-цзы произнес: 'Лу – это Родина отца и матери, Лу необходимо спасти...' Цзы Гун вызвался и получил одобрение ... Царства У и Цзинь сошлись [в бою] у Хуанчи... в царстве Ци возникла смута, а царство Лу сохранило свое существование* [XXXVII, 2].

Проводится идея о том, что благородный муж должен уметь воспользоваться счастливой возможностью, уделяя внимание нравственным принципам, при этом проявляя гибкость в обращении с вещами и людьми, выбирая наиболее оптимальную стратегию для того, чтобы принести пользу стране. Содержание патриотизма как этико-социального феномена не только вбирает в себя нравственные обоснования, но и предполагает вполне конкретные поступки, выгодные государству. Дипломатическая деятельность



Цзы Гуна не только спасла царство Лу, но и ослабила царство Ци, это в конечном итоге привело к упадку царства У, царство Цзинь нарастило свою мощь, а царство Юэ стало гегемоном, что прямо изменило расстановку сил в период Чуньцю (770 до н. э. – 478 до н. э.).

Конфуцианство формирует образ патриота, который в дальнейшем будет развиваться в истории имперского Китая, а также последующими поколениями мыслителей вплоть до наших дней. Говоря о феномене патриотизма, автор *Кун-цзы цзя юй* делает упор на интеллектуальную аристократию. Ее представители обладали высоким уровнем эрудиции и аналогичным уровнем нравственности, имели достаточно ресурсов для защиты политических интересов страны. Как справедливо отмечает Д. С. Воропаев, *элита должна быть интеллектуальной, но не самонадеянной. Характеристике самонадеянности противопоставляется сыновняя почтительность (сяо)... Воистину, самонадеянность – последнее качество, которое может быть полезно политике* [5, с. 1210].

Осмысляя патриотизм как социальный феномен, стоит отметить педагогическую направленность конфуцианской традиции: любовь к Родине, сама по себе прекрасна, но она должна передаваться младшим поколениям. Важность патриотического воспитания возрастает в моменты, когда страна находится в состоянии кризиса, когда отсутствует политическая и социальная стабильность. Конфуцианская философия указывает путь выхода из такого рода кризисов. Нельзя не согласиться с мыслью китайских ученых Юй Сяояня и Чэнь Хайлуна о том, что *воспитание патриотизма не является чем-то раз и навсегда устоявшимся, поскольку оно как вид общественного сознания устанавливается в определенных исторических условиях и на основе определённых знаний и понимания* [6, с. 391].

## Заключение

Подводя предварительный итог рассмотрению патриотизма как этико-социального феномена в трактате *Кун-цзы цзя юй*, автор настоящего исследования приходит к следующим выводам:

1. Понятие *Родина* включает в себя два аспекта: это – земля, почва; это – государство или царство.

2. Базисом для развития патриотизма являются конфуцианские этические константы: сыновняя почтительность, человеколюбие, преданность и др.

3. Патриотизм несет в себе: идентификационную, регулятивную, гармонизирующую, интегративную функции, функцию этического совершенствования.

4. Носителями патриотических идей выступают благородные мужи, которые являются собой пример интеллектуальной и нравственной элиты конфуцианства.

5. Целью патриотических поступков является принесение пользы своему государству и моральное саморазвитие.

Роль патриотизма сложно переоценить, в то же время ее необходимо детально анализировать в разные исторические периоды, учитывая специфику текущей обстановки. Патриотизм в современном китайском обществе является мощной консолидирующей духовной силой для многонационального народа. Подражая мудрецам древности, ратуя за интеллектуальную преемственность конфуцианской традиции, руководство КНР заявляет о важности патриотического воспитания молодежи, резюмируя следующее: *История прекрасно показала, что патриотизм течет в крови китайской нации с древних времен. Его невозможно удалить, сломить или уничтожить* [7].

## Список литературы

1. *Shu D.* Evolution of Chinese Patriotism from Past to Present // *Chinese Studies*. 2022. Vol. 11, № 2. P. 79–89. <https://doi.org/10.4236/chnstd.2022.112007>
2. *Цыбанов Ш. Ш.* Экологическая этика в Китае (в контексте традиционных религиозных учений) // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2022. Т. 11, № 1А. С. 98–104. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.70.92.012>
3. *Кун-цзы цзя юй*. URL: <https://ccontext.org/kongzi-jiauy> (дата обращения: 10.06.2024) (на кит. яз).
4. *Цянь Шимин.* Шо чжун сяо [О преданности и сыновней почтительности]. Пекин : Цзинхуа чубаньшэ, 1999 (на кит. яз.).
5. *Воропаев Д. С.* Политическое конфуцианство и воспроизводство элитарного патриотизма в современном Китае // *Политика и Общество*. 2016. № 9. С. 1208–1217. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.9.19844>
6. *Юй Сяоянь, Чэнь Хайлун.* Лунь сяньцинъ жуцзя айгочжуй цзяюй сысян цзи дандай июнь [О конфуцианской патриотической образовательной мысли доциньской эпохи и ее современном подтексте] //



- Цзяюй ишу. Шоуду шифань дасюэ чубаньшэ. 2015. С. 389–391 (на кит. яз).
7. Ван Сяодун, Чжан Вэй, У Шань. Нинцзю ци чжунхуа эрню туаньцзе фэньдоу дэ панбо лилян – си цзиньпин цзуншуцзи гуаньюй хунян айгочжуй цзиншэнь чжуняо луньшу цзуншу [Консолидация величественной силы единства и борьбы китайского народа – обзор основных тезисов выступлений Генерального секретаря Си Цзиньпина о развитии духа патриотизма]. URL: [https://www.gov.cn/xinwen/2021-10/01/content\\_5640726.htm](https://www.gov.cn/xinwen/2021-10/01/content_5640726.htm) (дата обращения: 01.06.2024) (на кит. яз).
- ### References
1. Shu D. Evolution of Chinese Patriotism from Past to Present. *Chinese Studies*. 2022, vol. 11, no. 2, pp. 79–89. <https://doi.org/10.4236/chnstd.2022.112007>
  2. Tsybanov Sh. Sh. Environmental ethics in China (in the context of traditional religious teachings). *Kontekst i refleksiya: filofosfiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 2022, vol. 11, no. 1A, pp. 98–104 (in Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2022.70.92.012>
  3. Kun-czy czja yuy [Speeches of the School of Confucius]. Available at: <https://ctext.org/kongzi-jiayu> (accessed June 10, 2024) (in Chinese).
  4. Cyan' Sh. (1999). *Shuo zhong xiao* [About devotion and filial piety]. Pekin, Czinhua chuban'shje, 1999 (in Chinese).
  5. Voropaev D. S. Political Confucianism and reproduction of the elite patriotism in modern China. *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society], 2016, no. 9, pp. 1208–1217 (In Russian). <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.9.19844>
  6. Yu Xiaoyan, Chen Hailong. *Lun xianqin rujia aiguozhuyi jiaoyu sixiang ji dangdai yiyun* [On Pre-Qin Confucian Patriotic Education Thought and Its Contemporary Implications]. *Jiaoyu yishu / Shoudu shifan daxue chubanshe*. 2015, pp. 389–391 (in Chinese).
  7. Wang Xiaodong, Zhangwei, Wu Shan. *Ningju qi zhognhua ernv tuanjie fendou de pangbo liliang xi jinpingsongshuji guanyu hongyang aiguozhuyi jingshen zhongyao lunshu zongshu* [Consolidating the majestic strength of unity and struggle of the Chinese people - an overview of the main points of General Secretary Xi Jinping's speeches on developing the spirit of patriotism]. Available at: [https://www.gov.cn/xinwen/2021-10/01/content\\_5640726.htm](https://www.gov.cn/xinwen/2021-10/01/content_5640726.htm) (accessed June 1, 2024) (in Chinese).

Поступила в редакцию 23.06.2024; одобрена после рецензирования 21.08.2024;

принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024

The article was submitted 23.06.2024; approved after reviewing 21.08.2024;

accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 368–372

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 368–372

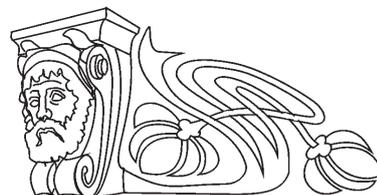
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-368-372>, EDN: BQZALY

Научная статья

УДК 165+167/168

## Метапредметность воображения в методологии мысленного эксперимента



Т. А. Вархотов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Вархотов Тарас Александрович, кандидат философских наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой философии и методологии науки, [varkhotov@gmail.com](mailto:varkhotov@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0003-3363-7596>

**Аннотация. Введение.** В статье обосновывается положение, согласно которому, помимо собственного предмета конкретных мысленных экспериментов, каждый из них вскрывает общие принципы работы воображения – элементы трансцендентальной схемы, которую И. Кант противоречиво определяет как чистое представление, являющееся одновременно интеллектуальным и чувственным. В этом смысле воображение является метапредметом мысленного эксперимента. **Теоретический анализ.** С помощью мысленных экспериментов, оперирующих предельными представлениями, проясняются необходимые схемы синтеза, связанные с фундаментальными понятиями. Связь мысленного эксперимента с воображением очевидна и в специальной литературе, по замечанию Р. Соренсена, рассматривается как тривиальная, в мысленном эксперименте «воображение заменяет восприятие», а надежность результата зависит от того, насколько хорошо воображение справляется с ролью восприятия. При этом двусмысленность трактовки воображения, характерная для интеллектуальной культуры Нового времени, непосредственно отражается на оценке эпистемологического статуса, тесно связанного с ним мысленного эксперимента. Воображение понимается, с одной стороны, как нечто противоположное разуму – источник химер и заблуждений; с другой стороны, воображение является фундаментальным условием познания, поскольку вне синтеза, с которого начинается любое предметное знание, познавательная деятельность вообще невозможна, и «знать» означает «уметь представить», т.е. вообразить. Устройство этой способности как раз и выявляет мысленный эксперимент, в котором нереалистические посылки используются для демонстрации работы трансцендентального схематизма, т.е. необходимого способа синтеза, подобно тому, как карта отображает не только местность (которой может и не быть), но и способ работы картографа (который будет запечатлен с необходимостью). **Заключение.** Кроме предмета, выступающего явной целью конкретного мысленного эксперимента, в нем раскрывается инвариантный для всех мысленных экспериментов предмет – принципы работы воображения.

**Ключевые слова:** мысленный эксперимент, воображение, трансцендентальный схематизм, философия науки, методология

**Благодарности.** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00804, <https://rscf.ru/project/23-28-00804/>

**Для цитирования:** Вархотов Т. А. Метапредметность воображения в методологии мысленного эксперимента // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 368–372. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-368-372>, EDN: BQZALY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Imagination as a meta-subject in the methodology of a thought experiment

T. A. Varkhotov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Taras A. Varkhotov, [varkhotov@gmail.com](mailto:varkhotov@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0003-3363-7596>

**Abstract. Introduction.** The paper claims that each thought experiment, despite of its particular subject, reveals the general principles of the work of the imagination – these are elements of the transcendental scheme, which I. Kant controversially defines as pure representation, that is both intellectual and sensory. In this sense, imagination is the meta-subject of a thought experiment. **Theoretical analysis.** With the help of thought experiments operating marginal subjects, the necessary synthesis schemes related to fundamental concepts are clarified. The connection between a thought experiment and imagination is obvious and is considered trivial – as R. Sorensen notes, in a thought experiment «imagination substitutes for perception» and the reliability of the result depends on how well imagination «can fill a role originally intended for perception». At the same time, the ambiguity in the interpretation of imagination, characteristic for the intellectual culture of modern times, is directly reflected in the assessment of the epistemological status of a thought experiment closely associated with it. Imagination is understood, on the one hand, as something opposite to reason – the source of chimeras and delusions; on the other hand, imagination is a fundamental condition for cognition,



since outside the synthesis, from which any subject of knowledge begins, cognitive activity is generally impossible, and “to know” means “to be able to visualise”, i.e. to imagine. The structure of this ability precisely reveals a thought experiment in which non-realistic premises are used to demonstrate the work of transcendental schematism, i.e. the necessary method of synthesis - just as a map reflects not only the terrain (which might not exist), but also the cartographer’s way of making his job (which will necessarily be depicted). **Conclusion.** In addition to the subject, which is the obvious goal of a specific thought experiment, it reveals a subject that is invariant for all thought experiments – the principles of the imagination.

**Keywords:** thought experiment, imagination, transcendental schematism, philosophy of science, methodology

**Acknowledgements.** The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00804, <https://rscf.ru/project/23-28-00804/>.

**For citation:** Varkhotov T. A. Imagination as a meta-subject in the methodology of a thought experiment. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 368–372 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-368-372>, EDN: BQZALY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

Мысленный эксперимент – крайне плохо определенная в современной методологии науки исследовательская практика. Вошедший в число научных методов благодаря работам Э. Маха, который придал связке «мысленный эксперимент – лабораторный эксперимент» статус ключевого методологического подхода науки Нового времени (и изобретение которой он приписал Г. Галилею) [1, с. 192–207], мысленный эксперимент стал модным методологическим сюжетом во второй половине XX в. и пережил новую волну интереса в начале XXI в. в связи с методологическим кризисом в экономике и в целом развитием методологии общественных наук [2].

Несмотря на уже довольно продолжительное обсуждение мысленного эксперимента в контексте методологии науки, вплоть до настоящего времени отсутствует общепринятое представление о том, что в точности называется этим словосочетанием и каким эпистемологическим статусом это важное нечто обладает. Интерпретации и оценки мысленного эксперимента варьируют в широком диапазоне от «не более, чем просто рассуждения [arguments]» [3, р. 335] до эпистемологического отождествления мысленного и лабораторного эксперимента [4, р. 305]; пожалуй, самым близким к фактическому положению дел остается диагноз, поставленный Дж. Брауном: «Мысленные эксперименты производятся в лаборатории разума (mind). Помимо этой своего рода метафоры трудно сказать, что они такое» [5, р. 1].

## Теоретический анализ

Приведенная метафорическая формулировка Брауна предполагает, что специфику мысленного эксперимента и ответ на вопрос о его

методологических возможностях, по-видимому, следует искать в устройстве специфического места – «лаборатории разума». Слово «лаборатория», этимологически отсылающее к ручному труду и месту, в котором он осуществляется, формирует контекст, в котором «разум» понимается как процесс (активность), как-то связанный с чувственными данными («ручными» или «подручными» предметами, с которыми обычно имеет дело «лаборант» и из которых состоит «лаборатория»).

Наиболее подходящим кандидатом на роль так понятой «лаборатории разума» является воображение. Как указывает один из наиболее авторитетных теоретиков мысленного эксперимента Р. Соренсен, «это предельный случай эксперимента, в котором ответ на вопрос должен быть получен путем размышлений, скорее, над устройством (design) эксперимента, чем над его исполнением (execution). Воображение заменяет восприятие... Надежность результата мысленного эксперимента зависит от того, насколько хорошо воображение сможет выполнять роль, изначально предназначенную для восприятия» [6, р. 420].

Тезис о ключевой роли воображения в мысленном эксперименте, на первый взгляд, видится тривиальным: во-первых, само словосочетание «мысленный эксперимент» представляет собой метафору и тем самым уже является чем-то относящимся к работе воображения; во-вторых, большинство мысленных экспериментов явными образом апеллируют к контрфактическим представлениям, тем самым выходя за границы опыта, но требуя именно наглядности представления, т.е. воображения; в третьих, процедурная (процессуальная) составляющая мысленного эксперимента (которую, кажется, пытается проигнорировать Соренсен в приведенной цитате) требует придания предполагаемой («воображаемой») эксперименталь-



ной ситуации образной формы – мысленный эксперимент всегда нужно «представить», что опять-таки отсылает к воображению.

Однако на деле все обстоит гораздо сложнее. Во-первых, воображаемый характер и вычурная условность (особенно в случае использования контрфактических посылок) задействованной в мысленном эксперименте «реальности» могут рассматриваться как просто способ оттенить его «подлинное содержание» – логическую структуру вывода, которая не зависит от конкретного представления. Характерным примером является трактовка Соренсеном шахмат как мысленного эксперимента – в шахматах наглядная реализация (доска, фигурки на ней и т.д.) носит необязательный характер, а фактическим содержанием является то самое «устройство» (см. выше), система правил и связанных с ними возможных исходов [6, р. 420–421]. Во-вторых, мысленный эксперимент часто имеет дело с невообразимыми вещами, точнее, пытается представить нечто непредставимое в силу заложенных в понятии соответствующего объекта требований; например, материальная точка – физический, т.е. чувственный («материальный») объект, не имеющий пространственной размерности («без длины, ширины и высоты» согласно определению Евклида, т.е. не физический, не чувственный).

Указанные сложности отражают двусмысленность трактовки воображения, характерную для интеллектуальной культуры Нового времени: воображение понимается, с одной стороны, как нечто противоположное разуму – источник химер и заблуждений; «ошибки, сильнее всего пугавшие ученых мужей эпохи Просвещения, были ошибками конструирования мира, не отраженного в ощущениях, но созданного воображением» [7, р. 76]; с другой стороны, воображение является фундаментальным условием познания, поскольку вне синтеза, с которого начинается любое предметное знание, познавательная деятельность вообще невозможна, и «знать» означает «уметь представить», т.е. вообразить, будь то в смысле непосредственного наглядного («чувственного») представления или как-то еще.

Классический анализ воображения, пытающийся решить отмеченные сложности, дал И. Кант: «Синтез вообще, как мы увидим это дальше, есть исключительно действие способности воображения, слепой, хотя и необходимой, функции души; без этой функции мы

совсем не имели бы знания, хотя мы и редко осознаем ее. Однако задача свести этот синтез к понятиям есть функция рассудка, лишь благодаря которой он доставляет нам знание в собственном смысле этого слова» [8, с. 108]. Осознанная, целенаправленная познавательная деятельность субъекта неизбежно опирается на результаты работы воображения. Мы всегда имеем дело с некоторым целостными, сложными (буквально – синтетическими, собранными) объектами, и понятийное мышление также отсылает к этому первичному синтезу, раскрывая в форме понятия единство синтеза, т.е. его устройство.

Таким образом, воображение оказывается необходимым и преимущественно скрытым условием всякой познавательной деятельности, формируя первичные синтетические целостности (предметы) для анализа (понятия): «Рассудок в собственном смысле и сила воображения выступают как аналитическая и синтетическая стороны трансцендентальной апперцепции», которая, в свою очередь, и есть «сам рассудок» [9, с. 167]. Соответственно, познание критически зависит от преимущественно бессознательной работы воображения, без которой предмет познания просто не появится и парадоксальным образом стремится к разрушению этой зависимости в форме замены наглядности представления (явления) ясностью умозрения (понятия).

Таков стандартный маршрут, на котором сконцентрирована «Критика чистого разума»: от «стихийного синтеза» эстетического к «чистому синтезу» логического. Однако мысленный эксперимент предполагает в некотором смысле противоположный маршрут – он пытается не выявлять правила синтеза, анализируя его стихийные результаты (явления и представления, эмпирику), а проверять возможность синтеза, предполагаемого чистыми рассудочными понятиями – «возможность как бы а priori предписывать природе законы и даже делать ее возможной» [8, с. 145]. Если лабораторный эксперимент работает лишь с конкретными представлениями (синтетическими единствами) и демонстрирует возможность проверяемого предположения, то мысленный эксперимент стремится использовать предельное представление, т.е. направлять работу воображения не на локальный, частный синтез, а на сам механизм работы функции синтеза – на то, что Кант называет «схематизмом чистого рассудка» [8, с. 158].



В типичном случае мысленный эксперимент начинается с требования представить себе нечто явным образом выходящее за границы привычной действительности, что мы – это просто мозги в физрастворе [10], что система железных дорог никогда не была построена [11], что общество и институты еще не существуют и являются предметом чистого свободного выбора [12] и т.д. Выбор исходного представления (гипотезы) обуславливает определенный вывод, представляющий собой демонстрацию работы трансцендентального схематизма, т.е. необходимый способ синтеза в заданных условиях. Существенное отличие этого результата, с одной стороны, от абстрактно-теоретического рассуждения (в духе упомянутой игры в шахматы), а с другой стороны, от квази-индуктивного вывода в духе эмпирического обобщения, заключается в том, что вывод относится к действительности (поскольку оперирует не полностью абстрактными, а рассудочными, «зацепленными» за чувственные компоненты и требующими квазинаглядного представления посылками), но не имеет непосредственного практического значения, поскольку отражает в большей степени сам способ представления (схематизации), нежели его непосредственный предмет.

Например, в одном из самых знаменитых мысленных экспериментов на стыке философии и общественных наук Дж. Роуз предлагает представить ситуацию, в которой мы должны выбрать принципы устройства общества, не имея возможности узнать заранее наше будущее место в нем [12, с. 127–131]. Данное представление нереалистично, поскольку разговор об устройстве общества возможен только в обществе, и ситуация обустройства общества из несоциального состояния бессмысленна эмпирически и теоретически. Однако оно позволяет сделать важный предельный вывод о том, что в схему справедливости (если предположить существование такой трансцендентальной схемы) заложено стремление к равновесию интересов человеческих субъектов и требование минимизации ущерба. Это не значит, что справедливость в смысле «минимума несправедливости», которую Роуз обосновывает с помощью приведенного мысленного эксперимента, действительно может быть создана, когда-либо существовала или даже была бы удачным политическим решением. Однако это означает, что в схематизм, связанный с понятием справедливости, в способ ее представления заложены такие,

возможно, противоречивые и нереализуемые правила. Практическая значимость этих правил должна проверяться с помощью эмпирических инструментов («лабораторных» экспериментов); их теоретическая ценность, критерием которой обычно выступают сложные формы непротиворечивости и логической целостности (когерентности), оценивается с помощью соответствующих инструментов. Сам же мысленный эксперимент вскрывает принципы работы воображения, подобно тому, как карта отображает не только местность (которой может и не быть), но и способ работы картографа (который будет запечатлен с необходимостью).

### Заключение

Помимо конкретного предмета, выступающего явной целью мысленного эксперимента, в нем всегда раскрывается как минимум еще один общий для всех мысленных экспериментов предмет – способы работы воображения. «Удачные», т.е. закрепившиеся в традиции соответствующей дисциплины мысленные эксперименты (поскольку удачными в смысле получения или неполучения эмпирических данных, как это происходит в лабораторных экспериментах, они быть не могут) не только оценивают логическую целостность теоретического представления, но и выявляют необходимые ходы и предпосылки способа организации этого представления. В результате происходит опредмечивание принципов работы воображения, открывающее перспективу исследования границ и общих схем представления и понимания, поскольку воображение выступает фундаментальным условием того и другого.

### Список литературы

1. Мах Э. Познание и заблуждение. М. : Бином, 2010. 456 с.
2. Кошовец О. Б., Вархотов Т. А. Эксперименты без материи: модели в теоретической экономике // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49, № 3. С. 124–139. <https://doi.org/10.5840/eps201649355>
3. Norton J. Are Thought Experiments Just What You Thought? // Canadian Journal of Philosophy. 1996. Vol. 26, № 3. P. 333–366.
4. Mäki U. Models are experiments, experiments are models // Journal of Economic Methodology. 2005. Vol. 12, iss. 2. P. 303–315.
5. Brown J. R. The Laboratory of the Mind. Thought Experiments in Natural Sciences. London : Routledge, 1991. 190 p.



6. Sorensen R. Thought experiment and imagination // The Routledge Handbook of Philosophy of Imagination / Ed. by Kind A. London ; New York : Routledge. 2016. P. 420–436.
7. Daston L. Fear and Loathing of the Imagination in Science // *Daedalus*. 1998. Vol. 127, № 1. P. 73–95.
8. Кант И. Критика чистого разума // Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3. М. : ЧОРО, 1994. 742 с.
9. Тевзадзе Г. Иммануил Кант. Проблемы теоретический философии. Тбилиси : Хеловнеба, 1979. 368 с.
10. Патнэм Х. Мозги в бочке // Патнэм Х. Разум, истина и история. М. : Праксис, 2002. С. 14–37.
11. Fogel R. W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore : Johns Hopkins Press, 1964. 296 p.
12. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 1995. 500 с.
4. Mäki U. Models are experiments, experiments are models. *Journal of Economic Methodology*, 2005, vol. 12, iss. 2, pp. 303–315.
5. Brown J. R. *The Laboratory of the Mind. Thought Experiments in Natural Sciences*. London, Routledge. 1991. 190 p.
6. Sorensen R. Thought experiment and imagination. In: Kind A., ed. *The Routledge Handbook of Philosophy of Imagination*. London; New York, Routledge, 2016, pp. 420–436.
7. Daston L. Fear and Loathing of the Imagination in Science. *Daedalus*, 1998, vol. 127, no. 1, pp. 73–95.
8. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Kritik der reinen Vernunft]. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Writings: in 8 vols.]. Moscow, ChORO, 1994. Vol. 3. 742 p. (in Russian).
9. Tevzadze G. *Immanuel Kant. Problemy teoreticheskoy filosofii* [Immanuel Kant. Problems of theoretical philosophy]. Tbilisi, Chelowneba, 1979. 368 p. (in Russian).
10. Putnam H. Brain in a Vat. In: Putnam H. *Razum, istina i istoriya* [Reason, Truth and History]. Moscow, Praksis, 2002, pp. 14–37 (in Russian).
11. Fogel R.W. *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History*. Baltimore, Johns Hopkins Press, 1964. 296 p.
12. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 1995. 500 p. (in Russian).

## References

1. Makh E. *Poznanie i zabluzhdenie* [Erkenntnis und Irrtum]. Moscow, Binom, 2010. 456 p. (in Russian).
2. Koshovets O. B., Varkhotov T. A. Experiments without Concrete: The Case of Economics. *Epistimologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2016, vol. 49, no. 3, pp. 124–139. <https://doi.org/10.5840/eps201649355>
3. Norton J. Are Thought Experiments Just What You Thought? *Canadian Journal of Philosophy*, 1996, vol. 26, no. 3, pp. 333–366.

Поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024;

принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024

The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 20.11.2024;

accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 373–379

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 373–379

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-373-379>, EDN: CFHOAF

Научная статья

УДК [1:316](430)(09)



## Социальная философия немецкого романтизма

О. М. Ломако

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ломако Ольга Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, [olga-lomako@yandex.ru](mailto:olga-lomako@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>

**Аннотация. Введение.** Статья посвящена анализу немецкого романтизма через социально-философское рассмотрение его возникновения, особенностей и методологических оснований в историческом и культурологическом контекстах. **Теоретический анализ.** Предлагается рассмотреть аналитику и методологию немецкого романтизма с применением философского метода генеалогии. Генеалогическая процедура гетерогенна по своей сути, поскольку предполагает выявление двойственности начала, истока социальности. В романтическом мировоззрении это слияние эстетического восприятия и понятийного мышления. Установлено, что философские методологические основания немецкого романтизма заложены немецкой идеалистической трансцендентальной философией (Кант и Шеллинг) в единстве гносеологического, эстетического и антропологического аспектов. **Эмпирический анализ.** Генеалогическое осмысление конкретных социальных условий в Германии в конце XVIII – начале XIX в. позволило выявить первичное понятие немецкого романтического мировосприятия как исток социальности – свободная общительность – и определить его многоаспектность как понимание и признание Другого (правила поведения и общения, создание программ вечного мира, интерес к истории и народному языку). Академической реализацией понятия свободной общительности становится основание Берлинского университета. **Заключение.** Формулируется вывод о том, что цель раннего немецкого романтизма – свободное единство как новая форма человеческой солидарности – надолго определила гуманистическую направленность романтического мировосприятия.

**Ключевые слова:** социальная философия, немецкий романтизм, просвещение, трансцендентальная философия, литература, свободная общительность, субъективность, творчество, эстетика

**Для цитирования:** Ломако О. М. Социальная философия немецкого романтизма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 373–379. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-373-379>, EDN: CFHOAF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

### The social philosophy of German romanticism

O. M. Lomako

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga M. Lomako, [olga-lomako@yandex.ru](mailto:olga-lomako@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>

**Abstract. Introducton.** The article is devoted to the analysis of German Romanticism through a social philosophical examination of its origin, features and methodological foundations in the historical and cultural context. **Theoretical analysis.** It is proposed to consider the analysis and methodology of German Romanticism using the philosophical method of genealogy. The genealogical procedure is heterogeneous in its essence, since it involves the identification of the duality of the beginning, the source of sociality. In the romantic worldview, this is the fusion of aesthetic perception and conceptual thinking. It is established that the philosophical methodological foundations of German Romanticism are laid by the German idealistic transcendental philosophy (Kant and Schelling) in the unity of epistemological, aesthetic and anthropological aspects. **Empirical analysis.** Genealogical understanding of the specific social conditions in Germany at the end of the XVIII-early XIX centuries allowed us to identify the primary concept of the German romantic worldview as the source of sociality – free sociability – and to define its multidimensional nature as understanding and recognition of the Other (rules of conduct and communication, creation of programs of eternal peace, interest in history and folk language). The foundation of the University of Berlin becomes the academic realization of the concept of free sociability. **Conclusion.** It is concluded that the goal of early German Romanticism – free sociability as a new form of human solidarity – long determined the humanistic orientation of the romantic worldview.

**Keywords:** social philosophy, German Romanticism, Enlightenment, transcendental philosophy, literature, free sociability, subjectivity, creativity, aesthetics



**For citation:** Lomako O. M. The social philosophy of German romanticism. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 373–379 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-373-379>, EDN: CFHOAF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

Нарастающий конфликт межэтнических и национальных отношений требует осмысления форм коммуникации и понимания другого, направленных на создание мировоззрения солидарности. Вполне очевидно, что современное состояние общества неизбежно инициирует необходимость осмысления проблемы социальности в ее самых различных аспектах и темпоральных границах. В этом смысле обращение к исследованию романтического движения как мировоззренческой основы искусства, литературы, философии, политики, культуры в целом не только теоретически, но и в жизни, мироощущении человека конца XVIII – начала XIX в. представляется важным и актуальным. Рожденный Французской революцией, романтизм был сначала в основном немецким. Противоречивость, парадоксальность, двойственность присущи романтизму изначально. Точно так же, как страстное стремление к единству и целостности через преодоление противоречий, через попытку соединить несоединимое, познание бесконечного, движение к идеальному.

Возникают закономерные вопросы, которые определяют логику исследования и структуру данной статьи: «Каковы истоки и основные аспекты социальности немецкого романтизма?», «Что является теоретической основой философской методологии немецкого романтизма?».

В теоретическом плане это означает, что философский анализ немецкого романтизма должен начинаться с генеалогической процедуры как движения к истоку, к началу социальности в историческом контексте.

При этом генеалогию не следует понимать как желание повернуть историю вспять, это всего лишь попытка обнаружить неиспользованные ранее возможности, которые важны для прояснения сути проблемы. Генеалогическая процедура в данном случае начинается с выявления *архе* социальности для его последующей аналитики и определения методологических оснований в немецком романтизме.

## Теоретический анализ

### *Генеалогия и аналитика социальности в немецком романтизме*

Генеалогическая процедура по своей сути гетерогенна, поскольку предусматривает выявление нескольких, по меньшей мере, двух начал. В романтизме – это литература и философия. Представляется, что в данной ситуации особое место обретает знание истока социальности в немецком романтизме. Необходимость рождения новой формы социальности была обусловлена, не в последнюю очередь, историческими условиями существования Германии, которая в экономическом и политическом отношении была слабой и раздробленной. К началу Французской революции Германия состояла из 300 отдельных государств, из которых наибольшим значением европейского уровня обладали Пруссия и Австрия и в меньшей степени Бавария и Саксония. Система управления представляла собой власть просвещенного абсолютизма и основывалась на Божьей милости и государственной власти, которая складывалась из армии, профессионального чиновничества и церкви. Коалиционные войны против Франции закончились поражениями. Заключенный в 1795 г. мир обеспечил Северной и Средней Германии мирное существование на 10 лет, что предоставило историческую возможность рождения Веймарской классики и ранней романтики в Йене и Берлине [1, с. 15].

В контексте философской полемики с Французской революцией в Германии появился ряд работ, представлявших модели создания долгосрочного, даже вечного мира в странах и между народами. К ним можно отнести «*Versuch über den Begriff des Republikanismus*» (К вопросу о понятии республиканизма, 1796), в котором 24-летний философ излагает свои политические взгляды по поводу обсуждения работы Иммануила Канта «О вечном мире». Предпосылкой мирной совместной жизни Кант называет республиканскую конституцию, под которой он имел в виду не демократию, а конституционную монархию на основе разделения власти. Если Кант, сообразуясь с трезвым рассудком, го-



ворит о реальной возможности политической свободы, Ф. Шлегель создает утопию, идеальную республику, максимум которой является «Сообщество, свобода и равенство» *Gemeinschaft* – содружество, общность. *Fraternité* – братство заменилось на содружество, этим понятием Ф. Шлегель подчеркнул ценность содружества, общности для ранних романтиков. Государство он определял как человеческое общество, целью которого является сообщество человечества. «Универсальный и совершенный республиканизм и вечный мир – амбивалентные понятия». Однако идеальное государство и вечный мир среди людей и государств были бесконечно далекими целями, его мировая республика имела характер процесса. При этом политические представления Ф. Шлегеля перекрывались его романтической универсальной поэзией [1, с. 21–22].

Выражая надежду на вечный мир, Новалис в своих «Фрагментах» излагает идеи обновления государства и общества. Чтобы сделать утопическую идею обновления государства более убедительной, он связывает ее с реальностью. Юную прусскую королевскую пару Новалис делает символом своей идеи государства как большой семьи. Исходную клеточку государственного организма должна образовать королевская семья, которая благородным умом, простым и нравственным образом жизни и эстетическими манерами поведения облагораживают свое окружение [2].

Ранним эссе «К теории социального поведения» (*Versuch einer Theorie des geselligen Betragens*, 1799), опубликованным анонимно в Берлине, Ф. Шлейермахер заявил о себе как теоретике романтизма. Это была попытка придать раннеромантическим позициям систематическую научную форму. Странным образом это сочинение не упоминалось автором в его переписке и было неизвестно даже в кругу друзей. Так оно почти кануло в безвестность и было обнаружено только в начале прошлого столетия Германом Нолем, которым авторство Шлейермахера было бесспорно доказано. Заявленное в названии «социальное поведение» касалось прежде всего культуры берлинских салонов. Основное понятие – *общительность* (*Geselligkeit*) рассматривается с трех взаимосвязанных точек зрения: формальной, материальной и количественной. С формальной точки зрения *Geselligkeit* общительность – всестороннее взаимодействие (*Wechselwirkung*); матери-

альная точка зрения означает обусловленную индивидуальностью свободную игру мыслей; количественная точка зрения предполагает необходимую количественную ограниченность определенного общества, внутри которого оно может существовать как целое. Определенное общество – ограниченная реализация всесторонней взаимности (*Wechselseitigkeit*), одновременное признание других и признание другими. Формальный закон трактует романтический идеал индивидуальной всеобщности как преодоление противоположностей. В социально-философском понимании – это романтизм Руссо, т. е. гражданская романтика (*citoyen Romantik*), которая соответствие *всех – одному* делает программой преодоления отчужденных общественных отношений.

Из осмысления понятия «романтическая общительность», т. е. свободная общительность лучше всего можно увидеть, насколько искусственным является противопоставление просвещения и романтики. *Свободная общительность* пронизывает собой не только романтическое искусство, но и охватывает все области и действия ранних романтиков. Так, мысль Ф. Шлегеля «Общительность есть подлинный элемент всякого образования, целью которого является весь человек» развивает Новалис: «Общество есть ничто иное как совместная жизнь: неделимая думающая и чувствующая личность. Каждый человек есть маленькое общество» (Novalis, *Blütenstaub*) или «общество, плюрализм – наша внутренняя суть – и возможно каждый человек обладает своеобразной частью того, что я думаю и делаю, и также я живу в мыслях других людей» [3, с. 103].

По утверждению Ф. Шлейермахера, для романтической общительности нежелательными сферами являются профессия и домашнее хозяйство. Насколько они утилитарны, настолько же они не являются свободной общительностью. В них отсутствуют легкость, изящество, присутствие «свободной игре сил». Эту мысль очень точно выразил Бертран Рассел: романтическое движение как целое характеризуется подменой утилитарных стандартов эстетикой. Модель, по которой Ф. Шлейермахер создает свою общественную теорию, узнаваема. Это конструкция игровой культуры Шиллера, представляющая собой эстетическое состояние, также должна существовать без всякой цели. О «свободной игре своих сил» теоретик романтизма говорит и тогда, когда описывает общество, в котором



совместная жизнь выстраивается как произведение искусства, в котором отношения людей не должны быть односторонними, а должно быть взаимодополняемое и взаимоизменяющееся взаимодействие. И если только все эти условия полностью выполняются, тогда может идти речь об «обществе в подлинном смысле» [3, с. 104–105].

Термин *романтика* происходит от *roman*, что дословно означает «на романском языке». Этимология «романтики» восходит к древнефранцузскому коренному слову *roman*, которое означало романский народный язык в противоположность латыни как языку ученых, и поэтому провинциальные стихи и рассказы на этом языке получили со временем название «*romance*» и «*Romanzen*». Слово «роман» того же происхождения [4, с. 70].

В Йене возникает утопический проект романтического народного движения. Образцом для этого проекта служит идеализация прошлого, каковым оказывается теперь не Античность, а эпоха Средневековья Дюрера и Ганса Сакса. Политическая романтика по сути и есть романтизация Средневековья, устной речи, народной речи, народа и негативное отношение к политике как области разума и рассудка. Политика понимается как игра, политический театр, территория фантазии.

Идеализация народа выполняет двойную функцию и указывает на ее происхождение в движении гениев. Она служит масштабом для анализа общественной действительности. Деятельность романтиков включает в себя одновременно две тенденции: с одной стороны, желание задокументировать свидетельства пока еще не изображенного народного творчества в песнях, сказках и сказаниях и спасти тем самым от забвения; с другой стороны, действовать воспитательно и сделать простую естественную поэзию средством возрождения народа из своих собственных глубин. Во всей романтической школе живет эта вера в глубинную природу народной жизни. То же касается представления о «детском» характере народа, точно так же исходящее из идеи Руссо. Народ, как ребенок, – индивидуальная педагогическая проблема. Тот или иной народ, как тот или иной ребенок, обладает преимущественным талантом. Новалис также отождествляет образование народа и воспитание ребенка. Ребенок появляется подобно простому человеку из народа как природное существо, чьи способности

и склонности следует образовывать сообразно гармонии целого [3, с. 119–120]. Ницше задает радикальный вопрос: «Можно ли воспитать гения?» и говорит о том, что гений имеет метафизическую природу, он рождается из глубин народного бессознательного.

Как индивидуальное детство детский рай получает для человека значение идеала, так и детское состояние народа соотносится с золотым временем, мифическим началом истории. Романтическое представление истории укладывается в трехступенчатую схему: из перспективы неизлечимого прозаического ускользающего настоящего прошлое обретает черты законченной, но утраченной эпохи, и будущее рисуется по аналогии с прошлым.

Последнее важное следствие романтической народной идеи составляет мысль об органическом понятии государства. Новалис и Адам Мюллер сходятся в том, что рациональная теория не может полностью выразить природу государства. Государство происходит отсюда же, откуда человек – из природы. Согласно этому воззрению государство – живое природное целое, обладающее внутренними естественными связями совместной внутренней и внешней жизни нации. Первичной клеточкой этого живого организма является семья, поскольку в ней соединяются природные противоположности для рождения новой жизни. Семья всех семей – государство. Свобода, равенство, разнообразие, взаимодействие – лозунги романтизма, стремление к единству к целостности [3, с. 122].

Романтическая общительность (*Geselligkeit*) – либерализм, т. е. «свободное взаимодействие» (*freie Wechselwirkung*). Целью общества должно стать следующее: влияние каждого должно касаться деятельности остальных, деятельность каждого должна касаться влияния каждого – эта модель мышления распространяется на все сферы жизни и одной из важнейших ее реализаций является основание в 1810 г. Берлинского университета Вильгельмом Гумбольдтом [3, с. 114]. Братья Гумбольдт, Фихте, Шеллинг (лекции «О методе академического обучения», 1803) Шлейермахер с его «*Gelegentliche Gedanken ueber Universitaeten im deutschen Sinn*» («Случайные мысли об университетах в немецком смысле» 1808) воплотили надежды романтической школы – новый университет стал центром их устремлений к освобождению и единению всего немецкого народа.



### Эмпирический анализ

*Методологическая основа немецкого романтизма: единство гносеологического, эстетического и антропологического аспектов*

Формирование новой культурной модели в европейском сознании было подготовлено, с одной стороны, критикой Просвещения и различными попытками преодоления его установок, а с другой стороны, тем внутренним конфликтом, проявившимся в самом просветительском мышлении и преобразовательной установке. Разрешением конфликта стала Великая Французская революция (1789–1794), решающее значение которой заключается не только в политике, но и в истории европейской культуры, в том, что она принесла много нового, и прежде всего открытие революционного способа разрешения политических и социальных проблем. Революция призвала, скорее, к действию, чем к осмыслению. Подлинное преобразование должно быть преобразованием самой жизни, а не осмыслением представлений о ней. Значительная часть европейской общественности в большей мере интуитивно сразу восприняла начало французской революции как начало новой эпохи. И действительно, революция не только подвела черту под эпохой Просвещения, но инициировала и ускорила формирование новой модели культуры, получившей название «романтизм».

Отмечая как факт превращение революций в повседневную реальность, Ханна Арендт в своем эссе «Свобода, быть свободным» рассуждает о новом, революционном понимании слова «свобода». Оно означает теперь, что обедневшее население отсталой страны вдруг становится свободным, но не от нужды и бедности, а от непонимания своей бедности, и люди замечают, что впервые открыто ведутся дебаты об их нуждах и бедах, и их приглашают принять участие в этих дискуссиях. Слово «свобода» означает теперь, что этих людей привозят в столицу и говорят, что эти улицы, здания и площади принадлежат им, они – их собственность и гордость. Именно это или что-то подобное произошло впервые во время Французской революции. Настоящим курьезом Х. Арендт считает, что первым это понял кенингсбергский отшельник, никогда не покидавший Восточной Пруссии Кант, который провозгласил: «Такой феномен в человеческой истории не забудется никогда» [5, с. 10–11].

Совершенно бесспорно, что все романтическое мировоззрение, так же как и его теоретические основания, исходили из противопоставления современной им общественной действительности и идеалов. Рассматривая особенности романтической школы в контексте «вклада в историю немецкого ума», Рудольф Гайм не случайно называет романтизм «революционным идеализмом». Перед романтизмом стояла сложная задача: собрать воедино лучшие идеи и воодушевить ими народ. Пафос его воззрения заключается в утверждении того, что у немцев была также своя великая революция – революция в литературе, причем с самого начала великой эпохи поэзия и философия взаимодополняли одна другую и «никогда их взаимная связь не была так сильна, как в стремлениях основателей романтической школы». Именно в этом слиянии фантазии с мышлением и заключается сущность романтизма. Для романтического направления точкой опоры послужило философское мышление. Р. Гайм последовательно проводит мысль о том, что «неподражаемое глубокомыслие Канта перекинуло мост между прежними понятиями о просвещении и новыми, искавшими для себя опоры в совокупности человеческих особенностей и в гениальности» [6, с.10]. Направленный на внутренний мир анализ кантовской критики побудил умы сознательно стремиться за пределы всего естественного и конечного. Пограничная черта между миром разума и миром фантазии, мост от просвещения к романтизму воплощается, во-первых, как утверждение субъективности у Канта, которое следует из противопоставления двух миров – материального (сущего) и идеального (должного). Человек находится между двумя мирами, выходит за пределы того, что есть (сущее) в мир того, как должно быть (должное). Человек – существо, способное к трансценденции – способности выйти за пределы своих физических возможностей и мира материальной физической реальности в мир духовный, нравственный, эстетический. «Критика способности суждения» – учение об эстетике, т.е. о прекрасном и возвышенном, сопоставление прекрасного с истинно человеческим. Возвышенное – это такое состояние, когда человек возвышается над самим собой, над своей природой. Сопоставление прекрасного с истинно человеческим.

Кант рассматривает природу как силу (Macht, Kraft, Gewalt)– насилие внешнее над внутренним. Природа в эстетическом суждении



не имеет над нами власти, она динамически возвышенна. Таковой она может быть только потому, что представляется как внушающая страх, то, что вызывает необходимость сопротивления. Это является основанием возвышенного, увеличивает душевную силу, дает мужество померяться силами со всемогущей природой [7, с. 196–197].

Рассматривая природу как силу, Кант понимает ее математически-механистически, хотя в «Критике способности суждения» он проводит идею целесообразности, все же она выполняет роль лишь регулятивного принципа. Романтик Шеллинг утверждает, что природа полна жизни. Мы должны удивляться ей и учиться у нее. У него жизнь и душа становятся конститутивными принципами бытия природы. Природа в своей основе есть дух, дух в своей основе есть природа. В его трансцендентальной философии мир – произведение искусства. В философии искусства Шеллинг определяет прекрасное как бесконечный переход конечного в бесконечное и бесконечного в конечное как символ бесконечного в единстве души и тела, природы и духа, закона и свободы, индивидуальности и всеобщности. Однако этот оптимизм постепенно ослабевает. В его философии истории все чаще появляются иррациональные элементы: воля, которая остается темной и непонятной, бессмысленность, которая сопровождает ход истории, зло как первооснова всех вещей, бог как виновник мирового круговорота. Но в конце концов свет побеждает тьму. Хотя в действительности Шеллинг продолжал стремиться к всеобщему с его просветляющей силой, он потерялся в безбрежности как дух Фауста. Тем не менее среди романтиков его философия нашла большой резонанс, поскольку чувство, интуиция, традиция и вера значили для них больше, чем чистый разум и только понятийное мышление [8, с. 160–161].

Такое понимание человеческой природы соответствовало романтическому культу искусства. Согласно представлениям Шеллинга в художественном творении сознание и бессознательное едины, в произведении искусства присутствуют свобода и бесконечность. Искусство есть единственно истинный и вечный органон, а также документ философии, который постоянно подтверждает наличие бессознательного в его действовании и его изначальное тождество с сознательным. Искусство есть наивысшее для философа, потому что освещает изначальное и

вечное единение того, что в природе и в истории разделено, что в жизни и в мышлении должно избегать друг друга [9, с. 482–485]. Романтическое мировоззрение явно получило прививку немецкой диалектикой.

### Заключение

Социально-философский анализ немецкого романтизма основан на мировоззренческом содержании этого социального и культурного феномена как формы самоутверждения человека в новых исторических условиях. Отсюда сложность, «двойственность» романтизма: гуманистический пафос как утверждение субъективности и творческого начала и социальный негативизм как протест против современной ему общественной действительности. Романтизм как культурное и общественное движение с его специфическим мировоззрением характеризуется поиском *нового*, он возникает и воспроизводится в исторические периоды, которые получили название переходных. Возникновение немецкого романтизма, обусловленного историческими условиями, начинается с поиска новой формы социальности в контексте культуры – свободной общительности, направленной на преодоление национальной, политической и экономической раздробленности Германии. В конкретно-историческом смысле немецкий романтизм представляет собой единство социальных действий и практик. Его методологическая основа инициирована идеями немецкой трансцендентальной философии в совокупности гносеологического, эстетического и антропологического аспектов. Романтическая общительность представлена в разных аспектах: идея вечного мира, правила поведения и общения, интерес к истории и народному языку, создание Берлинского университета. Вся эта многоаспектность раннего немецкого романтизма подчинена одной главной цели – свободному единству как новой форме человеческой солидарности, что надолго определило гуманистическую направленность романтического мировосприятия.

### Список литературы

1. Borries Erika, Borries Ernst. Deutsche Literaturgeschichte: in 12 Bd. Bd. 5: Romantik. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. 443 S.
2. Новалис. Фрагменты. СПб. : Владимир Даль, 2014. 319 с.



3. Hansers Sozialgeschichte der deutschen Literatur. München ; Wien : Carl Hanser Verlag, 1987. 1004 S.
4. Schulz G. Die deutsche Literatur. München : C. H. Beck Verlag, 1983. 763 S.
5. Arendt H. Die Freiheit, frei zu sein. München : Dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co, 2018. 61 S.
6. Гайм Р. Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. М. : К. Т. Солдатенков, 1891. 774 с.
7. Кант И. Критика способности суждения. СПб. : Наука, 1995. 512 с.
8. Hirschberger J. Kleine Philosophiegeschichte. Freiburg : Verlag Herder, 1995. 224 S.
9. Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф. В. И. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1987. Т. 1. 637 с.
2. Novalis. *Fragments* [Fragments]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2014. 319 p.
3. Hansers Sozialgeschichte der deutschen Literatur. Munich, Wien, Carl Hanser Verlag, 1987. 1004 S.
4. Schulz G. *Die deutsche Literatur*. Munich, C. H. Beck Verlag, 1983. 763 S.
5. Arendt H. *Die Freiheit, frei zu sein*. Munich, dtv mbH & Co, 2018. 61 S.
6. Haym R. *Romanticheskaya shkola* [Romantic school. Contribution to the history of the German mind]. Moscow, K. T. Soldatenkov, 1891. 774 p. (in Russian).
7. Kant I. *Kritik der Urteilskraft*. Königsberg, 1790 (Russ. ed.: Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya*. St. Petersburg, Nauka, 1995. 512 p.).
8. Hirschberger J. *Kleine Philosophiegeschichte*. Freiburg, Verlag Herder, 1995. 224 S.
9. Shelling F. W. J. *System des Transcendentalen Idealismus*. Tübingen, 1800 (Russ. ed.: Shelling F. W. J. *Sistema transtsendentalnogo idealizma*. Soch.: v 2 t. Moscow, Mysl' Publ., 1987. Vol. 1. 637 p.).

### References

Поступила в редакцию 26.06.2024; одобрена после рецензирования 17.07.2024;  
принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024  
The article was submitted 26.06.2024; approved after reviewing 17.07.2024;  
accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 380–387

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 380–387

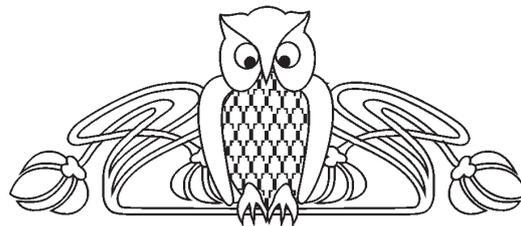
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-380-387>, EDN: GCKSEC

Научная статья

УДК [130.2+316.722](470+571)(09)

## Русское странничество в системе культурно-антропологического кода



Д. Д. Романов

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Романов Дмитрий Дмитриевич, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной философии, [romanov\\_dd@pfur.ru](mailto:romanov_dd@pfur.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6715-3448>

**Аннотация. Введение.** В статье исследуется социальный институт странничества как феномен русского культурного кода в его эволюции и формировании традиции социальной практики. **Теоретический анализ.** Автор использует как методологию культурологического исследования, так и подходы социологии знания, философско-антропологический и цивилизационный анализы для целостного понимания явления странничества. В рамках культурно-исторического рассмотрения предлагается перспектива двух периодов становления этой традиции – времени калик-перехожих и последовавшего периода секуляризации и обмирщения. Утверждается, что дифференциация этапов выступает эпифеноменом смены антропологической парадигмы и возникает при номиналистической десакрализации народного бытования в целом, к которой приводят прогрессистские реформы и ориентация на модернизирующееся западноевропейское общество. **Эмпирический анализ.** Используется подход классической философской антропологии с концепциями трансцендирования М. Шелера и эксцентрической позиции Х. Плеснера как детерминант человеческой природы. При этом интернальная ориентация на трансцендентное в традиции странничества указывает на специфичность цивилизационной идентичности, в рамках которой она оказывается возможной, и которая сама противопоставляется утилитаристской прагматике, формирующей феномен общества потребления. **Заключение.** Формулируется вывод, согласно которому странничество выступает как элементом отечественного культурного наследия, так и инструментом понимания более фундаментальных философских оснований российской цивилизации.

**Ключевые слова:** культурный код, странничество, философская антропология, калики-перехожие, традиция, социальный институт, сакральность, древнерусская культура

**Для цитирования:** Романов Д. Д. Русское странничество в системе культурно-антропологического кода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 380–387. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-380-387>, EDN: GCKSEC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Russian Pilgrimage in the system of cultural and anthropological code

D. D. Romanov

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, 6 Miklukho-Maklay St., Moscow 117198, Russia

Dmitry D. Romanov, [romanov\\_dd@pfur.ru](mailto:romanov_dd@pfur.ru), <https://orcid.org/0000-0001-6715-3448>

**Abstract. Introduction.** The article examines the social institution of pilgrimage as a phenomenon of the Russian cultural code in its evolution and formation of the tradition of social practice. **Theoretical analysis.** The author uses both the methodology of cultural research and the approaches of the sociology of knowledge, philosophical-anthropological and civilizational analysis for a holistic understanding of the wandering phenomenon. Within the framework of cultural and historical analysis, the perspective of two tradition formation periods is proposed - the time of the kalik-transients and the subsequent period of secularism and secularization. It is argued that the differentiation of these stages acts as an epiphenomenon of the change in anthropological paradigm and arises from the nominalistic desacralization of folk existence, which is led by progressive reforms and orientation towards a modernizing Western European society. **Empirical analysis.** The author uses the approach of classical philosophical anthropology together with the concepts of transcendence by M. Scheler and the eccentric position of H. Plesner as a determinant of human nature. At the same time, the internalistic orientation towards the transcendent in wandering tradition indicates the specificity of civilizational identity, within which it turns out to be possible, and which itself is opposed to utilitarian pragmatics, that forms the phenomenon of consumer society. **Conclusion.** It is concluded that Russian pilgrimage is both an element of the national cultural heritage and an instrument for understanding the more fundamental philosophical foundations of Russian civilization.

**Keywords:** cultural code, wandering, philosophical anthropology, kaliki-transients, tradition, social institution, sacredness, ancient Russian culture



**For citation:** Romanov D. D. Russian Pilgrimage in the system of cultural and anthropological code. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 380–387 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-380-387>, EDN: GCKSEC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

Культурный код как конструкт символического множества, упорядоченного определенной традицией, обладает рядом характеристик, среди которых важнейшие – его антропогенность, конечность смыслов, информационный характер, закреплённость в культурном опыте и нормировании социальных практик, историчность [1, с. 633]. На сегодняшний день исследование культурного кода России во многом определяют вектор развития социально-гуманитарных наук, где можно встретить как противников данной концепции, апеллирующих к опасностям паттернализма, так и приверженцев, стремящихся вырваться из глобалистского контекста в полицивилизационный, определяемый системой культурных кодов. Культурный код понимается последними как фундирующее начало идентичности.

Традиция странничества, существовавшая в России до XX в., является характерным элементом культурного кода. Цель данной статьи – установление философско-антропологических оснований этой традиции, а также причин и предпосылок ее утери. Гибель традиции выступает маркером существенных социокультурных трансформаций, указывая на искажение культурного кода и кризис цивилизационных процессов. Полагаем, адекватность функциональности института странничества, нарушается не мгновенно, но процесс институциональной дисфункции ясно прослеживается в культурно-историческом и социально-политическом контекстах изменения значения от интеграционно-органического до маргинального. Для понимания процессов деструкции социокультурного феномена странничества необходимо выявить аксиологические и эпистемологические доминанты этого института, которые лежат в сфере философской антропологии, имеющей дело с предметом места человека в мире, его идентичностью и отношением к инаковости.

Феномен странничества все еще слабо от-refлексирован социальной философией, что служит причиной как отсутствия целостного понимания этого явления русской культуры,

так и искаженного толкования сущностных свойств и функций института странничества. С нашей точки зрения, в рамках разговора о русском странничестве следовало бы пересмотреть значимость таких функций, как культуртрегерство, просвещение, миссионерство, развитие социальных коммуникаций и т. п. Все это носит экстернальный характер, свойственный прогрессивизму, ориентации на социальное развитие и достижение видимых и измеряемых (имманентных) результатов, это эпифеномены странничества. Основными же свойствами странничества являются ориентация на интернальность, трансцендентное благо, соборность и поддержание «невидимой» связи (таинства), что конституирует его сакральный характер. Для обоснования такого подхода, во-первых, следует рассмотреть странничество как социокультурный феномен именно русской культуры; во-вторых, наметить основные пути философско-антропологической рефлексии странничества. Как указывает Л. А. Черная, «антропологический подход дает как бы “внутренний” ключ, кроющийся в самом человеке, к дешифровке столь богатой, разнообразной и одновременно склонной к умалчиванию о себе древнерусской культуры» [2, с. 5]. Анализ будет двусторонним: в его фокусе окажется и социальная реальность как пространство действия, и мир человека, связанный с социальной реальностью, но не полностью детерминированный ею. Такой анализ может быть назван социально-философским исследованием культурно-антропологического кода.

## Теоретический анализ

Странничество во многом определило специфику народного миропонимания и религиозного делания на Руси. Оно проявляется не только как институционально оформленное сообщество людей уникального образа жизни и кодекса поведения, но и в светской жизни среди русских философов (Г. С. Сковорода, Вл. С. Соловьев), писателей (поздние Л. Н. Толстой и Н. В. Гоголь, А. М. Добролюбов, ранний А. М. Горький), в живописи и музыке, в огромном корпусе текстов «Хождений», духовных



стихов и т.д. И все же прошедшая легитимацию социального опыта, оформившаяся в культурном сознании и документально закреплённая в качестве общественного института, эта традиция была прервана в XX в. Следовательно, имеется фигурно законченный в своем темпоральном развитии целостный феномен, готовый для всестороннего анализа. Традиция – это часть культурного наследия, оцениваемая как нечто значащее, а также сам механизм оценки и передачи [3, с. 4], т. е. динамическая структура знания. И если передача ее больше не осуществляется, а трансформация достигает такой степени, что утрачивается природа предмета, то само разрушение структуры и продукты распада влияют на общую систему культуры благодаря интегративному свойству. В системе культуры тоже действует закон сохранения – ничто не исчезает «в никуда», но принимает новые формы. В отличие от западного пути схоластической миссии, проповеди и учительства русское странничество – это практика внутреннего совершенствования. Таким образом, странничество – это элемент культурного наследия и одновременно инструмент понимания более фундаментальных философских оснований существования цивилизации.

Традиция внутренней углубленности, перманентной недостаточности «земного» существования, культивации духовных ценностей являлась значимой частью российской духовной культуры. Что происходило с ней исторически? А. Ю. Ильина указывает на слом подвижнической традиции в переориентации на гуманистическую парадигму новоевропейского модерна при Петре I, когда странничество подверглось упразднению. «Странничество предполагает в своем основании приобщение к ангельскому чину, отрицание земных благ, духовную брань...» [4, с. 92]. Так характеризует автор «допетровский» тип института странничества. В цитируемой статье есть как адекватные, так и весьма спорные утверждения. К первым относится указание на то, что странник несет миру опыт инога. Через инаковость он обращает людей к трансцендентному основанию их личности, к самости, нежели к фигуре самого странника или его биографии. Спорным же кажется акцентирование на культуртрегерской миссии странствующего просвещенца.

Так, в одном из ключевых произведений, созданных в данной традиции уже в XIX в., находим: «Вскоре разнесся слух по всему околот-

ку, что я и провидец, и лекарь, и знахарь <...> С неделю я посмотрел на это, и убоявшись, чтобы не впасть в тщеславие и не повредиться рассеянностью, ушел оттуда тайно ночью» [5, с. 65]. Герой неоднократно говорит о желании уединения для себя и для других. Тема уединения, земного сиротства, поиска трансцендентного родства тут наиболее очевидна. Странники ходят постигать божественную природу, учиться непрестанной молитве и внутреннему миру, часто практикуя безмолвие вне общества и даже монашеского общинножителства. О культуртрегерской и просвещенческой миссии не может идти и речи.

История странничества свидетельствует о том же. Ее можно условно разделить на две эпохи: период культуры калик переходных (X–XIV вв.) и период десакрализованного странничества (XV – начало XX в.).

Фигура *калики переходного*, помимо классических гуманитарных дисциплин, входит в предметное поле науки имагологии [6], которая занимается компаративным анализом культурных кодов в проблемном ракурсе «чужого», что позволяет говорить о философском подходе к предмету. Во-первых, вынесение культуры калик в эту дисциплину свидетельствует об утрате данного института в современном обществе, для которого он «чужой». Во-вторых, само странничество выступает тут как альтернатива повседневно-обыденному укладу жизни.

Понятие «калика» означает как блаженный или увечный человек, посвятивший жизнь странничеству по святым местам, так и представитель воинского сословия, близкого к монашескому типу, наподобие европейских тамплиеров. В XIII в. калики документально получают статус по церковному уставному положению, подпадая под церковную юрисдикцию [7, с. 84]. Но и здесь они являются «чужими» или «сторонними» (отсюда – «странник»), не до конца интегрируясь в религиозную общину. Культ же воина складывается на Руси в XI–XII вв., когда само передвижение по территориям еще слабо интегрированного протогосударства было связано со множеством трудностей (отсутствие дорог, речные пороги, угроза степняков, соседних племен и т. д.), и некоторые исследователи склонны рассматривать номадический институт Руси как релевантный воинскому сословию [8, с. 214; 9, с. 107]. Цель же калик глубинно интернальная и укорененная в трансцендентном поиске – «воочию убе-



даться в наличии святых мест» [7, с. 143], что «пересекается с темой тщетности всего земного» [7, с. 242]. Часто она связана с подвижническим и исповедальным мотивом, а их образ жизни «носит характер епитимии и заменяет более привычные ее формы» [10, с. 222], это покаянное паломничество воинов, проливших человеческую кровь. В общественном сознании жизнь калик наделяется сакральностью, отражает неземное бытие, они не могут быть интегрированы в профанные отношения, но и не исключаются из общественной жизни, что свидетельствует о двухуровневой онтологии общества – значимости земного и потустороннего, принятии рациональности и мистического начала. Однако имагология говорит о фигуре «чужого» в двух ее видах – в отношении к современному ему обществу, о чем было сказано, и в отношении к актуальности. С чем связана утеря актуальности института калик?

Ответ отсылает ко второй эпохе – десакрализованного странничества, начавшейся в период Московского царства. Судебник 1589 г. и Стоглавый собор утверждают превалирование «чести городского нищего» над «честью калики» [11, с. 28]. В понимании церковных иерархов того времени калики начинают отождествляться с зарождающейся сектой стригольников. Игрет роль и институциональное столкновение: «Общаясь с церковной иерархией и подчас будучи намного более осведомленными в церковных проблемах и религиозных идеях, чем рядовые священники и дьяконы, калики могли сеять новые идеи и составлять конкуренцию даже церковной элите» [7, с. 166–167]. Наконец, к XVII в. странничество «теряет статус общественного санкционированного занятия, доходного промысла (аналога ремесла), рассматривается уже как социальное бедствие» [7, с. 122–123]. Можно сказать, что теряется традиция почитания и сакрализации нищих и убогих, утвержденная в Евангелии (Мф. 25:34–40; Мф. 20:28; Мк. 10:45; Ин. 13:14), и на ее место приходит сострадание «униженным и оскорбленным», императивы гуманизма и эгалитарные социальные учения западноевропейского модерна, т.е. иной культурный код. Два генетически разных процесса сталкиваются в эпоху Петра I и отсюда прослеживается постепенная маргинализация странничества.

На разрыв традиции указывает В. О. Ключевский: «Нищенство считалось в древней

Руси не экономическим бременем для народа, не язвой общественного порядка, а одним из главных средств нравственного воспитания народа, состоящим при Церкви практическим институтом общественного благонравия. Как в клинике необходим больной, чтобы научиться лечить болезни, так в древнерусском обществе необходим был сирий и убогий, чтобы воспитать уменье и навык любить человека» [цит. по: 12, с. 84]. В. В. Розанов замечает, что существование подобной социальной неоднородности – признак социальной органичности, в которой каждый элемент связан с другим, потенциально включая его в себя через нахождение в едином организме. Маргинализация же приводит к механистичности, дурному смешению, подавлению уникальности и разрушению онтологии субъекта. Признаки крушения традиции Розанов видит в том, что на место потребности в милости явилась потребность в силе и успехе нищенски-дарвинистского толка под маской гуманизма. Касательно петровских реформ Розанов спрашивает: «Наши ли это идеалы? Вечны ли они? Могут ли они насытить сколько-нибудь наше сердце?» [12, с. 86]. Причиной развития культа успеха, подчинившего себе духовность, он считает установку западной церкви на отождествление успешности и благодати. Об этой установке М. Вебер пишет: «Желание быть бедным было бы равносильно желанию быть больным и достойно осуждения в качестве проявления синергизма, наносящего ущерб славе Божьей» [13, с. 116].

Понижение социального статуса странников от сакральности калик переходящих до неблагополучных маргинально разобщенных элементов совпадает с началом вестернизации. Исторический процесс элиминирует изначальный смысл странничества, и, как замечают Т. Лукман и П. Бергер, «передача смысла института основана на социальном признании этого института в качестве “перманентного” решения “перманентной” проблемы данной общности» [14, с. 116]. Значит, редуцирование традиции седиментации практик странничества и вытеснение их новыми практиками, вырастающими вокруг мифологемы имманентно-благодатной успешности, осуществляется самим же обществом. И уже в этой новой традиции гуманизма (построения идеального общества в мире земном) видны черты патернализма, искажающие культурный код.



## Эмпирический анализ

Обосновывая ключевое положение философской антропологии, М. Шелер пишет, что человек – «это существо, способное трансцендировать себя от всей жизни и в ней самого себя благодаря все той же деятельности (которая до смешного легко может исключать себя из “сохранения жизни” с ее целями) он “пионер”» [15, с. 28]. Имагология понимает это как выход к иному началу для понимания своего места. Жизненно-динамическое бытие человека, его цельность и самость, свобода и достоинство коренятся в способности трансцендировать за пределы уже осуществленного, в том, что Шелер называет внеположным бытию местом человека как посредника между духом и жизненным порывом. Изучение странничества через призму философской антропологии помогает понять драматизм человеческой онтологии, динамическую недостаточность и расщепленность его природы.

Обращение к еще одному классику философско-антропологической мысли – Х. Плеснеру – может дать ключ к раскрытию сущностного мотива человеческого поведения, одним из проявлений которого выступает странничество. Плеснер пишет: «Кто тоскует по дому, родине, укрытости, должен принести себя в жертву вере. Тот же, кто держится духа, обратно не возвращается» [16, с. 295]. Плеснер говорит об эксцентрической позиции человека как одной из трех антропологических констант. Из этой позиции дух перманентно толкает человека на поиски его экзистенции. Человек обнаруживает себя в «утопическом месте», где, на первый взгляд, он тождественен себе, но духовное начало вновь выбрасывает его из утопического места, раскрывая его миру. Существование человека – это динамическое противостояние раскрытия и сокрытия. Эксцентрическая позиция может пониматься и на внешнем уровне, и на внутреннем (Umwelt), но всегда необходима корреляция между ними. Странничество может рассматриваться как попытка такой корреляции в модусе недостаточности имманентного существования. «Дом странника – это весь мир, но он нигде не чувствует себя как дома» [17, с. 42], ненормальность репрезентируется самой его экзистенцией. Вопреки потребительско-обывательской нормальности в его бытии осуществляется выбор и рефлексия оставленной возможности конформности существования. В

этом отношении плодотворными представляются исследования связи странничества и его социально-антропологических оснований с таким современным явлением, как дауншифтинг. Однако акцент в основном делается на противопоставлении обществу потребления и гонки за успешностью: «Дауншифтеры проявляют необычную степень решимости, поскольку они приняли сознательное решение противостоять мощной социальной установке на успех по нормам, определенным обществом потребления» [18, р. 26]. Необходимо осветить вопрос влияния экзистенции как перманентной инициации и эксцентричности (Плеснер). Странничество и дауншифтинг, безусловно, разные традиции, но следует обратить внимание на возможность их единого основания в глубинной природе человека.

В этой связи возникает вопрос о волеии и цели как философско-антропологических категориях. Эксцентрическая позиция и утопическое место человека по Плеснеру это одновременно форма-идея, причина и процесс осуществления самого себя. «И хотя цель устремлений никогда не совпадает с конечным пунктом их реализации, а человек в определенном смысле никогда не приходит туда, куда хочет, – делает ли он какой-либо жест, строит ли дом или пишет книгу, – описанное отклонение еще не делает в силу этого его устремления иллюзорными и не зачеркивает его осуществления» [16, с. 326]. Разница между точкой интенции и реализацией выражается в объективации духа. И если цель всегда «ускользает» от странника, выражаясь в чувстве постоянной недостаточности, можно сказать, что он пытается одухотворить весь мир – это его внутренняя цель. Так, странничество как вечное движение и неуспокоенность в мире земном выступает ярким феноменом средневекового мироощущения и находит онтологические обоснования в системе Николая Кузанского [19, с. 119].

Но является ли это уникальной особенностью русского культурного кода? Западный мир также всегда характеризовался высочайшим показателем миграции. Так, Ж. Делюмо сообщает, что в 1575 г. Рим посетили более 400 тыс. паломников, а в 1600 г. – более 600 тыс. со всех концов Европы, большинство которых относились к нищенствующему сословию [20, с. 322–324], и «средневековый европеец в полной мере ощущал себя лишь странником на этой земле» [21, с. 65], коррелируя с христиан-



ским учением (Евр. 13:2, Евр. 13:14, Быт. 20:13, Мф. 25:43, 1-е Пет. 4:9 и т.д.) на одухотворение мирской жизни. Однако русское странничество отличается от всего вышеперечисленного тем, что у него нет «точки прибытия» [22, с. 184] в этом мире, его цель трансцендентна. Русская культура не знала такого многообразия форм пилигримажа, как Европа, поэтому та его единственная форма максимально инверсировала норму бытования, не вступая в конфликт с носителями нормы, легитимирующими ее. В сильно фрагментированной государственности Древней Руси это объясняется тем, что начало странничеству положили князья с дружиной – сборщики дани, экспансирующие города-княжества, переходящие меж двумя полюсами – Новгорода и Киева, иногда набегами ходящие в Византию. Отсюда частый сюжет духовных стихов – встреча странствующего князя Владимира «со дружиною» и кликов переходящих, тоже странствующих, но, очевидно, в несколько другом «измерении» [23, с. 66–78]. Отсюда и кажущаяся омонимичность слова «воля», означающего одновременно и свободный простор, и право на волю (власть). Странник в русской традиции не только номадический индивид-скиталец, что характерно для Европы, но и носитель мистической власти [23, с. 67].

Воля-могущество странников «не от мира сего», как и воля-пространство, задающее хронотоп странничества, а народное сознание приписывает их воле сакральный характер. Это духовная сила, на стяжание которой (а вовсе не на риторику проповеди) направлено само странничество. В ключевых текстах художественной словесности о странничестве находим примеры сверхъестественных способностей – многодневное бодрствование и голодание, дар целительства и предсказания, невероятную выносливость при полном физиологическом истощении. «Иду иногда верст по семидесяти и более в день, и не чувствую, что иду; а чувствую только, что творю молитву. Когда сильный холод прохватит меня, и начну напряженнее говорить молитву, и скоро весь согреюсь» [5, с. 25]. Явна апелляция к мистическому началу и сакральной цели.

Отсюда утерянные ныне почитание, и уход за каликами, странноприимные дома, подавание. Так, некоторые исследователи видят в странничестве не только образец утерянной эпохи, но и неизбежное качество русского мироощущения: «Феномен странничества выразил свойства и

качества русской культуры, определил экзистенциальные запросы, определившие ее судьбу в цивилизационном контексте» [24, с. 127].

## Заключение

Таким образом, можно утверждать традицию странничества в качестве специфического феномена русской культуры, исследование которого приводит к более глубокому пониманию культурно-антропологического кода российской цивилизации и способствует развитию отечественного социально-гуманитарного знания в целом.

1. В системе русского культурного кода формируется и эволюционирует как социальная практика феномен странничества.

2. Институт странничества потенцировал становление традиции через два этапа – эпохи калик-перехожих и позднейшего странничества с десакрализацией и экстернальной переориентацией института, вызванной прогрессивистским проектом послепетровской России.

3. Эта дифференциация свидетельствует о смене антропологической парадигмы.

4. Такие концепции классической философской антропологии, как трансцендирование и эксцентрическая позиция, могут быть использованы для глубинного понимания феномена русского странничества.

5. Странничество выступает как элементом отечественного культурного наследия, так и инструментом понимания более фундаментальных философских оснований российской цивилизации.

## Список литературы

1. Николайчук И. А., Якова Т. С., Янглева М. М. Культурные коды в современном публичном пространстве: метасмыслы этики в России и зарубежом // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. № 6. С. 632–642. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.45.1.4>
2. Черная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. М. : Языки славянских культур, 2008. 465 с.
3. Четвертакова Ж. В. Культурологические подходы к методологии изучения традиций // Аналитика культурологии. 2010. № 16. С. 1–7.
4. Ильина А. Ю. Странничество на Руси // Манускрипт. 2016. № 5, т. 67. С. 92–95.
5. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу / под ред. о. Всеволода Рошко. М. : Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991. 220 с.



6. Иванова А. Д. О понятийном аппарате современной имагологии // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 11. С. 74–78.
7. Хлыбова Т. В. Калики Святой Руси: опыт имагологии. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2023. 504 с.
8. Миллер Вс. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. М. : Типогр. т-ва И. Д. Сытина, 1910. 416 с.
9. Макаров М. Н. Опыт русского простонародного слово толковника. М. : Об-во истории и древностей при Моск. ун-те, 1846. 181 с.
10. Назаренко А. В. Русь и Святая Земля в домонгольское время (XI – первая треть XIII в.) // Русская Палестина. Россия в Святой Земле : материалы Международной научной конференции / под. ред. Е. И. Зеленева, О. И. Фомина, В. В. Чамова. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2010. С. 220–227.
11. Дьяконов И. Ю. Нищенство в дореволюционной России // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 26–38.
12. Розанов В. В. Сочинения. Религия и культура. М. : Правда, 1990. 636 с.
13. Вебер М. Избранное. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2014. 656 с.
14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995. 323 с.
15. Шелер М. К идее человека. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2022. 140 с.
16. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М. : РОССПЭН, 2004. 368 с.
17. Федорова Н. В. Странничество: репрезентация ненормального в русской культуре // Гуманитарные исследования. 2019. № 1, т. 22. С. 42–46.
18. Hamilton C. Downshifting in Britain: A sea change in pursuit of happiness. Canberra : Australian institute, 2003. 30 p.
19. Николай Кузанский. Соч. : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1979. 488 с.
20. Делюмо Ж. Цивилизация Возрождения. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : АСТ МОСКВА, 2008. 720 с.
21. Дорофеев Д. Б. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах // Вестник культурологии. 2010. № 1. С. 63–87.
22. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2004. 992 с.
23. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / сост. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. М. : Московский рабочий, 1991. 351 с.
24. Ильина А. Ю. Феномен странничества и его отражение в русской философии конца XIX – начала XX вв. // Kant. 2022. № 1, т. 42. С. 122–127.

## References

1. Nikolaychuk I. A., Yakova T. S., Yanglyaeva M. M. Cultural codes in the modern public space: Meta-meanings of ethics in Russia and abroad. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, security, cooperation], 2023, no. 6, pp. 632–642 (in Russian).
2. Chernaya L. A. *Antropologicheskiy kod drevnerusskoy kul'tury* [The anthropological code of Ancient Russian culture]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. 465 p (in Russian).
3. Chetvertakova Zh. V. Cultural approaches to the methodology for studying traditions. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies], 2010, no. 16, pp. 1–7 (in Russian).
4. Il'ina A. Yu. Pilgrimage in Rus. *Manuscript* [Manuscript], 2016, no. 5, vol. 67, pp. 92–95 (in Russian).
5. *Otkrovennye rasskazy strannika dukhovnomu svoemu ottsu* [Candid stories of a wanderer to his spiritual father]. Moscow, Svyato-Troitskaya Sergievaya Lavra Publ., 1991. 220 p. (in Russian).
6. Ivanova A. D. About the terms of modern imagology. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2016, no. 11, pp. 74–78 (in Russian).
7. Hlybova T. V. *Kaliki Svyatoy Rusi: opyt imagologii* [Kaliki of Holy Rus: The experience of imagology]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2023. 504 p. (in Russian).
8. Miller Vs. F. *Ocherki russkoy narodnoy slovesnosti. Byliny*. [Essays on Russian folk literature. Epics]. Moscow, Tipogr. t-va I. D. Sytina, 1910. 416 p. (in Russian).
9. Makarov M. N. *Opyt russkogo prostonarodnogo slovo-tolkovnika* [The experience of the Russian vernacular wordsmith]. Moscow, Ob-vo istorii i drevnostey pri Mosk. un-te, 1846. 181 p. (in Russian).
10. Nazaranko A.V. Rus' and the Holy Land in pre-Mongol times (XI – the first third of the XIII century). In: *Russkaya Palestina. Rossiya v Svyatoy Zemle: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Zelenev E. I., Fomin O. I., Chamov V. V., eds. Russian Palestine. Russia in the Holy Land: Materials of the International Scientific Conference]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2010, pp. 220–227 (in Russian).
11. D'yakonov I. Yu. Beggary in pre-revolutionary Russia. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2007, no. 3, pp. 26–38 (in Russian).
12. Rozanov V. V. *Sochineniya. Religiya i kul'tura* [Essays. Religion and culture]. Moscow, Pravda, 1990. 636 p. (in Russian).
13. Weber M. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2014. 656 p. (in Russian).
14. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [The social construction of reality]. Moscow, Medium, 1995. 323 p. (in Russian).



15. Sheler M. *K idee cheloveka* [To the idea of a man]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2022. 140 p. (in Russian).
16. Plesner H. *Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [The Stages of the Organic and a Man: An Introduction to Philosophical Anthropology]. Moscow, ROSSPEN, 2004. 368 p. (in Russian).
17. Fedorova N. V. Wanderlust: The representation of the abnormal in Russian culture. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Studies], 2019, no. 1, vol. 22, pp. 42–46 (in Russian).
18. Hamilton C. *Downshifting in Britain: A sea change in pursuit of happiness*. Canberra, Australian institute, 2003. 30 p.
19. Nikolay Kuzanskiy. *Soch. v 2 t. T. 1* [Collected Works: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl, 1979. 488 p. (in Russian).
20. Delyumo Zh. *Tsivilizatsiya Vozrozhdeniya* [The Civilization of Renaissance]. Ekaterinburg, U-Faktoriya, Moscow, AST MOSKVA, 2008. 720 p. (in Russian).
21. Dorofeev D. B. The phenomenon of wanderlust in Western European and Russian cultures. *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of Cultural Studies], 2010, no. 1, pp. 63–87 (in Russian).
22. Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2004. 992 p. (in Russian).
23. *Golubinaya kniga: Russkie narodnye dukhovnye stikhi XI–XIX vv.* [Pigeon book: Russian folk spiritual poems of the XI–XIX centuries]. Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1991. 351 p. (in Russian).
24. Il'ina A. Yu. The phenomenon of wandering and its reflection in Russian philosophy of the late XIX and early XX centuries. *Kant* [Kant], 2022, no. 1, vol. 42, pp. 122–127 (in Russian).

Поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024;

принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024

The article was submitted 13.06.2024; approved after reviewing 16.09.2024;

accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 388–393

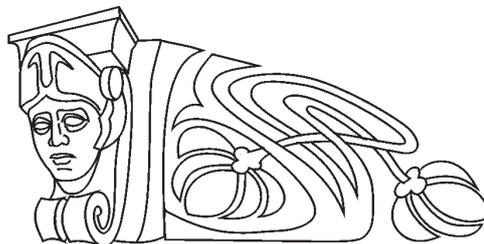
*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 388–393

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-388-393>, EDN: GDQPEJ

Научная статья  
УДК 008(470+571)

## Российская цивилизация: мировоззренческое и идеологическое



А. Л. Стризов

Волгоградский государственный университет (ВолГУ), Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский просп., д. 100

Стризов Александр Леонидович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии, [strizoe@volsu.ru](mailto:strizoe@volsu.ru), <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

**Аннотация. Введение.** В статье рассмотрены теоретические аспекты соотношения понятий «цивилизация», «идеология», «мировоззрение». Показаны мировоззренческие аспекты цивилизационного анализа общества. **Теоретический анализ.** Аргументируется методологическая и теоретическая возможности создания новой концепции цивилизационного развития и предлагается вариант взаимной дополнительности стадильной и циклической моделей цивилизационного процесса. Это представляется оптимальным вариантом осмысления на мировоззренческом уровне природы и перспектив российской цивилизации. Подчеркивается, что при всем значении традиций и опыта истории концепция цивилизации должна быть ориентирована на исследование проблемного поля современного общества, его будущего и перспектив развития. Рассматривается возможность использования концепта «другой Европы» для характеристики специфики российской цивилизации. В рамках предлагаемой теоретической позиции изучены некоторые особенности российского цивилизационного развития. **Заключение.** Определена перспектива разработки новой концепции цивилизационного развития России, интегрирующая в себе потенциал новых «гибридных» идеологических конструктов, которые будут ей соответствовать и выражать социальные интересы большинства общества.

**Ключевые слова:** цивилизация, мировоззрение, идеология, культура, стадильная и циклическая концепции цивилизационного процесса, модернизация, принцип дополнительности

**Для цитирования:** Стризов А. Л. Российская цивилизация: мировоззренческое и идеологическое // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 388–393. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-388-393>, EDN: GDQPEJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Russian civilization: Worldview and ideological**

**A. L. Strizoe**

Volgograd State University, 100 Universitetsky Ave., Volgograd 400062, Russia

Alexander L. Strizoe, [strizoe@volsu.ru](mailto:strizoe@volsu.ru), <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

**Abstract. Introduction.** The article examines the theoretical aspects of the relationship between the concepts of civilization, ideology, and worldview. The ideological aspects of the civilizational analysis of society are shown. **Theoretical analysis.** The article argues for the methodological and theoretical possibility of creating a new concept of civilizational development and proposes the option of mutual complementarity of the stadial and cyclic models of the civilizational process. This seems to be the best option for understanding the nature and prospects of Russian civilization at the ideological level. It is emphasized that, with all the importance of traditions and the experience of history, the concept of civilization should be focused on the study of the problem field of modern society, its future and development prospects. The possibility of using the concept of “another Europe” to characterize the specifics of Russian civilization is considered. In the context of the proposed theoretical position, some features of Russian civilizational development are examined. **Conclusion.** The prospect of elaborating a new concept of civilizational development in Russia has been identified, integrating the potential of new “hybrid” ideological constructs that will correspond to it and express the social interests of the majority of society.

**Keywords:** civilization, worldview, ideology, culture, stadial and cyclic concepts of the civilizational process, modernization, the principle of complementarity

**For citation:** Strizoe A. L. Russian civilization: Worldview and ideological. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 388–393 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-388-393>, EDN: GDQPEJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



## Введение

Понятие цивилизации как системной модели общества и цивилизационный подход как способ анализа социальных проблем становятся актуальными в определенные моменты развития философии и социальных изменений. Нынешний этап этой актуальности связан с попыткой поиска и обоснования места и роли российского общества в меняющемся глобальном миропорядке, а также с осмыслением стратегической траектории его национально-государственного развития и обозримого будущего. Решение этих задач предполагает использование двух хорошо известных, но в то же время существенно различающихся дискурсов: социально-философского дискурса цивилизации и политически централизованного дискурса идеологии.

## Теоретический анализ

Мировоззренческий потенциал цивилизационного дискурса связан с широким панорамным видением социальной реальности в любой – стадийной или локальной – его версии. Как писали В. С. Степин и В. И. Толстых, цивилизационные достижения связаны как с технологическими инновациями, растущей интенсивностью воздействия человечества на окружающий мир; так и с совершенствованием форм социальной организации и самоорганизации [1]. Такое понимание связывает цивилизационное бытие и обретаемый в нем мировоззренческий опыт с использованием все более многообразных и сложных моделей социальной самоорганизации. Один из основателей теории локальных цивилизаций Н. Я. Данилевский, следуя своей мировоззренческой установке, предполагавшей многообразие цивилизаций, видел в ней возможность «... все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях», выражающих, говоря современным языком, специфику всех основных сфер общественной жизни [цит. по: 2, с. 125]. Константы цивилизационного бытия выражают, помимо всего прочего, и опыт освоения многомерного социального пространства.

Насыщенный мировоззренческим содержанием, концепт цивилизации описывает общество с точки зрения темпорально устойчивых инвариантных основ социального порядка, организации и управления совместной жизни

людей. В то же время концепт идеологии обосновывает специфические, локальные интересы и ориентации части общества, претендующей на гегемонию в нем на определенном, темпорально ограниченном отрезке времени. Вечные ценности цивилизации далеко не всегда гармонично сочетаются с временной политико-идеологической конъюнктурой.

Тем не менее несовпадение пространственно-временных масштабов цивилизационного и идеологического дискурсов не может отменить их близости и взаимосвязи. В теоретическом плане эта взаимосвязь становится очевидной, если мировоззренческий смысл цивилизации соотносить с методологическим значением социальной картины мира. По мнению А. А. Львова, «наиболее близкими к понятию мировоззрение семантически и исторически оказываются понятия идеология и картина мира» [3, с. 13]. В силу того, что любая идеология исходит из некоторого общего взгляда на природу общества и человека, а также на возможность изменить существующее положение дел, она является специфической проекцией социальной картины мира. В то же время «различные интерпретации феномена мировоззрения, сколь бы традиционно спекулятивными или сугубо инструментальными они ни были, согласуются в том, что наиболее плодотворным подходом к его рассмотрению является подход практический» [3, с. 22]. Любая мировоззренческая система включает в себя установки и ориентации, направленные на оптимизацию и трансформацию существующего социального порядка.

В свою очередь, идеология трансформирует общие мировоззренческие послылы социальной активности в конкретную, векторно ориентированную программу организованных социальных действий. Ценности, выступающие в мировоззренческих построениях как смысловые и социально-политические идеалы, в идеологических конструктах предстают как определенные приоритеты деятельности людей, актуальные цели и конкретные лозунги. Социальные нормы, декларируемые как мировоззренческие принципы, обретают в идеологии форму практически ориентированных стандартов и правил поведения.

В истории цивилизационного дискурса существования и развития России можно наблюдать своеобразную (пунктирную) связь мировоззренческих и практически-политических идеологических установок. Стадийно-про-



грессистские трактовки российской цивилизации, помещавшие ее в контекст глобальной технологической эволюции, тяготели к идеологическим максимам и программным требованиям либерализма и социализма. Локально-циклические трактовки, подчеркивавшие самодостаточность российской цивилизации, как правило, склонялись к различным версиям консерватизма. При этом если решение задач государственного развития вызывало появление «гибридных» идеологических моделей («социал-консерватизм», или «либеральный консерватизм»), то оно не влекло за собой кардинального пересмотра сложившихся мировоззренческих схем (стадиальной или циклической) или полного отказа от них. Чаще всего мы наблюдаем эклектическое сочетание различных элементов этих схем в медийном и пропагандистском дискурсах. На наш взгляд, это свидетельствует об уязвимости каждой из схем российского цивилизационного процесса и подсознательном стремлении политико-идеологических акторов найти вариант их сочетания.

Обсуждение вопроса о соотношении и взаимодействии мировоззренческого и идеологического аспектов цивилизационной организации общества возможно лишь после прояснения вопроса о природе самой цивилизации. Очевидно, что процесс цивилизации, понятый как совокупность технологически или экономически детерминированных ступеней социальной эволюции и локальная цивилизация как межэтническая социокультурная общность могут осмысливаться в разных системах мировоззренческих координат. Эти координаты могут задавать разные ориентиры для выбора идеологических позиций и программ.

Длительный период сосуществования и взаимной конкуренции стадиальной и локально-циклической трактовки цивилизации породили вопрос о возможности их совместимости и синтеза. Этот вопрос часто обсуждается в научном и философском сообществе с позиций радикального противостояния отмеченных позиций. Такое противостояние обусловлено, помимо всего прочего, тем, что в рамках циклической трактовки возможна апология уникальности российской цивилизации, а в рамках стадиальной – решительное отрицание самого факта ее существования. Прояснение вопроса о природе цивилизации, помимо теоретических разночтений, затрудняется также жесткостью идеологического противостояния их прогрес-

систских и консервативных адептов и стоящих за ними политических сил. В данном контексте получила распространение позиция, согласно которой теория локальных цивилизаций и теория универсальной человеческой цивилизации мировоззренчески несовместимы: их картины социального мира и стратегии его освоения не имеют общих точек соприкосновения. Коннотация универсальной (стадиальной) и локальной (циклической) моделей цивилизации с метакультурными мирами Запада и Востока придает этому противостоянию завершенный характер.

Обсуждая данный вопрос, мы исходим из того, что, поскольку ни одна теория не дает полноты описания сложного объекта, поиск взаимной дополнительности различных теоретических позиций является оптимальным вариантом философского и научного анализа. Обратим внимание на некоторые немаловажные обстоятельства сравнения универсальной (стадиальной) и локальной (циклической) моделей цивилизации. Первая ориентирована темпорально, вторая – континуально. Первая тяготеет к глобальному взгляду на цивилизационный процесс, вторая – к локальному. Первая комплиментарна линейной динамике, вторая – циклической. Между тем в философии и науке утвердилось понимание взаимной дополнительности пространственного и временного описания и анализа (контемпоральности). Осмысление хода процесса глобализации и проблем его сочетания с национальными и региональными особенностями сформировало представление о «глобализации» как вариативном протекании единых по своей сущности процессов. Наконец, в социальной философии и общественном знании давно утвердилась идея о том, что возвратно-поступательная («спиралевидная») модель социальной динамики наилучшим образом описывает сочетание социальных традиций и инноваций, а также преемственность в социальных изменениях. Все это указывает, по нашему мнению, на перспективность поиска оптимального варианта единой модели цивилизационного развития.

В свете этого важно обратить внимание на некоторые моменты развития стадиальной и циклической моделей цивилизации. Изменение теории модернизации в XX в. поставило вопрос о невозможности успешного осуществления системных социальных инноваций без глубокого учета локальных культурных



особенностей. Применительно к России это означало необходимость для инноваторов-западников» глубоко погрузиться в российский культурный контекст, что обычно было уделом традиционалистов-«почвенников». В то же время уже у А. Дж. Тойнби локальная цивилизация отвечает на внешние вызовы, что в неявной форме признает невозможность абсолютного изоляционизма и значимость внешних (вполне возможно, глобальных) воздействий. Кроме того, сами внешние вызовы, разделенные во времени, предполагают такие же асинхронные ответы, которые позволяют представить жизненный цикл локальной цивилизации как стадийный процесс. С этой точки зрения внешние вызовы российской цивилизации (начала XVII в., 1914–1917, 1941–1945, 1991 гг.), а также ответы на них нельзя без ущерба для глубины и содержания истолковать исключительно в духе циклической динамики. Представляется, что подобного рода теоретическая конвергенция имеет под собой онтологические основания.

Попытаемся наметить контуры одного из вариантов взаимной дополнительности стадийной и циклической моделей цивилизационного процесса. Первая из них наилучшим образом описывает появление новых феноменов цивилизации (технологических, экономических, социокультурных и иных). Сложившаяся в рамках стадийной концепции теория модернизации детализирует и существенно обогащает описание инновационных процессов. Однако прорыв к новым горизонтам не бывает всеобщим: он охватывает лишь часть цивилизационного пространства. Следующие за первой волной другие волны (эшелоны) модернизации имеют свою специфику не только во времени, что исследовано достаточно глубоко и разносторонне, но и в пространстве. Эта специфика отчасти в силу сложности реализации в общественном сознании социокультурного подхода исследована менее подробно и обстоятельно. Если мы признаем, что процесс модернизации протекает с ускорениями и замедлениями и носит ветвящийся (нелинейный) характер, то можно сделать вывод об одновременном сосуществовании локальных пространственных образований (национальных, региональных, метаэтнических...), решающих во многом сходные задачи – освоения цивилизационных инноваций в разных сферах жизни. Такое сосуществование наилучшим образом описывается моделью локальных цивилизаций.

Каждой стадии инновационного сдвига соответствует столь же мощная и значимая стадия пространственного распространения инноваций, соединяющих их с локальными особенностями и дающими неповторимое многообразие проявлений цивилизационных достижений и опыта их использования. При этом освоение всех возможностей, заложенных в инновационном прорыве, идет неравномерно в разных сферах жизни общества и, сталкиваясь с сопротивлением прежних форм социальной организации, может занимать длительное время. Освоение инновационного потенциала может проходить в виде нескольких серий реформ, при определенных условиях создающих видимость «застоя», циклического «возврата» в исходную точку процесса обновления. Эту гипотезу подтверждают «волны» реформ и контрреформ в российской истории, когда, например, одну и ту же проблему индустриальной модернизации приходилось решать и в конце XIX в., и в первой половине XX в., и на рубеже XXI в.

По нашему мнению, оптимальный вариант осмысления на мировоззренческом уровне природы и перспектив российской цивилизации в немалой степени зависит от использования идеи взаимной дополнительности стадийной и циклической моделей цивилизационного процесса. При всей значимости истории России, какой бы важной и привлекательной для современности она не представлялась, история не может быть парадигмальным образцом постановки и решения задач и проблем, актуальных для нынешнего российского общества. Идеи и ценности прошлого могут и должны быть переинтерпретированы с учетом нового социокультурного контекста: исторический опыт не дает сегодня рецептурного знания, но требует аналитической работы над собой, критического осмысления и творческого применения. Нельзя не согласиться с Хосе Ортегой-и-Гассетом в том, что «нация живет не традицией и не прошлым. Ошибочно полагать, что государство имеет семейные, родовые корни. Все иначе: нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего...» [4, с. 281]. Эмпирические социологические исследования российского общества подтверждают тот факт, что большинство респондентов озабочены, в первую очередь, проблемами сегодняшнего дня, неопределенностью перспектив, туманностью образа будущего.



Тот факт, что процессы глобализации обострили прежние и породили новые проблемы, а также вызвали планетарные геополитические сдвиги, актуализирует проблематику будущего человека и человечества, поиска новых горизонтов и перспектив развития России. Планетарные масштабы использования информационных и социальных технологий с их деструктивными возможностями манипуляций людьми, тотального отказа от испытанных временем форм цивилизованной организации жизни и традиционных идентичностей требуют обоснования и реализации в России конструктивных и привлекательных для внешнего мира социальных проектов.

Минимизация разрушительных для постсоветских обществ последствий геополитической катастрофы распада СССР невозможна без ведущей роли российского государства – цивилизации в процессах интеграции исторически сложившегося пространства российского влияния. Такая интеграция должна и может осуществляться с использованием технологий «умной силы» и «мягкой силы» социально-экономического и культурного воздействия. При этом исторический и культурный контексты создают специфическую ситуацию. Как пишет А. А. Андреев, «вопреки довольно распространенному мнению, российская “мягкая сила” обладает немалым потенциалом; другое дело, что ее надо рассматривать не столько в модальности примера, сколько в модальности миссии» [5, с. 132].

Современные исследования природы и перспектив российской цивилизации, ее мировоззрения и идеологии не могут не учитывать итоги и уроки более чем трехсотлетнего взаимодействия и взаимовлияния России и Европы. Это взаимодействие не только наложило глубокий макросоциальный отпечаток на российское Новое время, его институциональный строй и культурные традиции, но и европеизировало образ и стиль жизни огромного большинства россиян, стало автоматизмами сознания и поведения в повседневной жизни. Попытки кардинального реформирования общественного сознания, разрыва со сложившейся системой ценностей и укладом жизни, сторонниками чего выступают современные российские консерваторы, могут обернуться в XXI в. масштабными социальными травмами и деструкциями.

По нашему мнению, оптимальным вариантом описания природы современной российской цивилизации является концепт России как «другой Европы». Он фиксирует как преемственность культурного и цивилизационного развития, так и невозможность редуцирования всего российского к европейскому, его самодостаточность. В конце 90 – начале 2000-х гг. эта высказанная Ф. Броделем идея была разработана и представлена В. Г. Федотовой [6, с. 121–136, 230–252]. Можно только сожалеть, что она не была востребована. Сегодня такая возможность есть. С позиций того, что Россия и в прошлом, и сейчас активно воспринимала, дополняла и совершенствовала европейские научные теории, философские идеи и подходы, тенденции развития литературы и искусства, можно заключить, что осваиваемый ею европейский интеллектуальный и культурный капитал не воспроизводился буквально, а творчески использовался в создании новых культурных артефактов и духовных ценностей.

### Заключение

С методологических позиций неоклассики логично объясняется как прошлая, так и нынешняя критика россиянами европейских интеллектуальных построений и социокультурных практик. С этих же позиций раскрывается интеллектуальный и культурный вклад России в совокупные достижения человечества, российской цивилизации и культуры в мировые достижения. В свете этого обосновываются возможности цивилизационного потенциала России в поиске преодоления глобальных кризисных проявлений в современной культуре и цивилизации. Идея России как «другой Европы» могла бы стать одной из основ разработки нового понимания современной российской идентичности, а также современного образа будущего российского общества.

Сегодня можно назвать интересные работы А. Г. Глинчиковой, Д. О. Рябова, В. Л. Шаровой, обосновывающие данную мировоззренческую позицию. Как пишет В. Л. Шарова, «Россию невозможно в Европу «втащить» или из Европы «выгнать»: Европа не есть нечто совершенно противоположное России, напротив – это, как говорят математики, частично пересекающиеся множества, и область их пересечения суще-



ственно больше, чем сиюминутные интересы конъюнктурных политических проектов» [7]. Эта область пересечения требует междисциплинарного изучения и вдумчивого анализа. Она даст материал для разработки новой концепции цивилизационного развития России, а также соответствующих ей и отражающих интересы большинства общества новых «гибридных» идеологических конструктов (социал-либерализма, социал-консерватизма, социал-демократизма).

#### Список литературы

1. Степин В. С., Толстых В. И. Демократия и судьбы цивилизации // Вопросы философии. 1996. № 10. С. 3–18.
2. Беспалова Т. В. Мировоззренческие аспекты цивилизационного подхода: к постановке проблемы // Проблемы цивилизационного развития. 2019. Т. 1, № 1. С. 123–136.
3. Львов А. А. Современные концепции феномена мировоззрения // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21, вып. 2. С. 11–23.
4. Хосе Ортега-и-Гассет. Восстание масс. М. : АСТ, 2002. 509 с.
5. Андреев А. А. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 122–133.
6. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М. : ИФРАН, 1997. 255 с.
7. Шарова В. Л. Россия как Европа: европейские основы цивилизационной идентичности России // Философская мысль. 2017. № 2. С. 71–83. <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2017.2.18882>

#### References

1. Stepin V. S., Tolstykh V. I. Democracy and the fate of civilization. *Voprosy filosofii* [Voprosy filosofii], 1996, no. 10, pp. 3–18 (in Russian).
2. Bespalova T. V. Worldview grounds of the civilizational approach: To the setting of the problem. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya* [Civilization studies review], 2019, vol. 1, no. 1, pp. 123–136 (in Russian).
3. L'vov A. A. The current conception of the worldview phenomenon. *Vestnik russkoy khristianskoy humanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2020, vol. 21, no. 2, pp. 11–23 (in Russian).
4. Jose Ortega-i-Gasset. *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. Moscow, AST, 2002. 509 p. (in Russian).
5. Andreev A. A. “Soft power”: Arrangement of Senses, Russian Style. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2016, no. 5, pp. 122–133 (in Russian).
6. Fedotova V. G. Modernizatsiya “drugoy” Evropy [Modernization of the “other” Europe]. Moscow, IFRAN, 1997. 255 p. (in Russian).
7. Sharova V. L. Russia as Europe: European foundations of Russia’s civilizational identity. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought], 2017, no. 2, pp. 71–83 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2017.2.18882>

Поступила в редакцию 13.07.2024; одобрена после рецензирования 14.10.2024;  
принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024  
The article was submitted 13.07.2024; approved after reviewing 14.10.2024;  
accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 394–399

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 394–399

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-394-399>, EDN: LVWTKP

Научная статья

УДК [[32:1]+316.75](470+571)+929Дугин



## Как идеологи определяют идеологию: А. Г. Дугин

И. В. Суслов<sup>1,2</sup>✉, С. В. Тихонова<sup>1,3</sup>

<sup>1</sup>Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

<sup>2</sup>Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

<sup>3</sup>Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия, 454080, г. Челябинск, просп. Ленина, д. 76

Сулов Иван Владимирович, кандидат социологических наук, <sup>1</sup>старший научный сотрудник лаборатории «Цифра»; <sup>2</sup>доцент кафедры философии, [suslov85@inbox.ru](mailto:suslov85@inbox.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, доцент, <sup>1</sup>профессор кафедры теоретической и социальной философии, <sup>3</sup>старший научный сотрудник НОЦ практической и прикладной философии, [segedasv@yandex.ru](mailto:segedasv@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

**Аннотация. Введение.** Идеология как категория политической философии в условиях цифрового общества не может определяться нейтрально и автономно от деятельности определяющего ее субъекта. **Теоретический анализ.** На примере конкретной системы взглядов показана неизбежность идеологичности и идеологизированности понятия «идеология». При рассмотрении учебника А. Г. Дугина «Философия политики» предпринята попытка выявить ту грань, за которой философское исследование выходит за критерии научной академической объективности и подчиняется задаче конструирования собственной мировоззренческой системы, включающей в себя авторский политический идеал. Доктринальный анализ настоящей работы показывает элиминацию концепта идеологии из его дидактических единиц, хотя традиционные программы данной учебной дисциплины ее содержат. Устанавливается доминирование широкого подхода к пониманию политической философии в данной работе, позволивший ее автору «растворить» идеологию в содержании политического и де факто отождествить идеологию и политику. В этом случае идеология теряет роль методологического концептуального инструмента и трансформируется в стихию живого мышления, что выявляют идеолога, направляющего свое интеллектуальное усилие на удержание пробабилистического характера политики как области максимальной реализации человеческой сущности. **Заключение.** Отождествление идеологии и политики выступает способом дистанцирования от конкурирующих проектов философии политики, определения их в качестве не-сущностных и потому не соответствующих смыслу и предназначению политики.

**Ключевые слова:** идеология, политическая философия, философия политики, методология, А. Г. Дугин

**Благодарности.** Работа выполнена в рамках фундаментального научного исследования «Мифологизация политики в кинематографе: анализ идеологических шифров в западной массовой культуре», на основании раздела 2 части II государственного задания от 5 августа 2024 года № 075-00093-24-04 на 2024 год.

**Для цитирования:** Сулов И. В., Тихонова С. В. Как идеологи определяют идеологию: А. Г. Дугин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 394–399. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-394-399>, EDN: LVWTKP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

### How ideologists define ideology: A. G. Dugin

I. V. Suslov<sup>1,2</sup>✉, S. V. Tikhonova<sup>1,3</sup>

<sup>1</sup>Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

<sup>2</sup>Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

<sup>3</sup>South Ural State University (National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia

Ivan V. Suslov, [suslov85@inbox.ru](mailto:suslov85@inbox.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>

Sophia V. Tikhonova, [segedasv@yandex.ru](mailto:segedasv@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

**Abstract. Introduction.** Ideology as a category of political philosophy in a digital society cannot be defined neutrally and autonomously from the activities of its defining subject. **Theoretical analysis.** Using the example of a specific system of views, the authors show the inevitability of the ideological character and the ideological bias of the concept of ideology. Considering A. G. Dugin's textbook "Philosophy of Politics", they



try to identify the line beyond which philosophical research goes beyond the criteria of scientific academic objectivity and submits to the task of constructing its own worldview system, which includes the author's political ideal. The doctrinal analysis of the work under consideration shows the elimination of the concept of ideology from its didactic units, although the traditional programs of this academic discipline contain it. The authors establish the dominance of a broad approach to understanding political philosophy in this work, which allowed its author to "dissolve" ideology in the content of the political and de facto identify ideology and politics. In this case, ideology loses its role as a methodological conceptual tool and transforms into an element of living thinking. An ideologist is identified as a person who directs his intellectual effort to maintain the probabilistic nature of politics as an area of maximum realization of human essence. **Conclusion.** The identification of ideology and politics is a way of distancing oneself from competing projects of the philosophy of politics, defining them as non-essential and therefore not corresponding to the meaning and purpose of politics.

**Keywords:** ideology, political philosophy, philosophy of politics, methodology, A. G. Dugin

**Acknowledgements.** The work was carried out within the fundamental scientific research "Mythologization of Politics in Cinema: Analysis of Ideological Codes in Western Mass Culture", based on section 2 of part II of the state assignment of August 5, 2024, No. 075-00093-24-04 for 2024.

**For citation:** Suslov I. V., Tikhonova S. V. How ideologists define ideology: A. G. Dugin. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 394–399 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-394-399>, EDN: LVWTKP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

Интерес к теории идеологии в наши дни задан самой логикой заката глобализации и геополитического противостояния. Общественно-политический дискурс все активнее осваивает проблемы определения теории идеологии [1–4], связи идеологии и патриотизма [5], обоснования новых форм государственной идеологии [6, 7]. Вопрос о том, как сегодня может быть определена идеология, невозможно решить без учета современных эпистемических практик, если, конечно, сама процедура определения выходит за рамки методической учебниковой работы.

Марксистская установка на то, что практика есть базовый критерий истинности теории и одновременно ее цель трансформировалась в когнитивный стереотип (назовем его для удобства изложения «марксистским стереотипом»), описывающий отношения между теорией и практикой: практика существует до теории, эту практику необходимо изменить, для этого и создается теория, верность которой будет устанавливаться по результатам ее применения. Этот стереотип получил широкое распространение, поскольку подкреплялся и существованием кабинетной философии, и кабинетной науки (Т. Уильямсон обозначает кабинетную философию как «построенную традиционно априорным способом» и сближает ее с методологическими теоретическими процедурами в естественных науках [8, с. 19, 24]), и логикой обособления научно-технической деятельности в инженерных науках, обеспечивающей движение от фундаментальных исследований к прикладным, а от прикладных, в свою очередь, к экспериментальным разработкам и их внедрению в массовое производство (в настоящее

время это логика в формате НИОКР повсеместно внедрена не только в проектирование технологий, но и в принятие управленческих решений).

Однако реальные отношения между теорией и практикой в эти схемы укладываются в результате, скажем так, избыточного абстрагирования. Особенно наглядной проблематичность данной схематизации является в случае политической философии, к проблемному полю которой дефиниция идеологии и относится. Казалось бы, идеологу достаточно выбрать идеологию, взять принятое в политической философии понятие идеологии и работать с ним. Но идеолог и есть творец идеологии, он идеологию не выбирает, он ее создает, а политическая философия как исследовательская программа задана множеством политических доктрин, выдвинувших и продолжающих выдвигать ключевые концепты, из которых и складываются категориальные ряды этого раздела философского знания. Иначе говоря, понятие «идеология» всегда идеологично и идеологизировано, тогда как вопрос о праксеологичности политической философии на деле легко оказывается вопросом о ее политической ангажированности. В первом приближении идеолог не может быть кабинетным ученым, он должен быть представителем эмпирической науки. По отношению к политической философии таковой выступает политическая наука (политология), среди функций которой традиционно выделяют мировоззренческую, социализирующую и т.п., т.е. и на эмпирическом этаже эта область научного знания выполняет идеологическую роль, формируя представления людей о политическом и политике. В рамках данной статьи вслед за Л. В. Шиповаловой будем считать, что в современных условиях неизбежно слияние научного



знания и политического действия [9], однако степень этого слияния может быть вариативной. Там, где исследователь, даже преследуя своим научным проектом общественное благо, придерживается стандартов научной объективности и ориентируется на поиск релевантного знания о своем объекте, можно считать его философом. Там, где он ориентируется на выработку идеала своего объекта, можно считать его идеологом. Распространение выработанных идеалов мы будем обозначать понятием пропаганды, соответственно, и философ, и идеолог могут реализовывать функцию пропаганды. В данной статье предпринята попытка выяснить, что происходит с понятием «идеология» в рамках деятельности идеолога.

### Теоретический анализ

Эмпирической основой нашего анализа выберем взгляды на идеологию А. Г. Дугина в той части его творчества, которая соответствует академическому треку его биографии. На сегодняшний день как научная, так и публицистическая литература, далека от консенсуса по атрибуции данной персоны в силу многовекторности ее интересов, включающих профессиональную академическую деятельность, экспертную позицию для властных элит, пропаганду, медиа-активность и позицию лидера мнений. В качестве примеров позиций в научной литературе приведем позиции В. В. Калинкиной (студенческая статья в сборнике трудов конференции «Россия и мир в исторической ретроспективе», 2023) и В. А. Шнирельмана (журнал «Государство, религия, Церковь в России и за рубежом»). В. В. Калинкина однозначно относит А. Г. Дугина к философам, а его взгляды – к философским, поскольку «несомненно, что философия – это не наука: система доказательств условна, и шансы эксперимента малы: несомненно, эзотерика вообще не использует оснований, тем не менее, обращаясь к тем фибрам, которые, были бы внимательнее люди к познанию своей души, работают на практике в каждом» [10, с. 804]. В. А. Шнирельман, анализирующий конспирологические и эсхатологические концепции Дугина, приходит к выводу о том, что многочисленные несостыковки и противоречия в них объясняются тем, что «Дугин – не ученый, а идеолог, усматривающий свою главную задачу в том, чтобы вызвать у аудитории желательные эмоции, которые бы направили людей к вы-

полнению заданной цели» [11, с. 213]. Авторы настоящей статьи исходят из тезиса о множественности философий, на основании которого возможно сближение современной академической философии с наукой до отождествления, и эта рамка позволяет рассматривать две приведенных атрибуции как непротиворечивые, поскольку философия может лежать за рамками научного дискурса и развивать прозелитистскую стратегию коммуникативной экспансии, т.е. совпадать с тем, что В. А. Шнирельман подразумевает в процитированном фрагменте под деятельностью «идеолога».

Что касается проблемы обоснованности приведенных оценок, не относящейся прямо к заявленной нами цели, то она может получить свое решение в процессе рассмотрения того, что именно происходит с понятием идеологии в теоретических пластах взглядов А. Г. Дугина, т.е. в рамках нашей первостепенной задачи. И тут мы сталкиваемся с проблемой избыточности материала: представленные в рунете тексты автора значительно превосходят индексируемые в РИНЦ 166 публикаций (сентябрь 2024 г.), многие из которых относятся к журналистско-публицистическому направлению его деятельности. Поскольку нас все-таки интересует рациональная концептуальная работа, предпочтительными представляются академические тексты. К таковым относится учебник «Философия политики» (2004) [12], курсы по этой учебной дисциплине А. Г. Дугин читал в Международном независимом эколого-политологическом университете (прекратил деятельность в 2018 г.). Философия политики в качестве обязательной дисциплины преподается или философам как раздел социальной философии, или политологам как базовая теоретическая дисциплина. Возможны различные подходы к построению учебного курса, но блоки «история политической философии», «политическая онтология», «политическая гносеология», «политическая антропология» и «политическая аксиология», «политическая динамика» являются устойчивыми. Идеология традиционно входит в число дидактических единиц дисциплины, чаще всего связывается с политическим сознанием.

В учебнике А. Г. Дугина представлены классические разделы (каждая глава начинается с перечня дидактических единиц), но самостоятельной главы, посвященной идеологии, в нем нет. Конечно, в тексте встречаются обороты в



духе «либеральная идеология», «консервативная идеология» и т.п., но они маркируют во вполне общепринятом смысле слова известные системы взглядов. Мы встречаемся с самостоятельным обозначением идеологии в дидактических единицах к гл. 16 «Политический язык. Политика как язык», где она фигурирует как «Идеология как парадигма и как синтагма», что не может не уводить интерпретацию концепта в постструктуралистскую семиотику. Содержательный анализ главы работает на это предположение, но мы к нему вернемся позже. А пока перейдем к особенностям концепции философии политики, изложенной в рассматриваемой работе.

Существует два подхода к политической философии – широкий и узкий. Широкий – рефлексивно-аксиологический – относит к политической философии системы взглядов на сущность политического, взятую в модусе должностования, т.е. включающую в себя критерии оценки сферы политического с позиций идеалов. Узкий, позитивистский, предполагает, что политическая философия включает в себя базовые научные теории о том, что есть политическое. С первых строк своего учебника А. Г. Дугин развивает широкий подход, определяя философию, в которой «софия» отвечает за ««световой срез бытия», его глубинную коренную часть,» как онтологию, а политику – как «область применения высших способностей человеческого существа к конкретной реальности» [12, с. 12]. Таким образом, во-первых, в философию политики закладывается метафизический источник, а, во-вторых, сама политика оказывается высшим, с точки зрения реализации человеческой сущности, видом деятельности людей, в котором само действие совпадает с познанием универсального (обычно так обозначается собственно философская деятельность). На правах универсального прописывается коллективный опыт прошлого, постижение этого универсального позволяет волевым усилием менять настоящее и тем самым предопределять ход будущего. В итоге автор с помощью вполне рутинного категориального философского аппарата буквально с первых строчек закладывает в содержание учебника свой собственный ретроградный (в данном случае – ориентированный на прошлое) проект.

Разумеется, понятие политических общностей (классов, народов, партий и т.п.) всегда включает в себя как элемент политическую

идентичность, у которой неизбежно есть ретроспектива как традиция соотнесения себя с другими, на в рассматриваемом тексте автор прямо сопрягает коллективное с историческим: «Чтобы уяснить, что такое политика, представим, что человек, живущий по заведенной логике (семья, работа, отдых), вдруг начинает задумываться о том, откуда происходит он сам, его народ, государство, окружающий мир? Постепенно у него складывается понимание, что он участвует в потоке событий, действий и состояний не случайно, что его бытие в огромной мере предопределено его родом, народом, культурой, историей, языком, и у каждого его действия и переживания, мнения и оценки есть глубокая подоплека, уходящая в смысловые структуры, сложившиеся в глубокой древности. Тогда он начинает относиться к своему прошлому, к тому, что предшествовало ему и его породило, с повышенным вниманием, особым духовным и умственным напряжением» [12, с. 12]. Как видим, политические субъекты не просто выступают носителями коллективного опыта (почему бы и нет?), они по сути трансформируются в транспоколенческие инстанции, что предполагает метафизическую философию истории.

Далее, раскрывая содержание политического, А. Г. Дугин выделяет 7 основных моментов, через которые оно может быть описано: власть; цель, проект общества; иерархию, оперирование с неравенством, распределение общественных функций; правовую систему; коллективную идентификацию; насилие, легитимацию насилия, защиту от насилия (коллективную безопасность); ценностную систему. Такая «политическая феноменология» по умолчанию связывает политическое и государственное (система законодательства, установленного государством, есть ядро правовой системы), политическое и идеологическое (цель, проект общества, коллективная идентификация, легитимация насилия и ценностная системы и есть содержание идеологии). В итоге идеология и политическое совпадают, и нет никакой необходимости в ее обособлении, тогда как мифология внезапно получает в этой концепции философии политики небывалое раскрепощение: если идеология включена в содержание политического, то в фокусе философии политики оказываются непубличные формы общественного сознания (столь любимые ранним Дугиным тайные общества, конспирология, сакральное мифо-



творчество, каббала, крестовые походы и пр.). Поэтому философию политики он определяет как «интеллектуальное усилие», направленное на отказ от анализа «привычных» современных форм, дискурсивно обозначаемых как политическое, ради внимания к тому, «чем может быть политика» (курсив наш. – И. С., С. Т.) [12, с. 28].

Очевидно, что традиционалистская философия и геополитика дадут возможность автору ответить на этот почти мистический вопрос. Более того, его способ решения уже находил отклик в литературе [13, 14]. Мы же, вернувшись в гл. 16 к предлагаемому им анализу идеологии, обнаруживаем, что идеология – это грамматика и морфология «политического языка», «парадигма Политического» [12, с. 303], которая может быть прочитана как синтагма в случае занятия критической позиции по отношению к ней. Идеология – это порядок явления нам смыслов политического в вербальной форме, соответствующей нашему наследию, которое и есть Политическое само по себе. Любопытно, что автор отмечает способность идеологии к семантическому выветриванию, за которой по идее должна лежать область смены парадигм, но сами процессы деидеологизации (реидеологизации) не детализирует.

### Заключение

В рассмотренном нами случае философ трансформируется в идеолога. Отождествив политическое и идеологическое, он теряет необходимость в собственном определении идеологии, поскольку жертвует идеологией ради того, чтобы иметь возможность обнаружить политическое там, где его нет, и вывести на его арену тайнопись скрытых корней явлений, представленную подлинной конспирологией. Понятно, что в данном ракурсе ключевой акцент будет ставиться на проект, цель и должное, в угоду которым «реальная» политика легко может приноситься в жертву. В итоге «идеология» становится делом рук оппонентов, которые развивают системы взглядов, маскирующих подлинную реальность, далеких от бытийного корня политики. Эти системы и есть идеологии, отягчающие и тормозящие движение прошлого в будущее, необходимое для созидания глубинного проекта настоящей политики. Конкретизация же последнего осуществляется А. Г. Дугиным через язык геополитики и эсхатологии.

### Список литературы

1. Гусейнов А. А. Идеология в России: прошлое и настоящее // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 5–9. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-1-5-9>
2. Филиппова В. В. Научная институализация // Сфера политики. 2023. № 1. С. 3–10.
3. Борисенко К. С. Идеология как предмет научного дискурса // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 3. С. 56–65. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.3.4>
4. Сахарова С. А. Концепт идеологии: треки эволюции // Дискурс. 2024. Т. 10, № 3. С. 19–31. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-19-31>
5. Поповкин А. В. Может ли патриотизм стать новой идеологией России? // Россия и АТР. 2023. № 4 (122). С. 10–21. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2023-4-10-21>
6. Головченко В. И. Особенности трактовки государственной идеологии в научном дискурсе современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 190–195. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-190-195>, EDN: AXXKLV
7. Сафронов Н. А. К вопросу о концептуальных основах государственной идеологии России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 96–97. [https://doi.org/10.47643/1815-1337\\_2023\\_7\\_96](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_7_96)
8. Уильямсон Т. Кабинетная философия // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 2. С. 19–25. <https://doi.org/10.5840/eps201956223>
9. Шиповалова Л. В. Как возможна пост-нормальная наука? // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 3. С. 61–73. <https://doi.org/10.5840/eps202259341>
10. Калинкина В. В. Философские взгляды Александра Гельевича Дугина // Россия и мир в исторической ретроспективе : материалы XXIX Международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга : в 3 т. (Санкт-Петербург, 7 апреля 2023 г.). Т. 2. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. С. 804–808.
11. Шнирельман В. Александр Дугин: возведение моста между эсхатологией и конспирологией // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2016. Т. 34, № 4. С. 194–221. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-4-194-221>
12. Дугин А. Г. Философия политики. М. : Арктогея, 2004. 614 с.
13. Товбин К. М. Традиционалистская философия: версия Дугина // Аналитика культурологии. 2014. № 3 (30). С. 46–63.
14. Хазыр У. Н. Современное антизападничество в России и Турции: сравнительный анализ неоевразийства Дугина и неосманизма Давутоглу // Политическая наука. 2023. № 2. С. 295–314. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.13>



## References

1. Guseynov A. A. Ideology in Russia: Past and Present. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 2023, vol. 1, p. 5–9 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-1-5-9>
2. Filippova V. V. Scientific institutionalization. *Sfera politiki* [Sphere of politics], 2023, vol. 1, pp. 3–10 (in Russian).
3. Borisenko K. S. Ideology as a subject of scientific discourse. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 2024, vol. 13, no. 3, pp. 56–65 (in Russian). <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.3.4>
4. Saharova S. A. Concept of ideology: Evolution tracks. *Diskurs* [Discourse], 2024, vol. 10, no. 3, pp. 19–31 (in Russian). <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-19-31>
5. Popovkin A. V. Can patriotism become a new ideology in Russia? *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific], 2023, no. 4 (122), pp. 10–21 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2023-4-10-21>
6. Golovchenko V. I. Features of interpretations of state ideology within scholarly discourse of modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 190–195 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-190-195>, EDN: AXXKLV
7. Safronov N. A. To the question of the conceptual foundations of the state ideology of Russia. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2023, no. 7 (223), pp. 96–97 (in Russian). [https://doi.org/10.47643/1815-1337\\_2023\\_7\\_96](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_7_96)
8. Williamson T. Armchair philosophy. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, no. 2, pp. 19–25 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps201956223>
9. Shipovalova L. V. How is post-normal science possible? *Epistemology and Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 3, pp. 61–73 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps202259341>
10. Kalinkina V. V. Philosophical views of Alexander Gelevich Dugin. *Rossiya i mir v istoricheskoy retrospektive: materialy XXIX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, k 320-letiyu osnovaniya Sankt-Peterburga: v 3 t. (Sankt-Peterburg, 7 aprelya 2023 g.). T. 2* [Russia and the World in Historical Retrospect: Proceedings of the XXIX International Scientific Conference, to the 320th Anniversary of the Foundation of St. Petersburg: in 3 vols. (St. Petersburg, April 7, 2023). Vol. 2]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., 2023, pp. 804–808 (in Russian).
11. Shnirel'man V. Alexander Dugin: Building a bridge between eschatology and conspiracy. *The state, religion, and the Church in Russia and abroad*, 2016, vol. 34, no. 4, pp. 194–221 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-4-194-221>
12. Dugin A. G. *Filosofiya politiki* [Philosophy of politics]. Moscow, Arktogea, 2004. 614 p. (in Russian).
13. Tovbin K. M. Traditionalist philosophy: Dugin's version. *Analitika kulturologii* [Analytics of cultural studies], 2014, no. 3 (30), pp. 46–63 (in Russian).
14. Khazyr U. N. Contemporary Anti-Westernism in Russia and Turkey: The comparative analysis of Dugin's Neo-Eurasianism and Davutoglu's Neo-Ottomanism. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2023, no. 2, pp. 295–314 (in Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.13>

Поступила в редакцию 26.09.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024  
The article was submitted 26.09.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 400–405

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 400–405

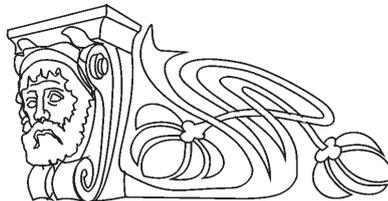
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-400-405>, EDN: MMLAYW

Научная статья

УДК 94(47+57):[791+316.7](470+571)

## «Важнейшее из искусств»: кинообразы советского прошлого в российской мифотворческой практике



А. А. Целыковский

<sup>1</sup>Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

<sup>2</sup>Липецкий государственный технический университет, Россия, 398055, г. Липецк, ул. Московская, д. 30

Целыковский Алексей Андреевич, кандидат философских наук, <sup>1</sup>старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «ЦИФРА»; <sup>2</sup>доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, [alts1085@mail.ru](mailto:alts1085@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-2442-5463>

**Аннотация. Введение.** В статье рассматривается специфика кинематографических образов СССР в российской мифотворческой практике. Главной задачей исследования является анализ воздействия образов советского прошлого, создаваемых и транслируемых постсоветским кинематографом, на формирование исторической памяти об СССР. **Теоретический анализ.** В качестве основы исследования была принята гипотеза о том, что кинематограф представляет собой один из значимых аспектов мифотворчества, принимающих непосредственное участие в конструировании коллективных представлений о прошлом. Исследовательский интерес к особенностям образов советской истории, транслируемых российской киноиндустрией, обусловлен процессом возвращения советского символического капитала в современную социально-политическую практику. **Заключение.** В процессе возвращения советского наследия в социально-политическую практику в российском кинематографе стал преобладать героический нарратив. То есть образы СССР, транслируемые отечественным кинематографом, становятся элементом конструирования героического мифа. В то же время кинообразы советского прошлого можно рассматривать в качестве инструмента рефлексии над историей Советского Союза и проработки травмы, спровоцированной его распадом.

**Ключевые слова:** кино, историческая память, культурная травма, ностальгия, СССР

**Благодарности.** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

**Для цитирования:** Целыковский А. А. «Важнейшее из искусств»: кинообразы советского прошлого в российской мифотворческой практике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 400–405. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-400-405>, EDN: MMLAYW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“The most important of all arts”: Film images of the Soviet past in the Russian myth-making practice

A. A. Tselykovsky

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk 398055, Russia

Aleksey A. Tselykovsky, [alts1085@mail.ru](mailto:alts1085@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-2442-5463>

**Abstract. Introduction.** The article investigates the specifics of cinematic images of the USSR in Russian myth-making practice. The main objective of the study is to analyze the impact of images of the Soviet past, created and broadcast by post-Soviet cinema, on the formation of historical memory about the USSR. **Theoretical analysis.** The study is based on the hypothesis that cinema is one of the significant aspects of myth-making, which directly participates in the construction of collective representations of the past. The research interest in the peculiarities of the images of Soviet history broadcast by the Russian film industry is conditioned by the process of returning the Soviet symbolic capital to contemporary socio-political practice. **Conclusions.** As the study demonstrates, in the process of returning the Soviet heritage to sociopolitical practice, the heroic narrative has become predominant in Russian cinema. That is, the images of the USSR, broadcast by the national cinematography, become an element in the construction of the heroic myth. At the same time, film images of the Soviet past can be considered as a tool for reflection on the history of the Soviet Union and working through the trauma provoked by its collapse.

**Keywords:** film, historical memory, cultural trauma, nostalgia, USSR



**Acknowledgements.** The reported study was funded by RSF, project No. 22-18-00153 “The Image of the USSR in Historical Memory: A Study of Media Strategies for Reproducing Representations of the Past in Russia and Foreign Countries”.

**For citation:** Tselykovsky A. A. “The most important of all arts”: Film images of the Soviet past in the Russian myth-making practice. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 400–405 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-400-405>, EDN: MMLAYW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

Образы советского прошлого, формирующиеся в российском общественном сознании, не раз претерпевали существенные трансформации. Об этом могут свидетельствовать и официальный идеологический дискурс, и социально-политическая практика. Изменения в восприятии событий и персонажей советской истории особенно заметны в российском кинематографе. В данном случае речь идет не только о частоте обращения российского кино к советскому прошлому, но и о трактовках тех или иных событий и исторических личностей СССР.

При анализе процесса возвращения советского наследия в официальную государственную политику и общественное сознание можно выделить три периода. Первый период наступает непосредственно после распада СССР. Новое политическое руководство, взяв курс на десоветизацию культурного и социально-политического пространства, старалось вытеснить советский период из общественного сознания и исторической памяти. Политическая риторика 1990-х гг. акцентировала внимание преимущественно на негативных сторонах советского прошлого. Российский кинематограф тех лет в полной мере отразил описанные тенденции. Разумеется, стоит принять во внимание, что экономические проблемы, свойственные России 1990-х гг., привели к существенному снижению количества снимаемых фильмов. Киноленты, которые все же выходили на экраны и были посвящены тем или иным событиям советской истории, преимущественно оценивались негативно.

Второй период начинается в 2000-х гг. Мифотворческая практика активно обращается к советской истории, используя ее символический капитал. Перемены во внутривнутриполитическом курсе страны заключались в том числе и в тенденции постепенного включения советского периода истории в официальный идеологический нарратив. Кинематограф также начинает активно обращаться к советскому периоду, существенно увеличивается круг тем, связанных с историей СССР.

Третий период (примерно после 2010 г.) характеризуется усилением вышеописанных тенденций. То есть процесс возвращения советских символов в мифотворческую и социально-политическую практику приобретает уже системный характер. Кинематограф характеризуется систематическим обращением к советской истории, количество тем и жанров существенно увеличивается.

Таким образом, российский кинематограф является довольно ярким свидетельством перемен, происходящих в российской мифотворческой практике, отражающим эти перемены.

## Теоретический анализ

Распад Советского Союза повлек за собой неизбежные травматические последствия для общественного сознания. Феномен культурной травмы исследовался в работах Дж. Александера, Р. Айермана, П. Штомпки и др. Дж. Александер изучал культурную травму с точки зрения социальной психологии как идентификацию какого-либо исторического опыта в качестве травмирующего. По его мнению, «травма не является результатом того, что некая группа людей испытывает боль. Она есть результат острого дискомфорта, проникающего в самую сердцевину ощущения сообществом собственной идентичности» [1, с. 18]. Отказ от устоявшейся социально-политической системы, смена духовно-нравственных и ценностных норм, утрата внешнеполитического положения страны – все эти последствия распада СССР для большинства бывших советских граждан приобрели статус культурной травмы.

П. Штомпка изучал культурную травму, последовавшую за крахом коммунистических режимов в Восточной Европе. В его представлении травма носит и объективный (историческое событие), и субъективный (интерпретация данного события) характер одновременно. Исследователь по этому поводу замечает: «Травма, как многие другие социальные состояния, – одновременно объективна и субъективна. Она обычно коренится в реальных фено-



менах, но не проявляется до тех пор, пока ее не увидят и не дадут ей некое определение» [2, с. 9].

Еще одной заметной тенденцией, свойственной коллективной памяти постсоветской России, стало формирование ностальгических настроений по ушедшему советскому времени. Социальный феномен ностальгии характерен для переходных исторических периодов, когда общественное сознание, пытаясь найти новую ценностную основу в настоящем, обращается к прошлому, нередко мифологизируя его. Возникает закономерный вопрос: является ли обращение исторического сознания (в том числе в кинематографической форме) к советскому прошлому попыткой преодоления культурной травмы? В данном исследовании для ответа на поставленный вопрос будет проанализирована специфика образов советского прошлого в российском кинематографе.

Совокупность различных фильмов, вышедших на экраны в постсоветской России и так или иначе связанных с Советским Союзом, можно классифицировать по нескольким критериям. В качестве самого очевидного критерия можно назвать тематику сюжетов данных фильмов. Наиболее популярными сюжетными основами могут быть следующие события и периоды в истории СССР.

1. *События, связанные с Великой Отечественной войной.* Данная тема является, пожалуй, наиболее популярной и распространенной. Она может воспроизводиться в самых различных интерпретациях и контекстах. Военные фильмы могут повествовать о значимых сражениях, крупных военных операциях или трагических эпизодах войны, посвящаться известным историческим личностям, повлиявшим на ход Великой Отечественной войны, а также судьбам «простых людей».

Повышенный интерес российского кинематографа к теме Великой Отечественной войны обусловлен тенденциями, характерными для политической и мифотворческой практики. Великая Победа в современной России стала одним из наиболее значимых политических мифов, легитимирующим ее внешнеполитические амбиции. Комплекс различных политических мифов, сформировавшийся вокруг событий Великой Отечественной войны, фактически стал для современной России мифом происхождения. Ежегодное празднование Дня Победы без преувеличения превратилось в один из главных политических ритуалов. Как отмечают российские

исследователи, «в современных условиях он фактически обрел статус главного праздника, предоставив власти неограниченные возможности в интерпретации своей символики» [3, с. 25]. Таким образом, военные фильмы встраиваются в доминирующую политическую мифологию, участвуя в конструировании героического политического мифа.

Сюжетная направленность российских военных фильмов может быть довольно неоднозначной. Она может концентрироваться, например, на теме политических репрессий («Утомленные солнцем-2: Предстояние») или участия в войне солдат-штрафников (телесериал «Штрафбат»). Однако центральный нарратив подавляющего большинства военных фильмов остается неизменным: Великая Победа – это безусловный героический подвиг советского народа.

2. *Спортивные победы и достижения.* Данная тема связана с наиболее известными спортивными событиями и победами советской эпохи. На фоне холодной войны спортивное соперничество СССР со странами Запада приобрело характер полномасштабного противостояния, призванного продемонстрировать мощь советской государственной системы. Спортивные соревнования по-прежнему остаются значимой ареной политического соперничества. Поэтому фильмы, повествующие о спортивных достижениях СССР, в полной мере отражают тенденции в мифотворческой практике, соответствующей третьему периоду. Именно после 2010 г. появляются наиболее кассовые фильмы о спорте в СССР: «Легенда № 17» (2012), «Движение вверх» (2017), «Лев Яшин. Вратарь моей мечты» (2021), «Мистер Нокаут» (2022), «Одиннадцать молчаливых мужчин» (2022) и т.д.

Необходимо отметить, что в некоторых фильмах спортивной тематики советская политическая система изображается довольно неоднозначно, в виде препятствия, мешающего главным героям на пути к победе. Например, в фильмах «Легенда № 17» и «Движение вверх» антагонистами выступают советские спортивные функционеры. Однако в целом в данной тематической группе преобладает героический нарратив. Сюжетные линии спортивных фильмов рассказывают истории сильных личностей (спортсменов, тренеров, целых команд), преодолевающих трудности как личного, так и политического характера для достижения победы и спортивной славы своей страны.



3. *Освоение космоса.* Запуск первого искусственного спутника положил начало космической гонке СССР и США, в которой советская сторона долгое время удерживала уверенное первенство. Неудивительно, что тема освоения космоса стала одной из самых популярных тем, репрезентирующих в кино образ советской эпохи.

Фильмография на тему советской космической программы довольно обширна: «Битва за космос» (2005), «Королев» (2007), «Гагарин. Первый в космосе» (2013), «Время первых» (2017), «Салют-7» (2017) и т.д. Образ СССР в фильмах подобной тематической направленности наделяется чертами эпохи великих свершений. Это время прорыва научной мысли и время подвигов советских космонавтов-первопроходцев. Впрочем, советская политическая система зачастую выставляется в негативном свете. К примеру, в фильме «Королев», повествующем о жизни главного конструктора, акцент сделан на политических репрессиях, жертвой которых он стал в начале своей научной карьеры.

Как еще один пример можно упомянуть фильм «Салют-7», основанный на реальных событиях и рассказывающий о спасении одноименной орбитальной станции. Фильм раскритиковал космонавт Владимир Джанибеков, выступивший прототипом одного из главных героев. По его словам создатели фильма демонизировали руководство советской космической программы. В одном из интервью он заявил: «Показали страшных русских генералов, готовых расстреливать своих в космосе. В фильме присутствует и высшее руководство страны с угрозами. Хотя всё было ровно наоборот: все надеялись на успех, спрашивали, чего не хватает, чтобы всё получилось» [4]. Несмотря на это, кинофильмам данной тематики в целом свойственен героический нарратив, выражающийся в сюжетной линии преодоления различных трудностей за право быть первыми в космосе.

Таким образом, основой кинофильмов рассмотренных тематических категорий является преимущественно героизация значимых событий советского периода. Такими событиями становятся победа в Великой Отечественной войне, первенство в освоении космоса, спортивные достижения. Наряду с прославлением событий и личностей, связанных с наиболее яркими и выдающимися моментами советской истории, в негативном свете изображаются отдельные аспекты советской социально-поли-

тической системы. Например, период Большого террора, если речь идет о сталинском времени или идеологическая заостренность партийно-бюрократического аппарата позднесоветского времени.

4. В отдельную категорию стоит выделить *фильмы, посвященные политическим лидерам СССР.* Через образы политических лидеров формируется историческая память, осмысливаются история страны и текущая ситуация, персонифицируется государственная система. Поэтому для мифотворческой практики кинообразы советских политиков играют довольно значимую роль.

Фильмов, в которых В. И. Ленин выступал бы в качестве главного или одного из главных персонажей, немного. Пожалуй, что единственным фильмом, где образ Ленина занимает центральное место, стала работа Александра Сокурова 2001 г. «Телец». Картина рассказывает о последних месяцах жизни вождя, медленно умирающего и фактически отстраненного от власти. В сюжете полностью отсутствует героический нарратив, скорее это повествование о трагическом финале человека, получившего огромную власть и впоследствии ее утратившего и ставшего заложником своего положения. В сериале 2017 г. «Демон революции», выпущенного к столетию Октябрьской революции, Ленин изображен в соответствии с устойчивыми конспирологическими теориями агентом германской разведки. Образ Ленина, являвшийся основным в советской мифотворческой практике, к настоящему времени практически полностью потерял свое значение. В целом можно сказать, что в постсоветском кинематографе он лишен героических коннотаций.

Иная ситуация складывается вокруг образа Сталина. Количество фильмов и сериалов, в которых он присутствует и как один из второстепенных персонажей («Московская сага», «Дети Арбата», «В круге первом», «Троцкий» и т.д.), и как главное действующее лицо («Сталин. Live», «Товарищ Сталин» и т.д.) достаточно велико.

Как уже говорилось, Великая Отечественная война фактически превратилась в идеологию постсоветской России. Потому рост числа кинофильмов о Великой Отечественной войне приводит к обращению к образу Сталина, неразрывно связанному с событиями военного времени. При этом его образ довольно пластичен, наделяется различными характеристиками и коннотациями. Встречаются и довольно нежиз-



данные кинообразы Сталина. К примеру, фильм 2021 г. «Мария. Спасти Москву», основанный на легенде о встрече в 1941 г. Сталина и Матроны Московской, превращает советского вождя практически в православного царя, спасающего Москву с помощью чудотворной иконы.

Настолько разнящееся восприятие Ленина и Сталина может объясняться политикой использования символического капитала советской эпохи. Сталин в данном контексте выступает в роли государственника, восстановившего разрушенную Гражданской войной страну. С его именем связана победа в Великой Отечественной войне, присоединение утраченных территорий и превращение СССР в сверхдержаву. Ленин же, напротив, является главным организатором революции, приведшей к потере Россией значительной части своих территорий, к Гражданской войне и голоду. Разрушив прежнее государство, он не успел создать новое. Так, в одном из своих выступлений В. В. Путин назвал В. И. Ленина человеком, заложившим «мину под российскую государственность, которая складывалась тысячу лет» [5].

Десятилетие хрущевского правления ознаменовалось многими знаковыми событиями: оттепелью и развенчанием культа личности Сталина, началом космической эпохи, Карибским кризисом и т.д. Тем не менее практически во всех фильмах о данном периоде Хрущев присутствует в качестве второстепенного персонажа. Пожалуй, только в фильме 1993 г. «Серые волки» он выступает как один из главных персонажей. В данной картине, рассказывающей об антихрущевском заговоре, он изображен слабым, самоуверенным и недалеким политиком. Развенчав сталинский героический миф, Хрущев нанес удар по советской мифологии в целом. Поэтому его образ не вписывается в общую тенденцию возвращения советского символического капитала в российские реалии, несмотря на прочие достижения хрущевской эпохи.

Совсем другая ситуация с кинематографическим образом Брежнева. Следует сказать, что ностальгические настроения по советской эпохе связаны преимущественно с брежневским периодом. К примеру, согласно одному из исследований ВЦИОМ 2005 г. (за год до столетия со дня рождения Брежнева) россияне в основном положительно оценивают личность генерального секретаря и его деятельность на посту главы государства [6]. В том же 2005 г. на экраны вы-

шел биографический телесериал «Брежнев». Примечательно, что Брежнев в сериале показан не как политический деятель, а как человек со своими слабостями и недостатками, но в целом вызывающий скорее симпатию, нежели антипатию. Кинематографический образ Брежнева олицетворяет собой стабильные и относительно спокойные годы «развитого социализма», репрезентуя ностальгический модус восприятия позднесоветского периода.

Андропов, сменивший Л. И. Брежнева на посту генерального секретаря, в своих киновоплощениях предстает, как правило, в образе всесильного главы КГБ. Кинокартин и телесериалов, в которых Андропов присутствует как глава государства, немного. Видимо его непродолжительное пребывание на посту главы государства вызывает гораздо меньший интерес, чем закулисная деятельность и борьба за власть.

Примечателен фильм 2023 г. «Пациент № 1», посвященный последним месяцам жизни приемника Андропова Черненко. Генеральный секретарь изображен немощным, неизлечимо больным стариком, который, однако, не желает расставаться с властью. Образ Черненко становится метафорой дряхлеющей и медленно умирающей советской политической системы.

Горбачев в русле политики возвращения советского наследия в российскую социально-политическую практику воспринимается скорее как антигерой, как «могильщик» СССР. Поэтому практически во всех фильмах он выступает как второстепенный персонаж, наделяемый негативными или откровенно комичными чертами.

## Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в процессе возвращения советского наследия в социально-политическую практику в постсоветском кинематографе стал преобладать героический нарратив. Образы советского прошлого, транслируемые современным российским кинематографом, становятся элементом конструирования героического политического мифа. Данная тенденция заметна на примере основных сюжетов фильмов, а также специфики интерпретации тех или иных событий советского времени.

Наиболее популярными темами являются события Великой Отечественной войны, до-



стижения советской космической программы, спортивные победы. Данные кинообразы способствуют формированию образа сильного, обладающего огромными возможностями, государства со сложной, но великой историей, распад которого стал катастрофическим событием. Актуализация и трансляция подобных кинообразов советского прошлого может свидетельствовать о наличии культурной травмы, вызванной распадом СССР и не проработанной в дальнейшем. Кроме того, кинообразы советского прошлого героического и ностальгического характера можно рассматривать как инструмент рефлексии над историей СССР и проработки травмы, связанной с его распадом.

### Список литературы

1. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
2. Штомпка П. Социальное изменение как травма: (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
3. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.
4. Дважды Герой Советского Союза Владимир ДЖАНИБЕКОВ: «Фильм «Салют-7» мне не понравился». URL: <https://kubnews.ru/turizm/2017/10/11/dvazhdy-geroy-sovetskogo-soyuza-vladimir-dzhanibekov-film-salyut-7-mne-ne-ponravilsya/> (дата обращения: 19.08.2024).

5. Путин призвал не «придумывать» Россию и привел в пример Ленина. URL: <https://rg.ru/2019/12/10/putin-prizval-ne-primyvat-rossii-i-privel-v-primer-lenina.html> (дата обращения: 19.08.2024).
6. Вспоминая брежневскую эпоху. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vspominaya-brezhnevskuyu-epokhu> (дата обращения: 19.08.2024).

### References

1. Aleksander Dzh. Cultural trauma and collective identity. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2012, no. 3. pp. 5–40 (in Russian).
2. Shtompka P. Social change as trauma: (Article one). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001, no. 1, pp. 6–16 (in Russian).
3. *Rossiya v poiskakh ideologii: transformatsiya tsennostnykh regulyatorov sovremennykh obshchestv* [Mart'yanov V. S., Fishman L. G., eds. Russia in search of ideologies: Transformation of value regulators of modern societies]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2016. 334 p. (in Russian).
4. *Twice Hero of the Soviet Union Vladimir DZHANIBEKOV: "I did not like the movie 'Salyut-7'"*. Available at: <https://kubnews.ru/turizm/2017/10/11/dvazhdy-geroy-sovetskogo-soyuza-vladimir-dzhanibekov-film-salyut-7-mne-ne-ponravilsya/> (accessed August 19, 2024) (in Russian).
5. *Putin urged not to "invent" Russia and cited Lenin as an example*. Available at: <https://rg.ru/2019/12/10/putin-prizval-ne-primyvat-rossii-i-privel-v-primer-lenina.html/> (accessed August 19, 2024) (in Russian).
6. *Remembering the Brezhnev era*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vspominaya-brezhnevskuyu-epokhu/> (accessed August 19, 2024) (in Russian).

Поступила в редакцию 21.08.2024; одобрена после рецензирования 09.10.2024; принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024  
The article was submitted 21.08.2024; approved after reviewing 09.10.2024; accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



## ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 406–413

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 406–413  
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-406-413>

EDN: NEVZTJ

Научная статья  
УДК 1(470+571)(09)+316.61+929Франк

### Эстетический идеал отношения к другому человеку в структуре духовности С. Л. Франка

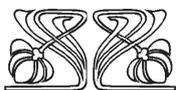
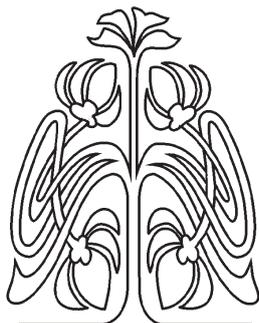
Л. Н. Аксеновская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

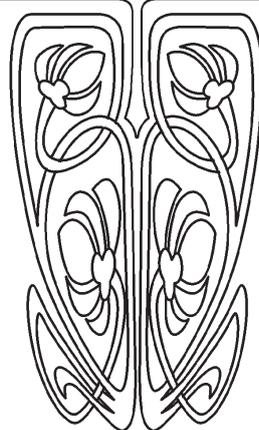
Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии, [liudmila\\_aksenovskaya@mail.ru](mailto:liudmila_aksenovskaya@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-4867-4197>

**Аннотация. Введение.** В статье представлен социально-психологический (ордерный) подход к исследованию эстетического аспекта духовности. В соответствии с представлениями С. Л. Франка о четырехаспектности феномена духовности построена вербальная социально-психологическая модель эстетического идеала отношения к другому человеку, на базе которой разработана опросная методика (анкета) для изучения представлений об эстетическом идеале отношения к другому человеку у респондентов разного возраста. **Теоретический анализ.** Выполнен краткий обзор истории формирования эстетики как самостоятельной науки, даны определения основных категорий эстетики (прекрасное, красота), показаны ее связи с научной психологией как на уровне исторических прецедентов разработки психологических эстетических концепций, так и на уровне понятийного аппарата (эстетическое сознание, эстетическое восприятие, эстетическое отношение, эстетические ценности, эстетический идеал). В представленной теоретической модели эстетического идеала отношения к другому человеку моделирующим параметром выступает отношение. В структуре модели выделены шесть основных параметров: 1) поддерживает людей в неловких для них ситуациях; 2) замечает светлые стороны других людей и умеет их подчеркнуть в общении с третьими лицами; 3) думает о других людях с симпатией; 4) стремится внести гармонию и мир в отношения с людьми; 5) увлекает других людей своими творческими интересами; 6) духовен (ценит прекрасное в природе, искусстве, людях, в предметах окружающей среды). **Эмпирический анализ (разработка методики исследования).** Методика исследования эстетического идеала отношения к другому человеку разработана на базе параметрической ранее описанной модели. Данная опросная методика представляет собой комбинированную анкету с открытыми и закрытыми вопросами. Цель открытых вопросов состоит в уточнении субъективных представлений респондентов о прекрасном (красивом) в отношении к другим людям за счет предоставления наглядных примеров проявления этих качеств во взаимодействии людей. **Заключение.** Выполненная разработка теоретической параметрической модели эстетического идеала отношения к другому человеку и основывающейся на ней методике изучения данного феномена открывает возможность приступить к эмпирической части исследования эстетического аспекта духовности.

**Ключевые слова:** духовность, эстетический идеал, параметрическая модель эстетического идеала, методика эмпирического исследования



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





**Для цитирования:** Аксеновская Л. Н. Эстетический идеал отношения к другому человеку в структуре духовности С. Л. Франка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 406–413. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-406-413>, EDN: NEVZTJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

## The aesthetic ideal of the attitude towards another person in the structure of spirituality of S. L. Frank

L. N. Aksenovskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Liudmila N. Aksenovskaya, liudmila\_aksenovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4867-4197>

**Abstract. Introduction.** The article presents a socio-psychological (order) approach to the study of the aesthetic aspect of spirituality. In accordance with the ideas of S.L. Frank about the four-aspect nature of the phenomenon of spirituality, a verbal socio-psychological model of the aesthetic ideal of attitude towards another person is constructed, on the basis of which a survey technique (questionnaire) is developed to study the ideas about the aesthetic ideal of attitude towards another person among respondents of different ages. **Theoretical analysis.** A brief overview of the history of the formation of aesthetics as an independent science is provided, its definitions of the main categories of aesthetics (beautiful, beauty) are given, its connections with scientific psychology are shown both at the level of historical precedents for the development of psychological aesthetic concepts and at the level of the conceptual apparatus (aesthetic consciousness, aesthetic perception, aesthetic attitude, aesthetic values, aesthetic ideal). In the presented theoretical model of the aesthetic ideal of attitude to another person, the model-forming parameter is attitude. The structure of the model includes six main parameters: 1) supports people in awkward situations; 2) notices the bright sides of other people and knows how to emphasize them in communication with third parties; 3) thinks of other people with sympathy; 4) strives to bring harmony and peace into relationships with people; 5) captivates other people with their creative interests; 6) is spiritual (appreciates the beautiful in nature, art, people, and objects in the environment). **Empirical analysis** (design of a study method). The methodology for studying the aesthetic ideal of attitude towards another person is developed on the basis of the previously described parametric model. This survey methodology is a combined questionnaire with open and closed questions. The purpose of open questions is to clarify respondents' subjective ideas about the beautiful in attitude towards other people by providing visual examples of the manifestation of these qualities in human interaction. **Conclusion.** The completed development of a theoretical parametric model of the aesthetic ideal of attitude towards another person and the methodology for studying this phenomenon based on it opens up the possibility of proceeding to the empirical part of the study of the aesthetic aspect of spirituality.

**Keywords:** spirituality, aesthetic ideal, parametric model of aesthetic ideal, empirical research methodology

**For citation:** Aksenovskaya L. N. The aesthetic ideal of the attitude towards another person in the structure of spirituality of S. L. Frank. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 406–413 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-406-413>, EDN: NEVZTJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

Духовное измерение человеческого и общественного бытия зачастую оказывается в фокусе исследовательского внимания в сложные периоды исторического развития человечества, в периоды лиминальности. Начало XXI столетия, безусловно, запомнится как время общецивилизационных кризисов медицинского (пандемия), миграционного (перемещения беженцев) и военного характера (войны и крупные террористические действия). В стремительно меняющихся реалиях современного мира неизменным остается вопрос о духовной природе человека как источника возникающих катаклизмов и потрясений и одновременно ресурса преодоления вызванных человеком проблем. В духовности видится потенциал для «самопреодоления» (С. Л. Франк) деструктивных интенций как отдельных людей, так и отдельных обществ,

источник целительной творческой энергии, способный уберечь человека и человечество от взаимной ненависти и самоуничтожения.

Социально-психологические исследования феномена духовности в рамках ордерного подхода к изучению культуры опираются на предложенное С. Л. Франком понимание структуры феномена духовности. Согласно Франку в структуре духовности могут быть выделены четыре компонента или аспекта – нравственный, познавательный, эстетический и религиозный. Считая, что духовное главным образом репрезентирует себя через нравственное сознание общества, выдающийся философ и психолог полагал, что своего рода системообразующим параметром нравственного сознания выступает нравственный «общественный идеал». Также Франк ставил вопрос о необходимости эмпирических исследований «добра и зла» [1–4].



Данная логика С. Л. Франка находит свое воплощение в рамках ордерного подхода к социально-психологическому изучению феномена культуры. Было проведено пилотное исследование феномена духовности в аспекте его нравственного компонента на примере нравственного идеала отношения человека к человеку [5]. Следующим шагом в реализации данного подхода является разработка оснований для эмпирического исследования другого компонента в теоретической модели духовности – *эстетического* и последующее проведение такого исследования.

Целью статьи является построение теоретической модели эстетического компонента духовности в аспекте эстетического идеала отношения к другому человеку и разработка методики для последующего эмпирического исследования.

### Теоретический анализ эстетического аспекта духовности

*Определение духовности.* В нашей предыдущей работе, рассмотрев спектр идеалистических и материалистических представлений о природе духовности, мы остановились на содержательно-нейтральном определении духовности как нематериальном явлении [5–8]. Для целей настоящего анализа примем данное определение как приемлемое.

*Эстетика как наука.* В рамках социально-психологического (ордерного) подхода [9–12] к построению модели эстетического идеала отношения к другому человеку важно кратко описать ключевые аспекты эстетики как области научного знания, чтобы выделить возможности, которыми обладает социальная психология для проведения эмпирических исследований в проблемном поле эстетики.

Психологично уже само слово «эстетика» (от греч. «чувствующий, чувственный»). Эстетика изучает два круга явлений, тесно связанных между собой: «сферу эстетического как специфическое проявление ценностного отношения человека к миру и сферу художественной деятельности людей» [13, с. 805].

Предметом эстетики является изучение закономерностей эстетического и художественного освоения человеком мира. Основоположником эстетики как науки считается А. Г. Баумгартен (XVIII в.), предложивший выделить в философии, наряду с этикой и

логикой, новый раздел науки – эстетику, которую определил как *теорию чувственного познания* [13, с. 806]. Он создал учение о прекрасном, определив красоту как «совершенство чувственного познания», а искусство – как воплощение красоты.

В XIX–XXI вв. эстетическая проблематика оказалась в фокусе интереса различных наук, в том числе и психологии (Г. Фехнер и его «психологическая эстетика», Т. Липпс, З. Фрейд, Ж. Лакан и др.). Марксистская психология (психологическая теория деятельности) близка марксистской эстетике в вопросе признания человеческой деятельности основой эстетического отношения человека к миру. В силу способности человека подходить ко всему с точки зрения красоты развивается его способность обнаруживать и создавать эстетические ценности в окружающем мире – природе, обществе, процессе и продуктах деятельности, в человеке и человеческих отношениях. К числу таких ценностей относят красоту и величие, гармонию и драматизм, трагизм, комизм и др. [14, с. 807].

*Эстетические категории.* Как правило, в центре системы категорий эстетики располагают категорию *прекрасного* (Платон, Аристотель, Августин Блаженный, Фома Аквинский, Гегель, Чернышевский) [14]. Однако есть и другие варианты системообразующих факторов: у Канта это «эстетическое суждение», в эстетических теориях эпохи Возрождения – «эстетический идеал». Категории эстетики в ее истории интерпретировались как идеалистически, так и материалистически. В систему категорий эстетики входят: *прекрасное* и *возвышенное* (отражают эстетические свойства природы и человека), *трагическое* и *комическое* (отражают процессы социальной жизни) [15, с. 65].

*Определения категорий «прекрасное» и «красота».* Чтобы дать характеристику эстетического аспекта духовности, обратимся к имеющимся определениям категорий эстетики «прекрасное» и «красота».

«Прекрасное» зачастую отождествляют с «эстетическим». Понятие «прекрасное» раскрывает предмет сущностно, подчеркивая связь между свойствами предмета и его внутренней структурой. О прекрасном говорят как о ценности, поскольку оно воспринимается как положительное явление, вызывающее широкий спектр позитивных чувств вплоть до восторга. Понятие «красота» близко по смыслу к пре-



красному. Однако «в отличие от прекрасного красота характеризует предметы и явления преимущественно с их внешней и не всегда существенной стороны» (сравнить, например, «прекрасный человек» и «красивый человек») [15, с. 122], т. е. понятие «красота» более узко по значению, оно оценивает отдельные стороны эстетических явлений (гармоничность, совершенство, упорядоченность), в то время как прекрасное оценивает предмет или явление целостно [15, с. 79–80].

Прекрасное, как и красота, есть одновременно и объективный, и субъективный феномен. Отсюда следует оценочная функция данных понятий, поскольку эстетическое восприятие имеет эмоциональную природу. Способность человека воспринимать прекрасное и красивое, открывать их в окружающем мире и людях предполагает наличие «чувства красоты» – чувства формы, объема, цвета, ритма, симметрии, гармонии и др. Сущность и параметры прекрасного и красивого исторически определялись по-разному, начиная с пифагорейцев, отождествлявших красоту, совершенство, гармонию («согласие несогласных») [15, с. 122] и поддерживающих их мыслителей эпохи Возрождения (Л. Альберти) [15, с. 123].

В человеческом восприятии прекрасны и красивы могут быть природа и сам человек, прекрасными могут быть произведения литературы и искусства (поэзия, скульптура, музыка). Человек видит красоту математических формул, шахматных партий и т.д. Придавая ценность определенным аспектам своего бытия, человек эстетизирует их, формируя эстетический идеал ценного аспекта реальности для себя или своего сообщества. В качестве примера можно привести эстетизацию героизма в мифологии Древней Греции, бедности – в поэзии средневековой Японии, простодушия – в русских сказках, богатства – в западной массовой культуре.

Прекрасное (красивое) как совершенное вызывает положительные эмоции, а значит, с психологической точки зрения, безопасно и ресурсно. Отсюда проистекает высокая степень привлекательности прекрасного и красивого. Однако опасность может крыться в эстетизации зла и безобразного. Эстетизированные средствами искусства или массовой культуры, зло перестает вызывать страх и отторжение, начинает привлекать к себе, нравиться и «отключать» инстинкт самосохранения. По такому принципу действуют субкультурные группы, вовлекаю-

щие подростков в суицидальные проекты или экстремистские сообщества. Таким образом, красота тоже может быть опасным средством воздействия на человека.

О человеческой красоте писал И. А. Ефремов, выделив в качестве критерия оценки человеческой красоты биологическую целесообразность [16]. Помимо красоты биологической, мы способны видеть красоту духовную (образы на иконах, подвижничество), воспринимать красоту социальную (взаимодействие и взаимоотношения людей, а также отношение людей к природе и другим аспектам реальности).

Глубокое проникновение в сущность человеческой красоты продемонстрировал Сократ в диалоге «Алкивиад I», «разделив» человека на то, что он есть на самом деле («я» («сам») – душа, разум) и на то, что «у души есть» – тело и его части, а у тела – одежда, обувь, украшения, другие материальные «опции», статус и т.п. [17].

В фокусе нашего внимания находится многогранная красота человека и человеческих отношений, эстетическое отношение человека к человеку.

*Эстетическое отношение.* Эстетическое отношение – «особое отношение человека к действительности, в процессе которого человек раскрывает и выявляет меру целостности предметов, явлений и ситуаций объективного мира, проявляет и переживает развитые в себе способности и возможности активной творческой деятельности, оценивает степень совершенства явлений действительности и степень гармонии человека и мира» [15, с. 109]. С психологической точки зрения, предметом исследований эстетических феноменов могут быть эстетическое восприятие, эстетическое чувство, эстетическое наслаждение и эстетическая потребность, эстетические оценочные суждения, эстетическое отношение, художественное мышление, эстетическое сознание, художественное творчество, эстетические ценности.

*Эстетическое сознание.* Эстетическое сознание – «одна из форм общественного сознания, отражающая окружающий мир, разно-стороннюю деятельность человека, продукты его деятельности, произведения искусства в чувственно представимых и оцениваемых в суждениях вкуса образах» [15, с. 154]. Сущностно эстетическое сознание отражает опыт переживания человеком взаимодействия с внешней и внутренней реальностью в оптике идеала красоты, как правило, исторически обусловленного



[15, с. 155]. Эстетическое сознание включает в свой состав эстетические эмоции, чувства, восприятия, вкусы, потребности, идеалы, взгляды, категории и теории. Все они связаны между собой. Эстетическое сознание гармонизирует разнородные образы, когниции, представления и т.д., все, что составляет сложное содержание внутреннего мира человека. Осознанные и неосознанные представления о прекрасном и красивом оформляются в сознании в качестве эстетического идеала.

*Эстетический идеал.* Идеал мы определяем как образ максимального совершенства [5, 6]. При этом нравственный идеал определяется нами как максимально совершенное отношение к другому человеку на уровне действий, слов, мыслей, чувств, выражающееся в альтруистической направленности личности и ориентации на духовные ценности в большей степени, чем на материальные.

Эстетический идеал есть «исторически конкретное, чувственное представление или понятие о должном как прекрасном» [15, с. 45]. Это прекрасное может быть реализовано в и в искусстве, и в человеческих отношениях, и в созидательной (производственной) деятельности людей. Эстетический идеал связан с определенными чертами «исторически изменчивого общественного идеала», который к тому же может быть противоречивым по причине противоречивости общественной жизни людей, их деления на различные группы. Как и нравственный идеал, эстетический идеал включен в структуру сознания, очевидно, в виде чувственно значимых образов и сопровождающих их когниций (убеждений, верований).

#### **Социально-психологическая модель эстетического отношения к другому человеку**

Субъектом эстетического отношения к другому человеку выступает эстетически совершенный человек, который может быть представлен как эстетический идеал. Безусловно, чтобы претендовать даже на теоретический статус эстетического идеала, необходимо в полной мере соответствовать всем параметрам эстетического идеала во всем многообразии его характеристик.

Для решения нашей исследовательской задачи требуется выделить только один аспект эстетического идеала – эстетическое отношение к другому человеку.

Моделлеобразующим параметром в модели эстетического отношения к другому человеку в данном случае выступает *эстетическое отношение* к ранее определенным аспектам человеческого поведения: действия, слова, мысли, поступки, стремление к гармонии, духовность (ценит прекрасное в природе, искусстве, людях, предметах окружающей среды).

Параметрическая модель эстетического совершенства в аспекте отношения к другому человеку (эстетического идеала отношения к другому человеку), таким образом, будет включать в себя мысли, чувства, слова, действия и оценку соотношения духовного и материального в структуре личности. Вербальная версия модели может быть представлена следующим перечнем качеств, характеризующих эстетически совершенное (идеал) отношение человека к другому человеку: 1) поддерживает людей в неловких для них ситуациях; 2) замечает светлые («красивые») стороны других людей и умеет их подчеркнуть в общении с третьими лицами; 3) думает о других людях с симпатией, находит их качества привлекательными; 4) стремится внести гармонию и мир в отношения с людьми, избегает конфликтов либо старается их разрешить; 5) увлекает других людей своими творческими интересами; 6) духовен (ценит прекрасное в природе, искусстве, людях, предметах окружающей среды).

Четвертое и пятое качества («стремится внести гармонию и мир», «увлекает творческими интересами») относятся к эстетическому действию.

#### **Методика оценки эстетического отношения к другому человеку**

На основе построенной модели эстетического идеала отношения к другому человеку разработана открыто-закрытая анкета по образцу использованной нами ранее для изучения нравственного идеала отношения к другому человеку.

Структура анкеты имеет четыре части:

1) социологическая информация (возраст и отношение к религии); цель вопросов – поиск возможной связи между религиозностью человека, возраста и представления об эстетическом идеале;

2) шесть параметров эстетически совершенного отношения к другому человеку;



3) наличие или отсутствие убеждения в возможности существования эстетически совершенного отношения к другому человеку («идеал»); цель – выявление связи между убеждением в существовании эстетического идеала и возрастом, религиозностью респондента, а также фактическим содержанием представления об эстетическом идеале (эстетическом совершенстве);

4) примеры эстетически совершенного («прекрасного» («красивого»)) отношения к другим людям в литературе, кино, СМИ и повседневной жизни; цель – получить содержательные образцы представлений об эстетическом совершенстве (идеале).

Респондентам предлагается ответить на следующие вопросы:

1. *Красиво ведущий себя по отношению к другим человек имеет следующие проявления (отметьте утверждения, с которыми согласны):*

1) поддерживает людей в неловких для них ситуациях;

2) замечает светлые стороны других людей и умеет их подчеркнуть в общении с третьими лицами;

3) думает о других людях с симпатией;

4) стремится внести гармонию и мир в отношения с людьми;

5) увлекает других людей своими творческими интересами;

6) духовен (ценит прекрасное в природе, искусстве, людях, в предметах окружающей среды).

2. *Существуют ли люди, всегда красиво ведущие себя по отношению к другим? (отметьте нужное):*

да;

нет;

не знаю.

3. *Назовите пример человека, который является для Вас образцом прекрасного (красивого) отношения к другим людям в литературе.*

4. *Назовите героя фильма, который является для Вас образцом прекрасного (красивого) отношения к другим людям в кино.*

5. *Назовите человека, который является для Вас образцом прекрасного (красивого) отношения к другим людям в СМИ.*

6. *Приведите пример человека, который является для Вас образцом прекрасного (красивого) отношения к другим людям в Вашей жизни (например: «моя мама всегда организует*

*поездки за город, чтобы мы любовались природой», «мой друг любит классическую музыку и водит нашу компанию на концерты хороших исполнителей», «моя сестра любит людей и всегда видит в них хорошее», «я видел, как незнакомый человек очень красиво повел себя в спорной ситуации и уступил пожилому мужчине место в очереди» и т.п.).*

Также предлагается отметить свою возрастную категорию и отношение к религии (атеист, агностик, верующий).

## Заключение

В настоящее время проблема эстетического аспекта духовности в психологии представлена незначительным количеством публикаций [18].

Эстетический идеал отношения к другому человеку («красивое» отношение к другому человеку) входит в структуру духовности личности наряду с тремя другими идеалами (нравственным, познавательным, религиозным), выполняющими как регуляторную, так и развивающую функцию. Изучение каждого из четырех аспектов духовности, выделенных С. Л. Франком, имеет два уровня – теоретический и эмпирический. Логика нашего исследования предполагает последовательное эмпирическое изучение каждого из четырех аспектов духовности в ограниченном пространстве отношения к другому человеку на базе разработанных теоретических моделей этих идеалов с последующей работой по их интеграции в единую систему.

Предпринятое исследование носит поисковый характер без заданной гипотезы относительно природы духовности. Цель исследования состоит в получении предварительного опыта эмпирического социально-психологического исследования феномена духовности на базе смоделированного понимания феномена духовности, предложенного С. Л. Франком.

## Список литературы

1. Аксеновская Л. Н. Проект духовной психологии С. Л. Франка: перспективы реализации и развития в контексте ордерного подхода // После постпозитивизма: сборник научных статей / науч. ред. и сост. И. Т. Касавин, И. Д. Невважай, Л. В. Шиповалова, Д. С. Артамонов. М. : Русское общество истории и философии науки, 2022. С. 228–230.



2. Аксеновская Л. Н. Духовная психология С. Л. Франка в контексте современных задач развития российской социальной психологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 413–422. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-413-422>, EDN: ZMYDAN
3. Франк С. Л. Душа человека: опыт введения в философскую психологию. М. : Книжный клуб Книгоvek ; СПб.: Северо-Запад, 2015. 384 с.
4. Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Сочинения. М. : Правда, 1990. С. 185–556.
5. Аксеновская Л. Н. Духовность как критерий социально-психологической нормы: теоретический и эмпирический опыт обоснования для периода лиминальности (уровень личности и группы) // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 1. (25). С. 24–40.
6. Аксеновская Л. Н. Идеи С. Л. Франка и развитие ордерного подхода к социально-психологическому изучению феномена культуры // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее : материалы Международной конференции по истории психологии «VII Московские встречи» (Москва, 1–3 июля 2021 г.) / отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. В. Ковалева, Ю. Н. Олейник. М. : Институт психологии РАН, 2023. С. 96–105.
7. Аксеновская Л. Н. Ордерная концепция организационной культуры: вопросы методологии. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2005. 348 с.
8. Аксеновская Л. Н. Ордерная модель организационной культуры. М. : Академический проект, Трикта, 2007. 303 с.
9. Аксеновская Л. Н. Этико-смысловые коды организационной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 413–421. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-413-421>
10. Аксеновская Л. Н. Ордер и дизордер: социально-психологический контекст анализа проблемы нормы и патологии // Личность в норме и патологии : материалы Международной конференции (Челябинск, 22–23 апреля 2021 г.). URL: [https://doi.org/10.15405/epsbs\(2357-1330\).2021.6.4](https://doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2021.6.4) (дата обращения: 15.10.2024).
11. Аксеновская Л. Н. Духовность как критерий социально-психологической нормы: опыт обоснования для периода лиминальности (цивилизационной, организационной, личностной) // Личность в норме и патологии : материалы Международной научно-практической конференции (Челябинск, 20–21 апреля 2023 г.) / под ред. И. А. Трушиной. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2023. С. 19–23.
12. Аксеновская Л. Н. Потенциал российской духовной психологии в развитии современных (организационно-психологических исследований) // Социальная психология: вопросы теории и практики : материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти М. Ю. Кондратьева (11–12 мая 2023 г.). М. : МГППУ, 2023. С. 49–52.
13. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская Энциклопедия, 1983. 840 с.
14. Овсянников М. Ф. История эстетической мысли. М. : Высшая школа, 1978. 352 с.
15. Краткий словарь по эстетике. М. : Просвещение, 1983. 223 с.
16. Ефремов И. А. Лезвие бритвы. М. : Правда, 1986. 672 с.
17. Диалоги / Платон / Алкивиад I. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 448 с.
18. Апенюк (Черкасова) Р. С. Эстетическая компонента духовности как источник психологического здоровья // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10, № 7. С. 249–254.

## References

1. Aksenovskaya L. N. S. L. Frank's Spiritual Psychology Project: Prospects for implementation and development in the context of the order approach. In: *Posle postpozitivizma* [Kasavin I. T., Nevvazhay I. D., Shipovalova L. V., Artamonov D. S., eds. After postpositivism]. Moscow, Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki, 2022, pp. 228–230 (in Russian).
2. Aksenovskaya L. N. Spiritual psychology of S. L. Frank in the context of modern tasks of the development of Russian social psychology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 413–422 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-413-422>, EDN: ZMYDAN
3. Frank S. L. *Dusha cheloveka: opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu* [The Human Soul: The Experience of Introduction to Philosophical Psychology]. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek, St. Petersburg, Severo-Zapad, 2015. 384 p. (in Russian).
4. Frank S. L. *Nepostizhimoe* [The Unfathomable]. In: Frank S. L. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda, 1990, pp. 183–556 (in Russian).
5. Aksenovskaya L. N. Spirituality as a criterion of socio-psychological norm: Theoretical and empirical experience of justification for the period of liminality (level of personality and group). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie i zdavookhranenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Education and Healthcare], 2024, no. 1 (25), pp. 24–40 (in Russian).
6. Aksenovskaya L.N. Ideas by S. L. Frank and the development of the order approach to the sociopsychological study of the phenomenon of culture. *Istoriya otechestvennoy i mirovoy psikhologicheskoy mysli: znat proshloe, analizirovat nastoyashchee, prognoziro-*



- vat *budushchee* [Zhuravlev A. L., Kovaleva Yu. V., Oleynik Yu. N., ans. eds. The history of Russian and world psychological thought: To know the past, analyze the present, predict the future]. Moscow, Publ. House "Institute of Psychology RAS", 2023, pp. 96–105 (in Russian).
7. Akseovskaya L. N. *Ordernaya kontseptsiya organizatsionnoy kultury: voprosy metodologii* [Organizational Culture Order Concept: Methodology Issues]. Saratov, Saratov State University Publ., 2005. 348 p. (in Russian).
  8. Akseovskaya L. N. *Ordernaya model organizatsionnoy kultury* [Order Model of Organizational Culture]. Moscow, Akademeskiy proekt, Triksta, 2007. 303 p. (in Russian).
  9. Akseovskaya L. N. Ethical and semantic codes of organizational culture. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 413–421 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-413-421>
  10. Akseovskaya L. N. Order and disorder: The socio-psychological context of the analysis of the problem of norm and pathology. In: *Lichnost v norme i patologii: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii* [Personality in norm and pathology: Materials of the International Conference (Chelyabinsk, April 22–23, 2021)] (in Russian). Available at: [https://doi.org/10.15405/epsbs\(2357-1330\).2021.6.4](https://doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2021.6.4) (accessed October 15, 2024).
  11. Akseovskaya L. N. Spirituality as a criterion of socio-psychological norm: The experience of justification for the period of liminality (civilizational, organizational, personal). In: *Lichnost v norme i patologii: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii* [Trushina I. A., ed. Personality in norm and pathology: Materials of the International Conference (Chelyabinsk, April 20–21, 2023)]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2023, pp. 19–23 (in Russian).
  12. Akseovskaya L. N. The potential of Russian spiritual psychology in the development of modern. *Sotsialnaya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki* [Social psychology: Issues of theory and practice]. Moscow, MGPPU Publ., 2023, pp. 49–52 (in Russian).
  13. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1983. 840 p. (in Russian).
  14. Ovsyannikov M. F. *Istoriya esteticheskoy mysli* [The history of aesthetic thought]. Moscow, Vysshaya shkola, 1978. 352 p. (in Russian).
  15. *Kratkiy slovar po estetike* [A short dictionary of aesthetics]. Moscow, Prosveshchenie, 1983. 223 p. (in Russian).
  16. Efremov I. A. *Lezvie britvy* [Razor's Edge]. Moscow, Pravda, 1986. 672 p. (in Russian).
  17. Alkiviad I. *Dialogi. Platon. Alkivid I* [The dialogues of Plato. Alcibiades I]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2023. 448 p. (in Russian).
  18. Apnok (Cherkasova) R. S. The aesthetic component of spirituality as a source of psychological health. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2015, vol. 10, no. 7, pp. 249–254 (in Russian).

Поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024  
The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 14.10.2024; accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 414–420

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 414–420

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-414-420>, EDN: NTTGMG

Научная статья

УДК [61:316.334]-057.86

## Профессиональная династийность как предмет социально-психологических исследований

Л. М. Аранович



Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Аранович Лилия Михайловна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры социальной психологии, [aranovich@inbox.ru](mailto:aranovich@inbox.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4469-1494>

**Аннотация.** Во *Введении* обозначена проблема трансформации медицинской профессии в современном обществе, что имеет как свои плюсы, так и минусы. Одними из минусов являются риски потери накопленного предыдущими поколениями опыта и кадровый кризис в области медицины. Отмечается возможность уменьшения рисков через поддержку продолжения социального института профессиональной медицинской династии и изучение ее социально-психологических факторов. *Теоретический анализ* включает общий обзор исследований феномена династий и его характерной представленности в области медицины. Проведенный анализ существующих научных исследований позволил сделать выводы об отсутствии упорядоченных научных фактов о закономерностях формирования и социально-психологических факторах профессиональной династийности в области медицины. Предлагается рассматривать профессиональные династии в социальной психологии как специфические социальные группы, которые образуются на основе сложной многоплановой системы межпоколенческих, примордиальных (кровнородственных), культурно-исторических и профессионально-деятельностных связей. *Заключение* касается необходимости проведения научных исследований в области социально-психологических факторов формирования мотивации продолжения последующим поколением медицинской профессии родителей, социально-психологических механизмов передачи профессионального опыта и способов психологической толерантности к возникновению эмоционального выгорания в династиях врачей.

**Ключевые слова:** династия, династийность, профессиональная (трудовая) династия, династия врачей, медицинская династия

**Для цитирования:** Аранович Л. М. Профессиональная династийность как предмет социально-психологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 414–420. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-414-420>, EDN: NTTGMG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

### Professional dynasty as an issue of social and psychological research

L. M. Aranovich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Lilia M. Aranovich, [aranovich@inbox.ru](mailto:aranovich@inbox.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4469-1494>

**Abstract.** The *introduction* provides the insight into transformation of medical profession in modern society, which has its pros and cons. The disadvantages include the risk of losing the experience and knowledge accumulated by previous generations and human resources crisis within healthcare settings. These risks can be minimized through supporting the social institution of professional medical dynasties and studying its social and psychological factors. The *theoretical analysis* summarizes the findings of the research into dynasty phenomenon and its specific position within the healthcare field. The analysis of the studies revealed the lack of the structured information on formation principles and social and psychological factors of professional dynasty in the medical professions. The author suggests defining professional dynasties in social psychology as specific social groups that can be formed on the basis of complex, multidimensional system of intergenerational, primordial (consanguineous), cultural, historical and professional occupational connections. The *results and conclusions* highlight the topicality of the research into social and psychological factors in generating the necessary motivation in the next generation to continue their parents' medical professions; social and psychological mechanisms of transferring professional experience and ways of psychological tolerance to emotional burnout in the dynasties of doctors.

**Keywords:** dynasty, dynasties, professional (labor) dynasty, dynasty of doctors, medical dynasty

**For citation:** Aranovich L. M. Professional dynasty as an issue of social and psychological research. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 414–420 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-414-420>, EDN: NTTGMG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



## Введение

Современное общество развивается в условиях бурного совершенствования технологий и изменения подходов к управлению информацией. Анализируя существующий рынок труда, можно провести аналогию со временем активной индустриализации и переходом от индивидуального к массовому производству. Активное внедрение машинных технологий в процесс производства продукции привел к глубочайшему кризису в области труда: к ликвидации огромного количества старых и к появлению массы новых профессий. В настоящий момент активное развитие искусственного интеллекта приводит к соответствующему состоянию рынка труда: рушится имеющийся институт профессий и выстраивается новый.

Некоторые профессии складывались на протяжении развития человечества и требуют особого внимания к передаче знаний и опыта от поколения к поколению. К таким профессиям относится и профессия врача, на примере которой в настоящей статье рассмотрен феномен династичности.

Важно отметить, что технологический прогресс в области медицины неизбежно приводит к рискам дегуманизации врачебной работы. Как отмечает академик А. В. Решетников, «кризис профессиональных ценностей, социальная деградация профессионализма для медицины начала XXI века выражаются в разрыве между декларируемыми и реальными профессиональными ценностями, деперсонализации профессиональных отношений» [1, с. 7]. Успешное лечение пациента складывается не только из владения врачом современными медицинскими технологиями, но и из усвоенного им профессионального опыта, передаваемого в непосредственном общении старшими коллегами. Процесс передачи и усвоения профессионального опыта многогранен, объем и глубок, он имеет свои вербальные и невербальные формы, сознательные и бессознательные стороны и может быть сопоставлен с явлением культурной трансмиссии или живущими веками научными традициями, не имеющими никакого словесного описания. Бессознательно передаваемыми профессиональными традициями в деятельности врачей могут являться значимое и ценностное отношение к больному, как к личности, элементы культуры лечебного мастерства, которая создавалась по крупицам на протяжении веков и тысячелетий. Поэтому сохранение наследия, передача опыта,

профессиональных ценностей и культуры врачебной деятельности от поколения к поколению необходимы для сохранения и оптимизации профессиональных и личностных качеств современного врача.

## Теоретический анализ

В истории медицины существует множество примеров потомственных медиков. Успешность деятельности продолжателей династий во многом обусловлена не только собственным профессиональным опытом, но и единой выстроенной поколениями моделью лечебного поведения, имеющей как внешнюю (включающую алгоритмы конкретных действий, манипуляций и операций), так и внутреннюю (содержащую психологическую систему отношений к лечебной деятельности и больному, профессиональные установки и ценности) сторону, которая может начинать усваиваться молодыми представителями семьи еще с их самого раннего возраста, тонко восприимчивого к материалу культурных традиций.

Российские социологи преемственность поколений в медицине представляют не только как способ трансляции уникального семейно-профессионального опыта и алгоритмов лечения, но и как фактор, значительно снижающий риск ухода врачей из отрасли. Как отмечают ученые, в настоящее время большой проблемой, требующей дальнейших исследований, является процесс внепланового увольнения кадров или их текучести. Сохраняется отток молодых специалистов из системы здравоохранения [2]. Социальными причинами данного явления могут выступать трансформационные процессы в культуре и в области здравоохранения, низкий социально-экономический статус медицинских работников, негативное влияние СМИ на формирование имиджа профессии и, как следствие, снижение престижа профессии врача в современном обществе.

Сохранение наследия нескольких поколений, формирование мировоззрения, отражающего специфику профессии, и возможность аккумулирования не только знаний, но и умений, вот что является движущей силой в вопросах государственной поддержки династичности в социально значимых областях, таких как медицина. Однако в настоящее время существует кризис профессиональной преемственности и династичности в медицине, психологические и социально-психологические причины которого еще мало изучены.



Таким образом, для совершенствования национальной системы здравоохранения необходимо более детальное изучение психологии врачебных династий, их вклада в научную и практическую медицину.

*Целью статьи* является анализ научных исследований в области социально-психологических факторов династийности врачей.

Употребление термина «династия» имеет очень длительную историю. На протяжении столетий понятие «династия» рассматривалось с точки зрения передачи власти (управления государством) между поколениями одной семьи.

Во второй половине XX в. в поле исследовательского внимания ученых понятие «династия» приобрело новый акцент в своем многоплановом значении, который позволил использовать его для описания явления передачи рядом поколений в семье из рода в род мастерства и трудовых традиций [3].

Именно XX в. стал поворотной точкой в понимании сущности феномена династии, и вторичное значение данного термина стало более актуальным. В XXI в. понятие «династия» чаще употребляется с точки зрения передачи из поколения в поколение профессиональных секретов, навыков и умений предков [4].

Особенности формирования династий, т. е. нескольких поколений семьи, занимающихся одной профессией, исследовали такие советские ученые, как С. М. Табачников, М. Н. Руткевич, Б. С. Павлов, В. П. Мазырин, Л. Н. Пономарев и др. В публикациях советского периода четко видна политическая направленность, но формирование династии и особенности выбора профессии ученые исследуют как *социально-психологическое явление* «...повышенной приверженности семьи к конкретному производственному коллективу, к своей специальности, рабочему месту, преемственности детьми профессии и социально-классового статуса родителей» [5].

Современные исследователи описывают династию как большой долгосрочный семейный проект, носящий конструктивный характер, поскольку одним из его результатов служит накопление социального капитала, благотворно влияющего на социальные процессы в обществе в целом [6].

Профессиональные династии изучали Л. А. Колосова, М. П. Костина, В. А. Мансуров и др. Профессиональную династию ассоциируют с профессиональной преемственностью, в рамках которой рассматривается «особый механизм «памяти общества»», служащий накоплению и

длительному хранению культурной информации прошлого, как фундамента для построения новых материальных и духовных ценностей [7].

В социальной психологии профессиональные династии представляют собой специфические социальные группы, которые образуются на основе сложной многоплановой системы межпоколенческих, примордиальных (кровнородственных), культурно-исторических и профессионально-деятельностных связей.

Л. В. Клименко обращает внимание на то, что в профессиональных династиях происходит «воспроизводство микролокальных сетей в профессиональной сфере», действуют специфические «механизмы трансмиссии социального и символического капитала», а также создаются условия для увеличения экономического и культурного капиталов [8].

В научной литературе основательно закрепились следующее определение анализируемого понятия: «Профессиональная династия – это локализованные в производственной и социально-экономической сфере социальные группы, которые характеризуются кровнородственными отношениями, в которых несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере» [9, с. 100].

Ряд учёных предприняли попытки исследования характерных деятельностных, трудовых установок представителей профессиональных династий. О. Ю. Посухова отмечает, что к таким установкам можно отнести специфическую предрасположенность членов династий к закреплению и дальнейшему воспроизведению предпочитаемых нравственно-ценностных моделей поведения; позитивное отношение к профессиональной деятельности, ставшей традиционной в семье; стремление к накоплению и передаче профессиональных представлений об освоенной профессии молодым представителям династии [9].

Явление династийности наиболее часто встречается в сфере медицины. Истории известны медицинские династии Бехтеревых, Вишневских, Боткиных. Как основа формирования династии профессия врача изучалась многими учеными. В большинстве случаев исследование феномена династийности учеными базируется на биографиях членов одной семьи или интервьюировании представителей профессиональных династий.

К. А. Калашникова «медицинскую династию» определяет как «совокупность индивидов, имеющих медицинское образование и зани-



мающихся одной и той же профессиональной деятельностью в рамках учреждений здравоохранения, объединенных функциональной и теологической связью, а также трудовыми, моральными и родственными отношениями, и представляющих несколько поколенческих групп (генераций)» [10, с. 23].

Вопрос формирования династии на примере семьи с одной фамилией рассматривали такие исследователи, как Н. А. Гладышева, Т. Н. Степанова, Н. Ю. Ким, В. Д. Попрядухин, Л. С. Корнейчук, А. С. Рахимкулов, В. А. Сбитякова, В. С. Чернышова, Т. В. Жиброва, С. Е. Руженцев, В. Ф. Итунин, С. Д. Смирнова, А. Д. Новикова, И. В. Мачнева, З. С. Маркосян, В. В. Кожевников, Л. И. Лавлинская, М. М. Шитина и другие. Эти исследования ведутся специалистами на основе изучения исторических документов, общения с бывшими сослуживцами представителей династий или с ныне живущими представителями династических семей. Можно предполагать, что данные изыскания достаточно объективны, так как исследователи не являются представителями изучаемых семей, у них отсутствует личный интерес в приукрашивании жизнедеятельности членов династии. Хотя в каждом конкретном случае необходимо рассматривать исследование с точки зрения осознания сторонним наблюдателем внутренних, не выставляемых для всеобщего обозрения, проблем той или иной семьи.

Ряд ученых, в частности, Л. Б. Дуберман, Т. Н. Русанова, А. С. Пополитов, А. О. Кубасова, О. В. Назина, А. А. Володин, В. А. Жуков, И. Е. Маснева, являясь представителями династий медиков, исследуют проблематику династичности в сфере здравоохранения изнутри. Такой аналитический взгляд имеет свои преимущества и свои недостатки. К преимуществам стоит отнести глубинное понимание мотивации при выборе профессии младшим поколением, к недостаткам – односторонность восприятия семьи и отсутствие объективности в выводах, окрашенных личными эмоциями.

К. А. Калашникова [10], А. И. Бондаренко, И. А. Коровина [11] и другие анализировали династии для определения их влияния на функционирование социальной системы здравоохранения в целом и для формирования научной базы социальной медицины. Данные исследования стараются обобщить множество примеров династичности и выявить закономерности существования династий, а также мотивы при выборе профессиональной личной траектории младшим поколением.

Л. А. Китаева [12], А. И. Черевкова [13] анализируют процесс формирования потребности младшего поколения в освоении и продолжении профессии родителей. Данные исследования сконцентрированы по содержательной части мотивации младших членов семьи и представляют особый интерес, так как дают возможность оценить изменение мотиваций от поколения к поколению.

При рассмотрении жизнедеятельности представителей медицинских династий многие ученые берут за основу территорию проживания. Такой подход применяют С. Д. Аркадьева, А. В. Малицкий, Е. А. Малицкая, Г. В. Федорова, С. Г. Резников, Т. Ю. Насибян, Г. Г. Дитяев, Г. В. Федорова и др. Эти исследования характеризуют династичный потенциал отдельной территории, что скорее предполагает уклон в количество династий, чем в мотивы выбора младшим поколением профессии родителей.

Для ученых интерес представляют и медицинские династии, осуществлявшие свою деятельность в одном вузе (Е. А. Полеченкова, Я. С. Якушева, А. А. Грошева, Е. П. Шурыгина, В. Н. Сергеев и др.). Это направление исследования династичности характеризуется особым взглядом, так как именно для научного сообщества всегда была важна семейная преемственность. Каждый ученый и педагог стремится передать свои знания молодому поколению и зачастую увлекаясь обучением студентов, не уделяют должного внимания собственным детям.

Вопрос сохранения династий актуален как для научного сообщества, так и для государства в целом. К исследованиям, рассматривающим династичность с точки зрения повышения потенциала профессионального сообщества на уровне государства, можно отнести работы О. А. Нор-Аревяна [14] и Ю. С. Панфилова [15].

Профессия врача предполагает серьезные базовые (фундаментальные) знания, опыт применения различных медицинских технологий и необходимость личного общения с пациентом, что делает вопрос формирования династий и укрепления потенциала данной профессии значимым для государства. При всем развитии искусственного интеллекта, который может взять на себя ряд рутинных элементов в деятельности врача, заменить личное общение на общение с машиной достаточно сложно. Каждый человек желает быть выслушанным, услышанным, что и дает профессии врача стабильность и дальнейшую востребованность.



Медицинская профессиональная династия может рассматриваться как особый социальный институт, выполняющий образовательную, трансляционную, социализирующую, наставническую функции. Дополнительно в качестве специфических психологических функций такой успешно развивающийся социальный институт способен осуществлять эмоциональную и моральную поддержку представителям подрастающего поколения династий в их профессиональном выборе, а также создавать для них психотехнологическое обеспечение формирования их профессионально-деятельностного репертуара поведения. Представители врачебных династий, сохраняя верность профессии из поколения в поколение, выступают трансляторами накопленных эмпирических знаний в области медицины, опыта, норм, ценностей, а также трансферами профессиональной репутации. Деятельность врача зависит от психологических качеств человека, его эмоционального состояния, системы норм и ценностей, сформированных у человека, его стрессоустойчивости.

Многие авторы обращают внимание на тот факт, что профессия врача является не частью жизни личности, а скорее правилом жизни человека. Врач, закрывая дверь кабинета, не перестает быть врачом. Он продолжает жить вопросами профессии на протяжении своей жизни, что приводит к естественной передаче информации о пациентах, технологии лечения и т.д. членам своей семьи. Как отмечают авторы, «конструктивный потенциал профессиональной династийности растрачивается в условиях насильственного вхождения в профессию под давлением семьи и модифицируется в разрушающую силу» [16, с. 74].

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что ученые в своих работах анализируют не только конструктивный потенциал и позитивное влияние профессиональных династий в медицине, но также и деструктивный потенциал. Некоторые авторы отмечают, что деятельность профессиональных династий может приводить и к негативным для общества последствиям, таким как монополизация в профессиональной сфере, закрытость трансляции социального капитала, формирование барьеров для профессионального становления, восхождения по карьерной лестнице для нединастийных специалистов в области медицины [17].

В своих научных исследованиях ученые (А. И. Черевкова [13], О. Ю. Посухова [17], О. А. Нор-Аревян [18], Ю. С. Панфилова [15])

обращают внимание на конструктивный и деструктивный потенциалы профессиональных династий. В частности, к конструктивному потенциалу они относят большие стартовые образовательные ресурсы у династийных медиков, быстрый профессиональный старт. Исследования В. F. Lentz, D. N. Laband показывают, что поступивших в медицинскую школу обучающихся, имеющих в семье врачей, на 14% больше, чем обучающихся, не имевших в семье медицинских работников [19].

Аналитический обзор публикаций, посвященных феномену династийности, свидетельствует о том, что в рамках социальной психологии вопрос формирования профессиональных династий мало изучен и требует дальнейших научных исследований. Вместе с тем социально-психологический потенциал данного явления существенен, что подтверждается обращением исследователей при анализе феномена династийности к таким социально-психологическим категориям как «отношение», «установка», «ценностные и нравственные ориентации», «социальная группа», «социальная память» и др.

## Заключение

Актуальность проблемы династийности в медицине обусловлена оттоком молодых специалистов из системы здравоохранения, потребностью сохранения профессиональной преемственности в условиях трансформации профессии врача, рисками дегуманизации врачебной работы и потери накопленного предыдущими поколениями профессионального опыта.

Рассмотрены основные подходы к определению понятий «династия», «профессиональная династия». Теоретический анализ показал, что исследование феномена династийности в медицине имело следующие цели: зафиксировать историю, биографию отдельной семьи; выявить социальную значимость династии; определить мотивы выбора профессии младшими членами медицинской династии. Рассмотрен материал, касающийся конструктивного и деструктивного потенциала медицинских династий. Определен круг социально-психологических аспектов исследования феномена династийности, в частности, изучение социально-психологических особенностей медицинских династий как социальных групп, складывающихся в них межпоколенческих отношений, формируемых, транслируемых профессиональных норм и ценностей, традиций и установок. Большой интерес пред-



ставляют исследования в области формирования мотивации продолжения последующим поколением профессиональной траектории родителей, имеющие большую научную актуальность, так как сохранение наследия в социально значимой профессии является актуальной общественной задачей в период глубокой трансформации профессий в условиях лиминальности.

Неизученными, но социально значимыми и перспективными для решения кадрового кризиса в системе здравоохранения являются вопросы обнаружения осознаваемых и неосознаваемых социально-психологических механизмов передачи профессионального опыта в медицинских династиях, выполняющих протективную роль в становлении личности врача.

Еще одним важным и перспективным для развития системы профессиональной подготовки и психологической поддержки медицинских работников может послужить изучение формируемых в династиях врачей характерных способов психологической толерантности к возникновению эмоционального выгорания, что позволит учитывать полученные данные в разработке просветительских, профилактических, компетентностно развивающих социально-психологических программ для сотрудников здравоохранения, сталкивающихся с различного рода эмоционально-психологическими трудностями на определенных этапах профессионализации.

#### Список литературы

1. Решетников А. В. Социология медицины: учебник. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2006. 256 с.
2. Макаров С. В., Гайдаров Г. М., Алексеевская Т. И., Алханова Н. С., Алексеева Н. Ю. Социологические аспекты текучести медицинских кадров // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 5. С. 1207–1213.
3. Большая Советская энциклопедия : в 65 т. Т. 22: Джуца – Договор торговый / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: Советская энциклопедия, 1935. 840 с.
4. Корнейчук Л. С., Рахимкулов А. С., Сбитякова В. А. Исторический очерк о А. Я. Соколове – представителе третьего поколения медицинской династии Соколовых // Научный прорыв-2016. Конференция ученых Республики Башкортостан с международным участием, посвященная Дню Республики, Году Российского кино : сборник трудов / под ред. О. В. Галимова, А. С. Рахимкулова, А. А. Гафарова, Р. З. Садыкова. Уфа : Издательство Башкирского государственного медицинского университета, 2016. С. 78–80.
5. Иванова Е. Ю., Юрьев П. С. Профессиональные династии: тенденции и формы поддержки // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития : материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. С. 498–503.
6. Мансуров В. А., Иванова Е. Ю., Колесникова Е. М., Мамонова О. Н., Семенова А. В., Шатрова Е. А., Юрченко О. В., Юрьев П. С. Профессиональные династии как социальный ресурс и социально-культурный капитал: направления исследования // Россия реформирующаяся. 2022. С. 149–175.
7. Преемственность // Большая советская энциклопедия : в 65 т. Т. 46: Пола – Призмы оптические / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М. : Советская энциклопедия, 1940. 408 с.
8. Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Профессиональные династии в бизнесе: специфика и потенциал развития // Мир России. 2020. Т. 29, № 1. С. 80–102.
9. Посухова О. Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100–103.
10. Калашникова К. А. Профессиональные династии в современном российском институте здравоохранения: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2012. 27 с.
11. Бондаренко А. И., Коровина И. А. Различные аспекты медицинской науки как основа научной деятельности одной медицинской династии // Молодежный инновационный вестник. 2019. Т. 8, № 51. С. 6–7.
12. Китаева Л. А. Медицинские династии. Профессия по наследству // Образование. Карьера. Общество. 2020. № 3 (66). С. 37–40.
13. Черевкова А. И. Детские мечты представителей медицинских династий (по материалам автобиографических интервью) // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности». XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения» – 2021 : сборник материалов. М. : МАКС Пресс, 2021. С. 310–312.
14. Нор-Аревян О. А. Потенциал профессиональных медицинских династий в представлениях нединастийных медиков // Власть. 2021. Т. 29, № 6. С. 81–89.
15. Панфилова Ю. С. Поколенческие особенности восприятия профессиональных династий медицинскими работниками Ростова-на-Дону // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 225–233.
16. Мостовая И. В., Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Методологические аспекты исследования профессиональных династий в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. № 6. С. 70–82.
17. Посухова О. Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100–103.
18. Нор-Аревян О. А. Династичность как ресурс успешной карьеры в представлениях нединастийных медиков (на материалах эмпирического исследования) // Гуманитарий Юга России. 2021. № 5. С. 132–143.



19. Lentz B. F., Laband D. N. Why So Many Children of Doctors Become Doctors: Nepotism vs. Human Capital Transfers // *Journal of Human Resources*. 1989. Vol. 24, № 3. P. 396–413.

## References

1. Reshetnikov A. V. *Sotsiologiya meditsiny: uchebnik* [Sociology of Medicine: textbook]. Moscow, GEOTAR-MEDIA, 2006. 256 p. (in Russian).
2. Makarov S. V., Gaydarov G. M., Alekseevskaya T. I., Apkhanova N. S., Alekseeva N. Yu. Sociological aspects of medical staff turnover. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsyny* [Problems of social hygiene, health care and the history of medicine], 2021, no. 5, pp. 1207–1213 (in Russian).
3. *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya: v 65 t. T. 22: Dzhutsa – Dogovor torgovyi* [Shmidt O. Yu., head ed. The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1935, vol. 22. 840 p. (in Russian).
4. Korneychuk L. S., Rakhimkulov A. S., Sbityakova V. A. A historical essay about A. Ya. Sokolov, a representative of the third generation of the Sokolov medical dynasty. In: *Nauchny proryv-2016. Konferentsiya uchenykh Respubliki Bashkortostan s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy Dnyu Respubliki, Godu Rossiyskogo kino: sbornik nauchnykh trudov* [Galimov O. V., Rakhimkylov A. S., Gafarov A. A., Sadykov R. Z., eds. Scientific breakthrough-2016. Scientists of the Republic of Bashkortostan with international participation dedicated to the Republic Day, the Year of Russian Cinema: Collection of Scientific Papers of the Conference]. Ufa, Bashkirskiy State Medical University, 2016, pp. 78–80 (in Russian).
5. Ivanova E. Yu., Yur'ev P. S. Professional dynasties: trends and forms of support. In: *XXI Uralskie sotsiologicheskie chteniya. Sotsialnoe prostranstvo i vremya regiona: problemy ustoychivogo razvitiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Vishnevskiy Yu. R., total ed. XXI Ural Sociological Readings. Social Space and Time of the Region: Problems of Sustainable Development: Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Ekaterinburg, Gumanitarnyy universitet Publ., 2018, pp. 498–503 (in Russian).
6. Mansurov V. A., Ivanova E. Yu., Kolesnikova E. M., Mamonova O. N., Semenova A. V., Shatrova E. A., Yurchenko O. V., Yury'ev P. S. Professional dynasties as a social resource and socio-cultural capital: research directions. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia is reforming], 2022, pp. 149–175 (in Russian).
7. Succession. In: *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya: v 65 t. T. 46: Pola – Prizmy opticheskie* [Shmidt O. Yu., head ed. The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1940. 408 p. (in Russian).
8. Klimenko L. V., Posuhova O. Yu. Professional dynasties in business: specifics and development potential. *Mir Rossii* [The World of Russia], 2020, vol. 29, no. 1, pp. 80–102 (in Russian).
9. Posukhova O. Yu. Professional dynasty as a result of family strategies: Inertia or continuity? *Vlast* [Authority], 2013, no. 12, pp. 100–103 (in Russian).
10. Kalashnikova K. A. *Professional dynasties in the modern Russian Institute of Healthcare*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Sociol.). Volgograd, 2012. 27 p. (in Russian).
11. Bondarenko A. I., Korovina I. A. Various aspects of medical science as the basis of scientific activity of one medical dynasty. *Molodezhnyy innovatsionnyy vestnik* [Youth Innovation Bulletin], 2019, vol. 8, no. 51, pp. 6–7 (in Russian).
12. Kitaeva L. A. Medical dynasties. Profession by inheritance. *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo* [Education. Career. Society], 2020, no. 3 (66), pp. 37–40 (in Russian).
13. Cherevkova A. I. Childhood dreams of representatives of medical dynasties (based on autobiographical interviews). *Sovremennoe obshchestvo v usloviyakh sotsialno-ekonomicheskoy neopredelennosti. XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Sorokin-skie chteniya – 2021»: sbornik materialov* [Modern Society in Conditions of Socio-Economic Uncertainty. XV International Scientific Conference “Sorokin Readings – 2021”]. Moscow, MAX Press, 2021, pp. 310–312 (in Russian).
14. Nor-Arevyan O. A. The potential of professional medical dynasties in the views of non-dynastic physicians. *Vlast* [Authority], 2021, vol. 29, no. 6, pp. 81–89 (in Russian).
15. Panfilova Yu. S. Generational features of the perception of professional dynasties by medical workers in Rostov-on-Don. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes], 2021, no. 4, pp. 225–233 (in Russian).
16. Mostovaya I. V., Klimenko L. V., Posuhova O. Yu. Methodological aspects of the study of professional dynasties in Russian society. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 2019, no. 6, pp. 70–82 (in Russian).
17. Posukhova O. Yu. Professional dynasty as a result of family strategies: Inertia or continuity? *Vlast* [Authority], 2013, no. 12, pp. 100–103 (in Russian).
18. Nor-Arevyan O. A. Dynasty as a resource for a successful career in the views of non-dynastic physicians (based on empirical research). *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 2021, no. 5, pp. 132–143 (in Russian).
19. Lentz B. F., Laband D. N. Why So Many Children of Doctors Become Doctors: Nepotism vs. Human Capital Transfers. *Journal of Human Resources*, 1989, vol. 24, no. 3, pp. 396–413.

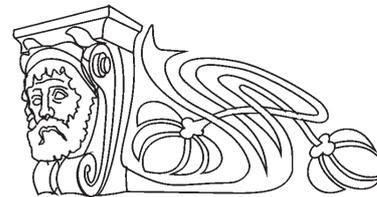
Поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 24.10.2024;  
принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024  
The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 24.10.2024;  
accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Научная статья

УДК [159.923+378.01]-057.875

## Методологические подходы к исследованию адаптационной готовности субъектов высшего образования



М. В. Григорьева<sup>1,2</sup>✉, Р. М. Шамионов<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup>Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

<sup>2</sup>Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410023, г. Саратов, ул. Московская, д. 158

Григорьева Марина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, <sup>1</sup>заведующий кафедрой педагогической психологии и психодиагностики; <sup>2</sup>профессор кафедры военной педагогики и психологии, [grigoryevamv@mail.ru](mailto:grigoryevamv@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>

Шамионов Раиль Мунирович, <sup>1</sup>доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития; <sup>2</sup>профессор кафедры военной педагогики и психологии, [shamionov@mail.ru](mailto:shamionov@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>

**Аннотация. Введение.** Проблема адаптационной готовности обучающихся находится в состоянии активной разработки и поиска методологических основ исследования. Необходимо выявить научный потенциал наиболее применяемых методологических подходов в психологии к изучению адаптационной готовности личности. **Теоретический анализ.** Изучая адаптационную готовность как целостную систему, можно говорить о психофизиологической, психологической и социально-психологической адаптационной готовности. Адаптационная готовность участников образовательных отношений в рамках субъектного подхода характеризует субъекта как носителя не просто активности, а активности по интеграции различных психических образований, начиная с темперамента и завершая опытом приспособления в различных бытийных пространствах. Экопсихологический подход к исследованию адаптационной готовности субъектов образования позволяет выявить несоответствие требований среды и внутренних возможностей, преобразовать отношения в системе «личность – среда», провести рефлексию и сформировать адаптационную готовность на будущее. **Заключение.** Системно-структурный анализ способствует пониманию сложной и многоуровневой организации адаптационной готовности обучающихся. Субъектный подход акцентирует внимание на активности обучающихся в функционировании их адаптационной готовности. Экопсихологический подход направляет исследование на изучение условий и механизмов адаптационной готовности в системе «личность – образовательная среда».

**Ключевые слова:** адаптационная готовность, обучающиеся высшего образования, системно-структурный подход, субъектный подход, экопсихологический подход

**Благодарности.** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00472 «Адаптационная готовность субъектов высшего образования в условиях его перманентных изменений», <https://rscf.ru/project/24-28-00472/>.

**Для цитирования:** Григорьева М. В., Шамионов Р. М. Методологические подходы к исследованию адаптационной готовности субъектов высшего образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 421–429. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-421-429>, EDN: RZMGFO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

### Methodological approaches to the study of adaptive readiness of subjects of higher education

M. V. Grigoryeva<sup>1,2</sup>✉, R. M. Shamionov<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup>Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

<sup>2</sup>Saratov military Order of Zhukov Red Bannerorder Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia

Marina V. Grigoryeva, [grigoryevamv@mail.ru](mailto:grigoryevamv@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>

Rail M. Shamionov, [shamionov@mail.ru](mailto:shamionov@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>



**Abstract. Introduction.** The problem of adaptive readiness of students is in a state of active development and search for methodological foundations of research. It is necessary to identify the research potential of the most commonly used methodological approaches in psychology to the study of adaptive readiness of the individual. **Theoretical analysis.** Studying adaptation readiness as a holistic system, we can talk about psychophysiological, psychological and socio-psychological adaptation readiness. Adaptation readiness of participants in educational relations within the subjective approach characterizes the subject as a bearer of not just activity, but activity in integrating various mental formations, starting with temperament and ending with the experience of adaptation in various existential spaces. An ecopsychological approach to the study of the adaptive readiness of educational subjects allows us to identify the discrepancy between environmental requirements and internal capabilities, transform relationships in the "personality – environment" system, conduct reflection and form adaptive readiness for the future. **Conclusion.** System-structural analysis helps to understand the complex and multi-level organization of adaptive readiness of students. The subjective approach focuses on the activity of students in the functioning of their adaptive readiness. The ecopsychological approach directs the research to the study of the conditions and mechanisms of adaptive readiness in the "personality-educational environment" system.

**Keywords:** adaptive readiness, higher education students, systemic-structural approach, subjective approach, eco-psychological approach

**Acknowledgements.** The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00472 "Adaptation readiness of subjects of higher education in the context of its permanent changes", <https://rscf.ru/project/24-28-00472/>.

**For citation:** Grigoryeva M. V., Shamionov R. M. Methodological approaches to the study of adaptive readiness of subjects of higher education. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 421–429 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-421-429>, EDN: RZMGFO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

Проблема адаптационной готовности обучающихся находится в состоянии активной разработки и поиска методологических основ исследования. В литературе есть различные подходы к эмпирическому изучению адаптационной готовности обучающихся, но анализа возможностей методологических подходов нет. Вместе с тем необходимо выявить исследовательский потенциал наиболее применяемых методологических подходов в психологии к изучению адаптационной готовности личности, что будет способствовать комплексному и многоаспектному объяснению данного явления. Адаптационная готовность личности стала предметом научного исследования не так давно. Первые попытки ее изучения можно отнести к 2010-м гг. [1]. Эта идея появилась в процессе исследования школьной адаптации, когда эмпирически было установлено, что психологическая адаптация обучающихся – это циклический процесс, который не заканчивается установлением равновесия в системе «требования образовательной среды – возможности школьника соответствовать этим требованиям». Тогда возникла идея, что в конце адаптационного процесса у субъекта адаптации формируется личностное новообразование, которое помогает ему в дальнейшем быстро и относительно легко адаптироваться к новым условиям учебной деятельности [1]. Другими словами, обучающийся становится готов к динамике внешних условий и к тому, что надо что-то менять или в окружающей среде, или в самом себе.

Проблема стала активно разрабатываться примерно в последнее десятилетие и была связана в основном с формированием и реализацией адаптационной готовности обучающихся разных уровней образования: начального [2], среднего звена и старшей школы [3], высшего образования [4–6].

Выделяется отдельная группа исследований, связанная с изучением адаптационной готовности личности в аспекте включения человека в социальные взаимодействия [7–9].

Адаптационную готовность мы понимаем как предрасположенность личности к восприятию и принятию динамики окружающей среды, осуществлению в динамичной субъективно новой ситуации определенных действий, направленных на установление равновесия между требованиями (возможностями) среды и возможностями (требованиями) личности, сформированную с учетом прошлого опыта адаптационных взаимодействий личности со средой, настоящей специфики ситуации, индивидуальных особенностей и представлений личности, связанных с антиципацией возможных вариантов развития адаптационной ситуации [10].

Обзор публикаций на сайте elibrary.ru свидетельствует о том, что статей, посвященных методологическим подходам к исследованию адаптационной готовности личности, крайне мало. Отдельные публикации посвящены в основном возможностям системно-структурного подхода [11–13]. Вместе с тем эти статьи, кроме последней из перечисленных, основаны на анализе результатов эмпирических исследований



и недостаточно обосновывают возможности методологии системно-структурного подхода к изучению адаптационной готовности личности.

### Теоретический анализ

Целью данного исследования стало выявление исследовательского потенциала наиболее применяемых в психологии методологических подходов к изучению адаптационной готовности личности.

Выбранные для анализа методологические подходы – системно-структурный, субъектный и экпсихологический – с одной стороны, хорошо взаимодополняют и не противоречат друг другу; с другой стороны, полностью соответствуют сущности изучаемого явления (адаптационной готовности личности).

Так, системно-структурный подход в ракурсе исследования адаптационной готовности личности направлен на раскрытие целостной и четкой картины такого довольно сложного явления, как адаптационная готовность личности, одновременно помогает в спецификации его отдельных компонентов и выявлении взаимосвязей между ними. Субъектный подход дает возможность объяснения активности субъекта, без которой невозможно начало процесса адаптации и формирования адаптационной готовности. Экпсихологический подход направляет исследователей на изучение адаптационной готовности в системе «личность–среда». Изменения в условиях внешней или внутренней среды вызывают изменения в адаптации и готовности к ней.

Несомненно, другие методологические подходы обладают спецификой ракурса изучения адаптационной готовности, но перечисленные подходы, на наш взгляд, дают возможность раскрыть суть этого явления, во-первых, многоаспектно и комплексно, во-вторых, с ориентацией на практику формирования адаптационной готовности в конкретной среде и с учетом активности субъекта.

Традиционно выделяемые уровни организации целостного психического явления в рамках системно-структурного подхода – элементный, компонентный, подсистемный, системный, метасистемный – позволяют рассматривать явление в ракурсе качественно различающихся проявлений [14].

Адаптационная готовность личности, изучаемая с позиций системно-структурного

подхода, представляет собой целостность, функционирование которой происходит за счет вклада проявлений психики на разных уровнях и согласованности функционирования компонентов и элементов этих уровней. Вместе с тем, на наш взгляд, при описании психического явления необходимо уточнять, какие критерии выделения уровней используются – критерии уровневой организации или критерии качественной однородности. В первом случае уровни соотносятся с принципом встроенности подсистем в более широкие системы. Во втором случае учет принципа метасистемности, т.е. встроенности одних систем в другие, может заменяться подходом, акцент в котором делается на объединении компонентов и элементов по принципу относительной однородности. При этом, например, могут выделяться психофизиологический, психологический и социально-психологический уровни.

Изучая адаптационную готовность как целостную систему, можно говорить о психофизиологической, психологической и социально-психологической адаптационной готовности.

В таблице представлена структура адаптационной готовности личности и подструктуры с учетом относительной однородности явлений и компоненты этих подсистем [15].

Системно-структурный подход к исследованию адаптационной готовности личности дополняется системно-функциональным. Изучая динамику результатов функционирования различных компонентов, пытаюсь описать процесс изменений внутри системы адаптационной готовности, можно понять механизмы формирования и реализации адаптационной готовности.

Формирование адаптационной готовности личности – индивидуально-специфичный процесс. От может начинаться с любого компонента обозначенной системы и разворачиваться, охватывая определенное количество компонентов или элементов. Такие траектории реализации адаптационной готовности могут быть эффективными и способствующими психологической адаптации или неэффективными и препятствующими адаптации личности. Закрепленные в опыте траектории реализации адаптационной готовности можно считать индивидуальным адаптационным стилем личности.

С системным подходом согласуется субъектный подход. Мы опираемся на тот его вариант (эволюционно-генетический), в соот-



**Структура адаптационной готовности личности**  
**The structure of an individual's adaptive readiness**

Уровни	Психофизиологическая адаптационная готовность	Психологическая адаптационная готовность	Социально-психологическая адаптационная готовность
Компоненты	Способность осознания или переживания изменений внутренних психо-физиологических процессов	Представление об измененной ситуации и соответствии своих действий внутри нее	Социально-перцептивные действия и эмпатия
	Способность поддерживать нервно-психическую устойчивость	Представление о результате своих адаптационных действий	Возможности речевой коммуникации
	Адекватность эмоциональных изменений в ответ на изменения ситуации	Быстрота и гибкость мыслительных операций	Невербальные особенности коммуникации
	Легкость возникновения эмоций определенной модальности (страх, гнев, радость)	Готовность к рефлексии и принятию решения	Готовность гибко взаимодействовать с окружающими
	Способность психофизиологической саморегуляции	Характеристики представлений (четкость, динамика, сложность)	Готовность к интернальности в социальных взаимодействиях
	Помогающие или деструктивные эмоциональные симптомы на острый стресс (диссоциативные или депрессивные, деперсонализованные симптомы)	Направление адаптационных действий (установка на изменение ситуации или самоизменение)	Готовность к конъюнктивным социальным эмоциям и чувствам (доверию, дружелюбию, чувству долга, взаимопомощи и др.)
	Стенические или астенические эмоции в новой ситуации	Толерантность к неопределенности	Дизъюнктивные социальные эмоции и чувства (робость, стеснительность, зависть, злорадство, ненависть, обида и др.)
	Интеллектуальные чувства в проблемной ситуации	Процессы целеполагания (ориентация на процесс или результат)	Репертуар личностных паттернов социальных взаимодействий, опыт и готовность их использования
	Готовность к вербализации эмоций и чувств	Сила волевых процессов	Стремление к интеграции в социум, готовность действовать в соответствии с социальными нормами и общепринятыми ценностями
Готовность к свободе или контролю в проявлении эмоций и чувств в новой ситуации	Сила и продолжительность волевых процессов	Готовность к самопрезентации и пониманию презентации окружающих	

ветствии с которым субъектность развивается постепенно на всех этапах онтогенеза. В соответствии с этим подходом «...субъект на каждом этапе своего развития выступает носителем системности, раскрывающейся в его взаимодействии с миром» [16, с. 59]. Иначе говоря, субъектность в процессе развития обретает новые грани и системные свойства, позволяющие обеспечивать активность личности, исходя из динамики внутренних элементов.

Обращение к субъектному подходу при изучении адаптационной готовности участников образовательных отношений вовсе не случайно. Поскольку в «...субъекте как метасистеме представлена психика в единстве ее организации... содержится единство универсального и уникального, раскрывается индивидуальность человека» [16, с. 51]. Адаптационная готовность участников образовательных отношений как раз и характеризует субъекта как носителя не



просто активности, а активности по интеграции различных психических образований, начиная с темперамента и завершая опытом приспособления в различных бытийных пространствах.

Среди метауровней организации субъекта (субъект жизни, субъект развития, субъект деятельности, субъект познания) [16], на наш взгляд, целесообразно включить модус субъекта приспособления. Поскольку длительное время понятие «приспособление» использовалось с точки зрения анализа биологического развития (как (реактивное) приспособление организма к среде), оно лишь относительно недавно стало рассматриваться как проявление внутренней активности субъекта. С точки зрения субъектного подхода, приспособление к меняющейся действительности является не просто динамичным процессом, а процессом, порожденным активной позицией личности, характеристикой организации субъекта.

В различных «бытийных пространствах» субъект организует свое поведение в соответствии с личными потребностями и условиями, определенными либо самим субъектом, либо внешними обстоятельствами, к которым не имеется «готовой» адаптации [17].

Поэтому принципиальное значение для процесса приспособления на любом уровне организации субъекта имеет адаптационная готовность – явление, в котором личностность и субъектность человека обретают то единство, которое становится для него основой смены бытийных пространств и развития. Адаптационная готовность представляет собой не просто установку на приспособление, а способность к порождению активности с целью установления себя в системе различных (социальных, межличностных, производственных и других) отношений. Весьма важным здесь является установка на успешность совместной деятельности участников, которая предвосхищает предпринимаемые усилия по изменению своих компетенций для установления динамического равновесия со средой. Иначе говоря, адаптационная готовность предполагает, с одной стороны, наличие опыта адаптации и, соответственно, представлений о способах приспособления к меняющейся ситуации, а также представлений о «потребном» состоянии отношений со средой, а с другой – мотивации к установлению этого равновесия и, собственно, действий, направленных на изменение своего поведения и (возможно) среды. Особо необходимо отметить,

что от качества среды зависят содержание и характеристики актуализации адаптационной готовности. Вполне очевидно, что социальная среда является наиболее сложной для формирования адаптационной готовности в силу весьма сильной ее изменчивости. Иные среды обладают меньшим потенциалом изменчивости и поэтому адаптационная готовность в них значительно менее эмоционально заряжена.

Применительно к образовательной среде на этапе высшего образования адаптационная готовность субъектов образовательных отношений приобретает особое содержание, включающее ряд характеристик, среди которых и регуляторные, и когнитивные, и социальные, и интегративные. Это связано с тем, что в различных бытийных пространствах субъекты образовательных отношений реализуют разные формы деятельности, которые опосредованы основной, образовательной. Поэтому, какой бы аспект адаптационной готовности не был взят за основу анализа, он предполагает наличие прямой или опосредованной связи с основной формой активности. В образовательных отношениях как бы сталкиваются, пересекаются адаптационные готовности студентов и преподавателей как субъектов различных форм деятельности.

Несмотря на в целом различные бытийные пространства и динамику активности в них, они тем не менее способны создавать единство бытия в условиях совместной деятельности благодаря соответствующей адаптационной готовности. Вполне очевидно, что адаптационная готовность студента к совместной деятельности с преподавателем предполагает не просто установку на взаимодействие, но и рефлексию своих возможностей, учебных умений, психогигиены, направленной на длительное сосредоточение и выполнение учебных задач, предполагающих также когнитивное напряжение. Это значит, что умение учиться в самом широком смысле есть непреложное основание адаптационной готовности студента. Несмотря на известные представления о педагогической деятельности в вузе как информативное в своей основе, адаптационная готовность преподавателя включает в качестве своей основы умение организовать совместную деятельность не только на постижение незаданного в явном виде (отвлеченного по преимуществу) знания, но в первую очередь в направлении формирования навыка постижения.



Между тем основой взаимного приспособления участников образовательных отношений служит адаптационная готовность к взаимодействию на уровне «Я–Другой». Среди типов субъектных взаимоотношений В. И. Панов выделяет особый тип взаимоотношений – «субъект-субъектный», характеризующий активное взаимодействие [18]. Этот тип взаимодействия автором раскрывается через три основных аспекта – субъект-обособленный, предполагающий наделяние каждым участником себя субъектностью, а партнера – объектностью, при котором, очевидно, адаптация как динамическое равновесие в системе взаимодействия невозможна. Такая ситуация, скорее всего, характеризует отсутствие либо весьма слабое развитие адаптационной готовности, ибо не предполагает учет ситуации субъектности партнера; субъект-совместный, предполагающий взаимодействие, подчиненное совместному достижению цели. Такая ситуация характеризует значительную адаптационную готовность участников взаимодействия, поскольку требует от них взаимного приспособления своей субъектности ради достижения цели; наконец, субъект-порождающий тип, предполагающий объединение субъектов в субъектную общность. Этот тип взаимодействия характеризует наличие высшей степени развития адаптационной готовности участников образовательных отношений. В этом случае адаптационная готовность характеризует субъекта как носителя личностных преобразований. Необходимо отметить, что такой тип взаимодействия характеризует не только совместную деятельность, но и произведение нового личностного продукта участников.

Изучение адаптационной готовности субъектов образовательных отношений в соответствии с субъектным подходом требует также выяснения вопроса о том, каким образом они управляют своей готовностью и приспособлением в системе «Я–Другой» в соответствии с ним. Поэтому вопрос о развитии адаптационной готовности предполагает и вопрос о развитии системы саморегуляции субъекта. Кроме того, встает также вопрос и о пределах активности и ее охвате в соответствии с развитием адаптационной готовности и ее характеристик. Данный вопрос принципиален с точки зрения установления того, насколько далеко способны продвинуться участники образовательных отношений в процессе взаимодействия: о какой

степени познания предмета может идти речь, какова степень включения в систему социальных взаимоотношений субъектов и, соответственно, изменений (самоизменений) личности может быть в зависимости от строения и степени развития адаптационной готовности. Сознание возможного применительно к адаптационной готовности выступает принципиальным моментом его изучения, поскольку она (готовность) предопределяет границы субъективного возможного [19].

Адаптационная готовность личности связана с последующей ее реализацией во внешней среде. Поэтому необходимо рассматривать ее с точки зрения методологии экопсихологического подхода [20]. Динамика и неопределенность образовательных ситуаций требуют от личности адаптационной готовности быстро и с минимальными внутренними и временными затратами выявить несоответствие требований среды и внутренних возможностей, преобразовать отношения в системе «личность – среда», провести рефлексию и сформировать адаптационную готовность на будущее. Для описания этого процесса экопсихологический подход соответствует как нельзя лучше, поскольку он направляет исследователей не только на взаимодействие индивида с внешней средой, но и с внутренним миром.

Важным для исследования адаптационной готовности в рамках экопсихологического подхода является ориентация на раскрытие условий и механизмов ее порождения [20]. При этом могут использоваться следующие понятия: опыт адаптации, автоматизация и схематизация адаптационных умений; успешные адаптационные шаблоны поведения; пусковые механизмы реализации адаптационной готовности; моделирование адаптационных действий; рефлексия внешних условий адаптации и адаптационных действий и т.п., т.е. все то, что помогает раскрыть онтологическую сущность адаптационной готовности и дает возможность познать глубинные психологические механизмы активности человека в ситуациях, требующих ее изменений. Используя экопсихологический подход к исследованию адаптационной готовности, мы выходим на проблемы стратегий адаптационного поведения и адаптационный стиль личности, а также на возможности оптимизации активности индивида в субъективно трудных или неопределенных ситуациях.



Проработка проблемы субъект-порождающих взаимодействий с позиций экопсихологического подхода [21–23] позволяет раскрыть социально-психологический компонент адаптационной готовности как становящейся и изменяющейся реальности. Однако проблемы формирования и реализации психофизиологического и психологического компонентов адаптационной готовности еще недостаточно решены.

Условия формирования и реализации адаптационной готовности обучающихся в рамках экопсихологического подхода, на наш взгляд, связаны с возникновением противоречия между требованиями образовательной среды и возможностями личности этим требованиям соответствовать. Возможен и обратный вариант: требования личности к образовательной среде меняются, а среда не может соответствовать этим новым требованиям.

Изменения требований образовательной среды обусловлены объективно существующей динамикой форм и средств обучения, а также логикой изменения содержания образования. Очевидно, эта динамика заложена в субъектности и квазисубъектности образовательной среды. Образовательная среда, как никакая другая, насыщена субъектностью в силу большого количества межличностных взаимодействий, составляющих основу обучения.

Далее подключаются механизмы идентификации этих несоответствий, поиска внутренних и внешних ресурсов самоизменений или изменений среды, анализа мотивов и моделирования действий, запуска своей активности по восстановлению равновесия в системе «личность–образовательная среда», оценки эффективности и успешности адаптационных действий и интеграции их в жизненный опыт. Механизмы разворачивания адаптационной готовности во вне могут быть эмоциональными, мотивационными, интеллектуальными, волевыми и др. [24].

### Заключение

Анализ возможностей трех методологических подходов показывает их исследовательский потенциал в процессе изучения адаптационной готовности обучающихся, в частности студентов высшего образования. Системно-структурный анализ способствует пониманию сложной и многоуровневой организации разнокачественных явлений, участву-

ющих в формировании и реализации адаптационной готовности обучающихся. Субъектный подход акцентирует внимание на активности обучающихся в функционировании их адаптационной готовности. Экопсихологический подход направляет исследование на изучение условий и механизмов адаптационной готовности, учитывая переходы внутренней и внешне ориентированной активности в системе «личность–образовательная среда».

### Список литературы

1. Григорьева М. В. Понятийный аппарат психологии адаптации личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 3 (11). С. 259–263. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2014-3-3-259-262>
2. Ваганова А. Р., Больбот Т. Л. Адаптационная готовность первоклассников в оценках участников образовательного процесса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 3 (15). С. 271–276. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2015-4-3-271-275>
3. Хмелькова О. В. Психолого-педагогические условия формирования адаптационной готовности учащихся на переходных этапах образовательного процесса // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 10. С. 76–79. <https://doi.org/10.24158/spp.2017.10.14>
4. Шаров А. А. Изучение адаптационной готовности студентов с ограниченными возможностями здоровья: постановка проблемы // Universum: Психология и образование: электронный научный журнал. 2020. № 4 (70). С. 23–24. URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/9182> (дата обращения: 24.09.2024).
5. Шаров А. А., Хмелькова О. В. Адаптационная готовность студентов с овз и нормативно развивающихся сверстников на 1 курсе обучения (сравнительный контекст) // Мир педагогики и психологии. 2021. № 7 (60). С. 45–49.
6. Иванчин С. А., Константинов В. В. Особенности адаптационной готовности к учебной деятельности иностранных студентов в условиях вузовского образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 4 (84). С. 78–83.
7. Григорьев А. В. Сравнительный анализ характеристик адаптационной готовности у студентов в условиях проявления разных видов социальной активности // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. С. 451. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25934> (дата обращения: 24.09.2024).
8. Усова Н. В. Теоретические основы оптимальной адаптационной готовности в ситуации миграции // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2017. № 7. С. 2540. URL: <http://emissia.org/offline/2017/2540.htm> (дата обращения: 24.09.2024).



9. Шамионов Р. М. Адаптационная готовность личности – субъекта социального взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 106–112. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2015-15-4-106-112>
10. Григорьева М. В. Типы адаптационной готовности личности в образовательной среде школы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, вып. 1 (25). С. 56–61. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-1-56-61>
11. Хмелькова О. В. Структурные компоненты адаптационной готовности и психолого педагогические условия ее формирования: динамический аспект // Мир науки. Педагогика и психология. 2017. Т. 5, № 5. С. 60.
12. Шаров А. А., Хмелькова О. В. Интегративные структурные компоненты адаптационной готовности студентов с ограниченными возможностями здоровья // Перспективы науки и образования. 2021. № 3 (51). С. 290–301. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.3.20>
13. Шамионов Р. М. Структура адаптационной готовности личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 454–458. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-4-454-458>
14. Карпов А. В. Закономерности структурно-уровневой организации профессионально-важных качеств личности // Методология современной психологии : сборник. Вып. 7 / под ред. В. В. Козлова, А. В. Карпова, В. А. Мазилова, В. Ф. Петренко. М. ; Ярославль : ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2017. С. 145–160.
15. Григорьева М. В. Психодиагностическая методика «Адаптационная готовность личности» // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 10. С. 73–75.
16. Сергиенко Е. А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Институт психологии РАН, 2021. 279 с.
17. Рябикина З. И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2. С. 78–87.
18. Панов В. И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. М. ; СПб. : Психологический институт РАО, Нестор-История, 2014. 304 с.
19. Знаков В. В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. М. : Институт психологии РАН, 2020. 365 с.
20. Панов В. И. Экопсихологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 3. С. 100–117. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-100-117>
21. Капцов А. В., Панов В. И. Личностные качества субъекта как предикторы экопсихологических типов взаимодействия в деятельности и общении // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12, № 4. С. 72–80. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120406>
22. Булатова Т. А., Капцов А. В., Колесникова Е. И. Особенности экопсихологических типов взаимодействия обучающихся с образовательной средой вуза в условиях цифровизации // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2019. № 2 (26). С. 29–52.
23. Панов В. И., Калинин И. В. Экопсихологический подход к анализу межсубъектных взаимодействий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 3 (840). С. 221–232. [https://doi.org/10.52070/2500-3488\\_2021\\_3\\_840\\_221](https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_3_840_221)
24. Григорьева М. В. Адаптационные механизмы процесса социокультурной интеграции // Социокультурная интеграция и специальное образование. Саратов : Саратовский государственный университет, 2015. С. 37–42.

## References

1. Grigoreva M. V. Conceptual apparatus of psychology of personality adaptation. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, iss. 3 (11), pp. 259–263 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2014-3-3-259-262>
2. Vagapova A. R., Bolbot T. L. Adaptation readiness of first-graders in assessments of participants in the educational process. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2015, vol. 4, iss. 3 (15), pp. 271–276 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2015-4-3-271-275>
3. Khmelkova O. V. Psychological and pedagogical conditions for the formation of adaptive readiness of students at transitional stages of the educational process. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 2017, no. 10, pp. 76–79 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/spp.2017.10.14>
4. Sharov A. A. Study of adaptive readiness of students with disabilities: Problem statement. *Universum: psikhologiya i obrazovanie* [Universum: Psychology and education: electronic scientific journal], 2020, no. 4 (70), pp. 23–24. Available at: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/9182> (accessed September 24, 2024) (in Russian).
5. Sharov A. A., Khmelkova O. V. Adaptation readiness of students with disabilities and their normally developing peers in the 1st year of study (comparative context). *Mir pedagogiki i psikhologii* [The world of pedagogy and psychology], 2021, no. 7 (60), pp. 45–49 (in Russian).
6. Ivanchin S. A., Konstantinov V. V. Features of adaptive readiness for educational activities of foreign students in the context of higher education. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 2021, no. 4 (84), pp. 78–83 (in Russian).
7. Grigoriev A. V. Comparative analysis of the characteristics of adaptive readiness in students in conditions



- of manifestation of different types of social activity. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2016, no. 6, pp. 451. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25934> (accessed September 24, 2024) (in Russian).
8. Usova N. V. Theoretical foundations of optimal adaptation readiness in a migration situation. *Pis'ma v Emissiya. Offlayn* [The Emissia Offline Letters], 2017, no. 7, p. 2540. Available at: <http://emissia.org/offline/2017/2540.htm> (accessed September 24, 2024) (in Russian).
  9. Shamionov R. M. Adaptive readiness of the individual – the subject of social interaction. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15, iss. 4, pp. 106–112 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2015-15-4-106-112>
  10. Grigoryeva M. V. Types of adaptive readiness of the individual in the educational environment of the school. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018, vol. 7, iss. 1 (25), pp. 56–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-1-56-61>
  11. Khmelkova O. V. Structural components of adaptive readiness and psychological and pedagogical conditions of its formation: Dynamic aspect. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 2017, vol. 5, no. 5, p. 60 (in Russian).
  12. Sharov A. A., Khmelkova O. V. Integrative structural components of adaptive readiness of students with disabilities. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], 2021, no. 3 (51), pp. 290–301 (in Russian). <https://doi.org/10.32744/pse.2021.3.20>
  13. Shamionov R. M. The structure of the adaptive readiness of the individual. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 454–458 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-4-454-458>
  14. Karpov A. V. Regularities of structural-level organization of professionally important personality traits. In: *Metodologiya sovremennoy psikhologii* [Kozlova V. V., Karpova A.V., Mazilova V. A., Petrenko V. F., eds. Methodology of modern psychology]. Moscow, Yaroslavl, YarSU, LKIISI RAS, MAPN, 2017, vol. 7, pp. 145–160 (in Russian).
  15. Grigoryeva M. V. Psychodiagnostic technique “Adaptive readiness of the individual”. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 2017, no. 10, pp. 73–75 (in Russian).
  16. Sergienko E. A. *Psikhicheskoe razvitie s pozitsiy sistemno-sub"ektnogo podkhoda* [Mental development from the standpoint of the system-subjective approach]. Moscow, Publ. House “Institute of Psychology RAS”, 2021. 279 p. (in Russian).
  17. Ryabikina Z. I. Subject-existential approach to the study of personality-developing contradictions. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2008, vol. 29, no. 2, pp. 78–87 (in Russian).
  18. Panov V. I. *Ecopsykhology: Paradigmálny metod* [Ecopsychology: Paradigmatic search]. Moscow; St. Petersburg, Psychological Institute of the Russian Academy of Education Publ., Nestor-History, 2014. 304 p. (in Russian).
  19. Znakov V. V. *Psikhologiya vozmozhnogo: Novoe napravlenie issledovaniy ponimaniya* [Psychology of the Possible: A New Direction in Research of Understanding]. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2020. 365 p. (in Russian).
  20. Panov V. I. Ecopsychological approach to the development of the psyche: stages, prerequisites, constructs. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2022, vol. 15, no. 3, pp. 100–117 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-100-117>
  21. Kaptsov A. V., Panov V. I. Personal qualities of the subject as predictors of ecopsychological types of interaction in activities and communication. *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology], 2019, vol. 12, no. 4, pp. 72–80 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120406>
  22. Bulatova T. A., Kaptsov A. V., Kolesnikova E. I. Features of ecopsychological types of interaction of students with the educational environment of the university in the context of digitalization. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology], 2019, no. 2 (26), pp. 29–52 (in Russian).
  23. Panov V. I., Kalinin I. V. Ecopsychological approach to the analysis of intersubjective interactions. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2021, no. 3 (840), pp. 221–232 (in Russian). [https://doi.org/10.52070/2500-3488\\_2021\\_3\\_840\\_221](https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_3_840_221)
  24. Grigoryeva M. V. Adaptation mechanisms of the process of socio-cultural integration. In: *Sotsiokul'turnaya integratsiya i spetsial'noe obrazovanie* [Sociocultural integration and special education]. Saratov, Saratov State University Publ., 2015, pp. 37–42 (in Russian).

Поступила в редакцию 08.08.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024;

принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024

The article was submitted 08.08.2024; approved after reviewing 20.09.2024;

accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 430–438

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 430–438

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-430-438>, EDN: RUTIFI

Научная статья

УДК 115:159.923



## Шкала временного фокуса: результаты адаптации на российской выборке

Е. В. Забелина<sup>1</sup>✉, Ю. В. Честюнина<sup>2</sup>, О. С. Волосатова<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Челябинский государственный университет, Россия, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129

<sup>2</sup>Донской государственный технический университет, Россия, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

Забелина Екатерина Вячеславовна, доктор психологических наук, доцент кафедры психологии, [katya\\_k@mail.ru](mailto:katya_k@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-2071-6466>

Честюнина Юлия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психофизиология и клиническая психология», [chestyunina@list.ru](mailto:chestyunina@list.ru), <https://orcid.org/0000-0002-8549-8826>

Волосатова Ольга Сергеевна, преподаватель кафедры психологии, [olsphoto@gmail.com](mailto:olsphoto@gmail.com), <https://orcid.org/0009-0009-9193-3386>

**Аннотация. Введение.** Несмотря на актуальность изучения психологического времени, в современном мире имеют место методологические проблемы, ограничивающие исследования в данном направлении. Это обусловило цель работы – обосновать применимость конструкта «временной фокус» для исследования психологического времени личности и адаптировать методику его измерения для русскоязычной выборки. **Теоретический анализ** позволил обнаружить несколько методик, диагностирующих представление личности о настоящем, прошлом и будущем, в том числе оригинальную методику для исследования временного фокуса. **Эмпирический анализ.** Подробно изложена процедура адаптации опросника на российской выборке. Результаты эксплораторного и конфирматорного факторного анализа (N = 622), а также результаты корреляционного анализа подтвердили факторную и конвергентную валидность трех шкал методики: фокус на прошлом, фокус на настоящем и фокус на будущем. Обнаружены интерпретируемые корреляции субшкал с уровнем удовлетворенности жизнью, с жизненными ценностями и базисными установками. Шкала показывает приемлемый уровень надежности шкал по внутренней согласованности. **Заключение.** Настоящее исследование расширяет возможности проведения исследований когнитивного компонента психологического времени, в том числе кросскультурных, за счет применения в них валидного универсального диагностического инструмента.

**Ключевые слова:** временной фокус, шкала временного фокуса, временная перспектива, психологическое время личности, фокус на настоящем, фокус на прошлом, фокус на будущем

**Для цитирования:** Забелина Е. В., Честюнина Ю. В., Волосатова О. С. Шкала временного фокуса: результаты адаптации на российской выборке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 430–438. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-430-438>, EDN: RUTIFI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Time focus scale: Results of adaptation in the Russian sample**

E. V. Zabelina<sup>1</sup>✉, Yu. V. Chestyunina<sup>2</sup>, O. S. Volosatova<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Chelyabinsk State University, 129 Brat'ev Kashirinyh St., Chelyabinsk 454001, Russia

<sup>2</sup>Don State Technical University, 1 Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003, Russia

Ekaterina V. Zabelina, [katya\\_k@mail.ru](mailto:katya_k@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-2071-6466>

Yulia V. Chestyunina, [chestyunina@list.ru](mailto:chestyunina@list.ru), <https://orcid.org/0000-0002-8549-8826>

Olga S. Volosatova, [olsphoto@gmail.com](mailto:olsphoto@gmail.com), <https://orcid.org/0009-0009-9193-3386>

**Abstract. Introduction.** Despite the relevance of studying psychological time in the modern world, there are methodological problems that limit research in this area. This led to the goal of this work – to justify the applicability of the «temporal focus» design for the study of psychological time of a person and to adapt the method of its measurement for a Russian-language sample. **Theoretical analysis.** As a result of the theoretical analysis, several methods have been discovered that diagnose the person's perception of the present, past and future events, including an original method for studying temporal focus. **Empirical analysis.** The article details the procedure of adaptation of a questionnaire on a Russian sample.

© Забелина Е. В., Честюнина Ю. В., Волосатова О. С., 2024



The results of the exploratory and confirmatory factor analysis (N = 622), as well as the results of the correlation analysis confirmed the factor and convergent validity of three subscales of the methodology: past focus, current focus and future focus. The subscale correlations with life satisfaction, life values and basic attitudes were found. The scale shows an acceptable level of reliability of the subscales on internal consistency. **Conclusion.** The study expands the possibilities of conducting studies on cognitive component of psychological time, including cross-cultural, by applying a universal diagnostic tool.

**Keywords:** temporal focus, temporal focus scale, time perspective, personality's psychological time, current focus, past focus, future focus

**For citation:** Zabelina E. V., Chestyunina Yu. V., Volosatova O. S. Time focus scale: Results of adaptation in the Russian sample. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 430–438 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-430-438>, EDN: RUTIF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

Время как психологический феномен и его компоненты претерпевают серьезные изменения в информационную эпоху, что придает особую актуальность данной проблеме. Глобализация и общедоступность сети Интернет обеспечили человеку возможность быстро перемещаться в пространстве, реальном и виртуальном, что влечет за собой ускорение темпа и трансформацию процессов планирования собственной жизни. Тема восприятия и переживания времени является предметом исследования как отечественных (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, Д. Г. Элькин, Б. И. Цуканов, А. С. Дмитриев, О. В. Кузьмина и других), так и зарубежных авторов ((Ф. Зимбардо, М. Столарски, А. Шипп, Б. Аерон, Т. Мураками, Й. Чишима и др.). Несмотря на актуальность изучения времени как психологического феномена, существуют определенные ограничения в реализации исследований. Это связано прежде всего с разнообразием теоретических конструктов, с различными трактовками феномена, такими как временная перспектива (К. Левин, Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен), индивидуальная временная транспектива (В. И. Ковалев), временной фокус (А. Шипп), временная глубина (А. Блюдорн) и т.д. Другая проблема, возникающая при изучении психологического времени, связана с измерением его показателей. Так, часть методик, применяемых для диагностики психологического времени, являются проективными: Методика «Линия жизни» (А. А. Кроник, Б. М. Левин, А. Л. Пажитнов), «Ситуативная каузометрия» (И. Б. Кузьмина), «Я в прошлом, настоящем, будущем» (С. М. Меджидова), «Циклический временной тест» (Т. Коттл). Низкая степень структурирования и стандартизации, широкий диапазон возможных интерпретаций данных в таких методиках

затрудняет их обработку и использование в масштабных научных исследованиях. С другой стороны, стандартизированные методики с простой структурой и обработкой, диагностирующие важные составляющие психологического времени, не применяются в отечественных исследованиях, поскольку не имеют русскоязычной адаптации (например, «Временной фокус» А. Шипп, «Временная ориентация на прошлое и будущее» Дж. Ко, Ж. Гентри). Некоторые шкалы предназначены для измерения конкретных периодов психологического времени жизни личности и не позволяют сформировать общую картину восприятия человеком времени собственной жизни («Учет будущих последствий» (А. Стратман), «Шкала темного будущего» З. Залеского). Таким образом, в изучении феномена психологического времени фиксируются определенные методологические и методические дефициты.

Цель настоящего исследования – обосновать применимость конструкта «временной фокус» для исследования психологического времени личности и адаптировать методику его измерения для русскоязычной выборки.

## Теоретический анализ

Впервые понятие временного фокуса (temporal focus) предложила и обосновала А. Шипп. Основываясь на работах К. Левина и Г. Мюррея, она определяет временной фокус как долю внимания, которую человек обычно уделяет прошлому, настоящему или будущему [1]. Авторы концепции обнаружили существование нескольких вариантов профилей временного фокуса: внимание человека может быть распределено примерно в равной степени по двум или трем периодам одновременно («гипертемпоральная» направленность), а часть людей демонстрируют равно низкий уровень внимания ко всем трем периодам («атемпоральная» направленность) [1].



А. Шипп полагает, что временной фокус как устойчивая характеристика человека зависит от особенностей социализации и подвержена влиянию культуры. Однако несмотря на то, что временной фокус является устойчивой конструкцией, он все же подвержен изменениям в течение жизни. Например, в пожилом возрасте приходит отчетливое понимание, что время жизни ограничено, и вследствие этого снижается доля размышлений о будущем. Кроме взросления, на выраженность временного фокуса (направленного внимания на прошлое, настоящее или будущее) могут оказывать влияние значимые события [2].

Результаты исследований Шипп и ее коллег в целом свидетельствуют о том, что выраженный фокус на событиях прошлого может быть причиной дезадаптивного поведения, вызывать различные виды эмоционального дистресса. А. Шипп указывает на существующие противоречия результатов исследований о выраженном фокусе на настоящем: с одной стороны, есть данные о его связи с более высокой самооценкой и удовлетворенностью жизнью; с другой – с высокими показателями прокрастинации, склонностью к риску и агрессии, злоупотреблением алкоголем и наркотическими веществами. Фокус на будущем менее связан с самочувствием индивида: у таких людей отмечается склонность к активной деятельности по достижению целей и большая забота о своем здоровье, просоциальное поведение. Автор вводит понятие «сбалансированный временной фокус», который способствует большему ощущению благополучия и базируется на том, что человек перенаправляет свои мысли о прошлом, настоящем или будущем в наиболее «выгодные» периоды времени в зависимости от ситуации [2].

О временном фокусе упоминает автор концепции временной перспективы Ф. Зимбардо [3]. Он рассматривает этот конструкт в неразрывной связи с временной перспективой. Вводится понятие «мгновенный временной фокус» (*momentary temporal focus*) – продукт взаимодействия способности устойчивых личностных тенденций фокусироваться на заданном временном горизонте и ситуационных особенностях. Исследование динамически меняющегося временного фокуса является одной из самых сложных методологических проблем, поскольку его изучение доступно только через интроспективную метарефлексию [3].

Исследования временного фокуса, выполненные японскими учеными Ю. Чишима и Т. Мураками, свидетельствуют о положительном влиянии фокуса на будущее, на эффективность карьеры молодых людей [4].

Временной фокус связан со многими аспектами человеческой жизни, например, с тревогой и депрессией, а также с употреблением алкоголя. В исследовании, проводившемся на выборке, сформированной из студентов университета в Великобритании, обнаружена значимая взаимосвязь между фокусом на прошлом и высоким уровнем психопатологической симптоматики [5]. Группой ирландских исследователей выявлено, что фокус на прошлом и настоящем положительно связан с употреблением алкоголя в подростковом возрасте [6].

Временной фокус традиционно измеряют с использованием методик Опросник временной перспективы ZTPI [7] и Шкала временной ориентации TOS [8]. Однако обе методики имеют определенные недостатки [1]. Например, ZTPI обладает сложной, не всегда однозначной структурой и выявляет комплексное отношение ко времени, включая когнитивный, аффективный, ценностно-мотивационный аспекты, которые трудно разграничить.

Для диагностики временного фокуса как когнитивного образования в 2009 г. была разработана Шкала временного фокуса [1], причем дальнейшие исследования продемонстрировали высокие психометрические показатели методики. На сегодняшний день методика адаптирована в Ирландии [6], в Японии [4] и в Аргентине [9]. Оригинальная методика содержит 12 вопросов (по 4 утверждения на разные типы временного фокуса). В результате адаптации один из вопросов, касающийся фокуса на настоящем (п.10 оригинальной методики) в некоторых адаптированных вариантах шкалы был исключен в связи с тем, что он показал значительную психометрическую аномалию, факторная нагрузка элемента была существенно ниже остальных. По всем остальным психометрическим показателям методика продемонстрировала результаты от приемлемых до высоких [9].

### **Эмпирический анализ**

В исследовании с целью психометрической проверки Шкалы временного фокуса на русскоязычной выборке приняли участие



622 чел. Выборку составили респонденты, проживающие в г. Челябинске (75,6%) и Москве (24,4%), в возрасте от 18 до 92 лет ( $M = 41,2$ ), из них мужчин 43%. Опросник заполнялся в электронном виде, респондентам направлялась электронная ссылка на инструкцию и форму, которую требовалось заполнить.

С целью проверки факторной валидности использовался эксплораторный факторный анализ методом максимального правдоподобия с Варимакс-вращением. Конфирматорный факторный анализ проводился с целью проверки и коррекции факторной валидности шкал. Проверка надежности шкал осуществлялась с помощью коэффициента Альфа Кронбаха. Для установления конвергентной валидности проводился корреляционный анализ с применением

коэффициента  $r$ -Спирмена. Для расчета нормативных показателей методики использовалась описательная статистика. Все вычисления производились с помощью статистического пакета SPSS 24.0. С целью проведения конфирматорного анализа использовалась программа IBM SPSS AMOS 22.

На первом этапе исследования осуществлялся перевод утверждений с английского языка на русский. Далее устанавливалась функциональная эквивалентность русскоязычной и англоязычной версий шкалы с использованием метода прямого и обратного перевода [10].

На следующем этапе исследования изучалась структурная валидность опросника. Результаты эксплораторного факторного анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

**Факторная структура Шкалы временного фокуса (N = 622)**  
**Factor structure of the Temporal Focus Scale (N = 622)**

Утверждения	Факторный анализ		
	1	2	3
Прошлое 3. Я периодически думаю о событиях из своего прошлого	<b>.935</b>	.130	-.042
Прошлое 4. Я периодически вспоминаю прежние дни	<b>.871</b>	.149	-.074
Прошлое 2. Я периодически размышляю над тем, что происходило в моей жизни	<b>.845</b>	.140	-.039
Прошлое 1. Я нередко прокручиваю у себя в голове воспоминания	<b>.795</b>	.132	-.040
Будущее 2. Я нередко думаю о грядущем	.150	<b>.902</b>	.099
Будущее 1. Я периодически задумываюсь о том, что мне уготовано в будущем	.166	<b>.801</b>	.065
Будущее 3. Я сосредоточен (а) на своем будущем	.071	<b>.731</b>	.242
Будущее 4. Я пытаюсь представлять, что мне преподнесет завтрашний день	.115	<b>.615</b>	.196
Настоящее 2. Обычно мыслями я нахожусь здесь и сейчас	-.142	.089	<b>.804</b>
Настоящее 4. Я живу настоящим	-.131	.129	<b>.741</b>
Настоящее 1. Я сосредоточен (а) на том, что происходит со мной на данный момент	.024	.222	<b>.672</b>
Настоящее 3. Я нередко задумываюсь о своем текущем положении	.173	.432	<b>.443</b>
Доля объяснимой дисперсии, %	31.28	23.52	10.06

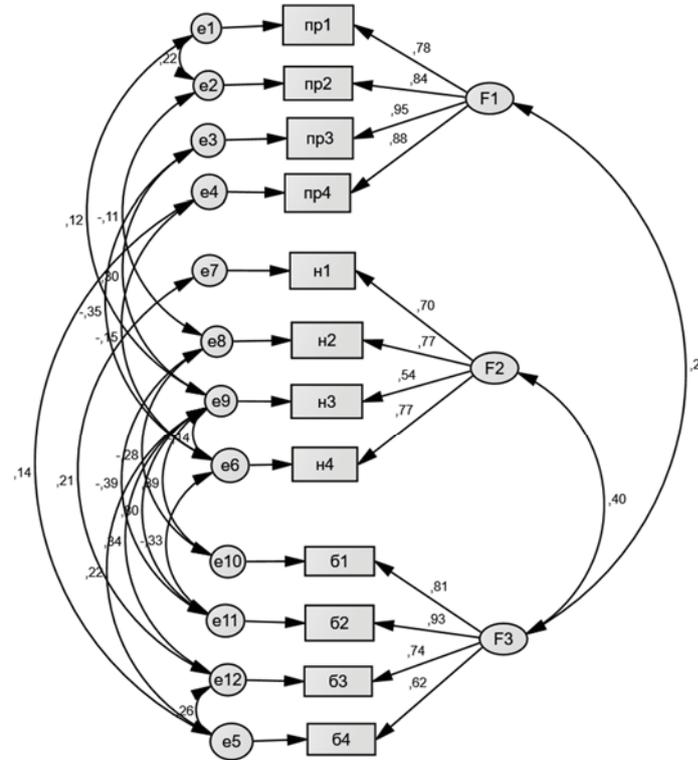
Факторный анализ позволил выделить 3 фактора, объясняющих 64,86% совокупной дисперсии. Дисперсии факторов распределились в соответствии с теоретической концепцией оригинального опросника. Первый фактор объединяет дисперсии утверждений, описывающих ориентацию респондентов на прошлое (частота воспоминаний и размышлений над событиями прошлого). Второй фактор содержательно характеризует направленность внимания респондентов на будущие события (воображение

событий будущего, попытки представить, что их ожидает). В третий фактор с наименьшей нагрузкой вошли дисперсии утверждений, указывающих на когнитивное погружение респондентов в события настоящего (размышления над текущей жизненной ситуацией, ориентация на то, что происходит здесь и сейчас). Дисперсия утверждения вошла со значимым весом в два фактора (фокус на настоящем и фокус на будущем). Этот факт может свидетельствовать о размытости границы будущего и настоящего в



сознании части респондентов, а также частично подтверждает «проблемность» данного утверждения, выявленную в других исследованиях [9]. Таким образом, результаты эксплораторного

факторного анализа полностью подтвердили факторную структуру оригинальной методики. Далее проводился конфирматорный факторный анализ (рисунок и табл. 2).



CMIN = 114,330; df = 35;  $p = ,000$ ; CFI = ,982; RMSEA = ,060; GFI = ,969; Plcose = ,077

Графическое отображение результатов конфирматорного факторного анализа Шкалы временного фокуса  
Graphical display of the results of confirmatory factor analysis of the Temporal Focus Scale

Таблица 2 / Table 2

**Регрессионные коэффициенты модели**  
**Regression coefficients of the model**

Элементы модели	Estimate	S.E.	C.R.	P
Прошлое 3 <--- F1	1.000			
Прошлое 2 <--- F1	.852	.027	31.068	***
Прошлое 1 <--- F1	.867	.032	26.740	***
Настоящее 3 <--- F2	1.000			
Настоящее 2 <--- F2	1.477	.130	11.398	***
Настоящее 1 <--- F2	1.208	.107	11.294	***
Прошлое 4 <--- F1	1.032	.029	35.501	***
Будущее 3 <--- F3	1.000			
Будущее 2 <--- F3	1.195	.057	21.094	***
Будущее 1 <--- F3	1.058	.053	20.128	***
Настоящее 4 <--- F2	1.427	.122	11.688	***
Будущее 4 <--- F3	.944	.053	17.776	***

Примечание / Note: \*\*\*  $p \leq 0,0001$ .



Конфирматорный анализ констатировал апостериорную модель субшкал временного фокуса, состоящую из трех факторов. После добавления в модель рекомендуемых связей между ошибками переменных индексы согласия достигли высокого уровня соответствия исходным данным:  $CMIN = 114,330$ ;  $df = 35$ ;  $p = 0,000$ ;  $GFI = 0,969$ ;  $CFI = 0,982$ ;  $RMSEA = 0,060$ . При этом регрессионные коэффициенты ( $p < 0,001$ ), дисперсии факторов ( $p < 0,001$ ) и ковариаций (корреляций) между ошибками ( $p < 0,01$ ) являются статистически достоверными.

Результаты корреляционного анализа субшкал показали, что не все они коррелируют между собой (см. табл. 2). Зафиксирована положительная взаимосвязь между ориентацией на прошлое и будущее, а также между ориентацией на настоящее и будущее. Полученные данные согласуются с данными корреляционного ана-

лиза шкал оригинальной версии опросника, где были обнаружены умеренные положительные корреляции между настоящим и будущим временным фокусом, а также между прошлым и будущим временными фокусами [1].

Выполненная далее проверка надежности опросника позволила констатировать, что русскоязычная версия шкалы временного фокуса имеет приемлемый уровень надежности: «Фокус на прошлом» ( $\alpha = 0,928$ ), «Фокус на настоящем» ( $\alpha = 0,783$ ), «Фокус на будущем» ( $\alpha = 0,865$ ).

Для проверки конвергентной валидности применялся корреляционный анализ с показателями методики «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера (в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина), Ценностного опросника Ш. Шварца и Шкалы базисных убеждений Р. Янофф-Бульман (в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой) (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

**Результаты проверки конвергентной валидности Шкалы временного фокуса**  
**Results of testing the convergent validity of the Temporal Focus Scale**

Показатели		Фокус на прошлом	Фокус на настоящем	Фокус на будущем
Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (N = 622)				
Удовлетворенность жизнью	R Спирмена	-.074	<b>.200**</b>	.057
	p	.065	.000	.156
Ценностный опросник Ш. Шварца (N = 198)				
Самостоятельность		0.063	<b>.271**</b>	0.113
Стимуляция		0.022	<b>.268**</b>	<b>.336**</b>
Гедонизм		0.086	0.118	<b>.188**</b>
Достижение		0.021	0.121	<b>.386**</b>
Власть		0.123	0.018	<b>.365**</b>
Безопасность		<b>.144*</b>	<b>.146*</b>	0.083
Конформизм		<b>.146*</b>	<b>.313**</b>	0.107
Доброта		<b>.179*</b>	<b>.313**</b>	<b>.145*</b>
Универсализм		0.087	<b>.367**</b>	<b>.184**</b>
Традиции		0.069	<b>.319**</b>	<b>.200**</b>
Шкала базисных убеждений Р. Янофф-Бульман (N=198)				
Доброжелательность	R Спирмена	<b>-.210**</b>	0.045	-0.101
	p	<b>0.003</b>	0.526	0.156
Справедливость	R Спирмена	<b>-.155*</b>	<b>.205**</b>	0.112
	p	<b>0.030</b>	<b>0.004</b>	0.118
Образ я	R Спирмена	-0.039	<b>.271**</b>	0.060
	p	0.589	<b>0.000</b>	0.402
Удача	R Спирмена	-0.029	<b>.237**</b>	-0.027
	p	0.683	<b>0.001</b>	0.711
Контроль	R Спирмена	0.024	<b>.275**</b>	<b>.186**</b>
	p	0.739	<b>0.000</b>	<b>0.009</b>

Примечание / Note. \*\* –  $p \leq 0,01$ ; \* –  $p \leq 0,05$ .



Результаты корреляционного анализа позволяют говорить об умеренной связи удовлетворенности жизнью и фокуса на настоящем, что подтверждается ранее полученными данными [1].

Поскольку существуют многочисленные доказательства взаимосвязи психологического времени и ценностно-мотивационной сферы личности [11–15], одним из критериев внешней валидности были выбраны жизненные ценности (по Ш. Шварцу). Результаты корреляционного анализа на выборке пожилых людей (N = 198) демонстрируют значимые интерпретируемые взаимосвязи временного фокуса со всеми диагностируемыми ценностями (см. табл. 3).

Большая часть выявленных связей обнаружена с фокусом на настоящем и будущем. Лишь три вида ценностей – безопасность, конформизм и доброта – показывают умеренные положительные связи с фокусом на прошлом. Вероятно, ценности «сохранения и самоидентификации» в большей степени связаны с тем, насколько респонденты погружены в воспоминания и размышления о прошлых событиях. Напротив, направленность на будущее поддерживают ценности «изменения и самореализации»: стимуляция, достижение, власть. Кроме того, с фокусом на будущем связаны ценности универсализма и традиций. Последний факт можно рассмотреть как подтверждение связи частоты обращения к образам будущего и к прошлым воспоминаниям, полученным в ходе основного исследования. Возможно, представления о будущем строятся на том, что уже происходило с человеком в различных жизненных ситуациях, т. е. на уже имеющемся опыте. Выраженный фокус на настоящем поддерживается ориентацией на ценности традиций, универсализма, доброты, конформизма, самостоятельности, стимуляции и безопасности. Таким образом, чем больше человек увлечен чем-либо, чем выше его мотивация, тем больше он ориентирован на настоящее, включен в текущие события, находится «здесь и сейчас».

Результаты корреляционного анализа временного фокуса и базисных убеждений показывают, что большинство позитивных базисных убеждений (убежденность в том, что мир справедлив и полон смысла; вера в собственную самооценку и удачливость)

положительно связан с фокусом на настоящем. Убежденность в том, что события происходят не случайно, а контролируются и подчиняются законам справедливости также положительно связана с фокусом на будущем. Напротив, вера в то, что в мире больше добра, чем зла и он полон смысла и справедлив, отрицательно связана с фокусом на прошлом.

## Заключение

Результаты исследования позволяют говорить о решенной задаче по обоснованию конструкта временного фокуса и адаптации русскоязычной версии Шкалы временного фокуса. Психометрический анализ подводит к выводу о достаточной конструктивной и конвергентной валидности, а также о надежности опросника. Факторный анализ обосновал три субшкалы, соответствующих шкалам оригинальной методики: фокус на прошлом, фокус на настоящем и фокус на будущем. Преимущество адаптированного инструмента состоит в его универсальности, небольшом количестве входящих утверждений при сохранении валидности и надежности, что открывает возможности проведения масштабных социально-психологических исследований временной ориентации. Ограничением является сводимость конструкта к когнитивным компонентам психологического времени без внимания к аффективному и ценностно-мотивационному компонентам. В связи с этим рекомендуется применение «Шкалы временного фокуса» в совокупности с другими методиками, например, «Аттитюды ко времени» Ж. Нюттена.

## Список литературы

1. Shipp A. J., Edwards J. R., Lambert L. S. Conceptualization and measurement of temporal focus: The subjective experience of the past, present, and future // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2009. Vol. 110. P. 1–22. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2009.05.001>
2. Shipp A. J., Aeon B. Temporal focus: Thinking about the Past, Present and Future // *Current Opinion in Psychology*. 2019. Vol. 26. P. 37–43. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2018.04.005>
3. Stolarski M., Fieulaine N., Zimbardo P. Putting time in a wider perspective: The past, the present, and the future of time perspective theory. *The SAGE hand-*



- book of personality and individual differences. 2018. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02419830> (дата обращения: 08.03.2024).
4. Chishima Y., McKay M. T., Murakami T. The reliability and validity of the Temporal Focus Scale in young Japanese adults // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 119. P. 230–235. <https://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2017.07.031>
  5. McKay M. T., Cole J. C., Percy A. Temporal focus clusters differ meaningfully in terms of anxiety and depressive symptomatology // *Psychiatry Research*. 2017. № 256. P. 283–285. <https://dx.doi.org/10.1016/j.psychres.2017.06.061>
  6. McKay M. T., Percy A., Goudie A. J., Sumnall H. R., Cole J. C. The Temporal Focus Scale: Factor structure and association with alcohol use in a sample of Northern Irish school children // *Journal of Adolescence*. 2012. Vol. 35, № 5. P. 1361–1368. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2012.05.006>
  7. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77. P. 1271–1288.
  8. Holman E. A., Silver R. C. Getting “stuck” in the past: Temporal orientation and coping with trauma // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74, № 5. P. 1146–1163. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.5.1146>
  9. Germano G., Brenlla E. Argentinian adaptation of the Temporal Focus Scale. Evidence of construct validity, reliability, and external validity. URL: <https://www.researchgate.net/publication/361224826> (дата обращения: 15.03.2024).
  10. Brislin R. W. The wording and translation of research instruments // *Field methods in cross-cultural research* / W. J. Lonner, J. W. Berry, eds. Beverly Hills, CA: SAGE, 1986. P. 137–164.
  11. Вечканова Е. Н. Ценностно-смысловые детерминанты временной перспективы личности в период кризиса идентичности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2015. 24 с.
  12. Прокопич О. А. Ценностно-смысловые предикторы сбалансированной временной перспективы личности студентов вуза в период обучения: дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2016. 251 с.
  13. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М. : Смысл, 2004. 607 с.
  14. Kauffman D., Husman J. Effects of time perspective on student motivation: Introduction to a special issue // *Educational psychology review*. 2014. Vol. 16, № 1. P. 1–7. <https://doi.org/10.1023/B:EDPR.0000012342.37854.58>
  15. Мамедова Ж. С. Взаимосвязь ценностных ориентаций и временной перспективы личности (на примере делинквентных подростков): дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 193 с.
- ## References
1. Shipp A. J., Edwards J. R., Lambert L. S. Conceptualization and measurement of temporal focus: The subjective experience of the past, present, and future. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2009, vol. 110, pp. 1–22. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2009.05.001>
  2. Shipp A. J., Aeon B. Temporal focus: Thinking about the Past, Present and Future. *Current Opinion in Psychology*, 2019, vol. 26, pp. 37–43. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2018.04.005>
  3. Stolarski M., Fieulaine N., Zimbardo P. *Putting time in a wider perspective: The past, the present, and the future of time perspective theory. The SAGE handbook of personality and individual differences*. 2018. Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02419830> (accessed March 8, 2024).
  4. Chishima Y., McKay M. T., Murakami T. The reliability and validity of the Temporal Focus Scale in young Japanese adults. *Personality and Individual Differences*, 2017, vol. 119, pp. 230–235. <https://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2017.07.031>
  5. McKay M. T., Cole J. C., Percy A. Temporal focus clusters differ meaningfully in terms of anxiety and depressive symptomatology. *Psychiatry Research*, 2017, no. 256, pp. 283–285. <https://dx.doi.org/10.1016/j.psychres.2017.06.061>
  6. McKay M. T., Percy A., Goudie A. J., Sumnall H. R., Cole J. C. The Temporal Focus Scale: Factor structure and association with alcohol use in a sample of Northern Irish school children. *Journal of Adolescence*, 2012, vol. 110, no. 1, pp. 1361–1368. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2012.05.006>
  7. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, vol. 77, pp. 1271–1288. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.6.1271>
  8. Holman E. A., Silver R. C. Getting “stuck” in the past: Temporal orientation and coping with trauma. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998, vol. 74, no. 5, pp. 1146–1163. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.5.1146>
  9. Germano G., Brenlla E. *Argentinian adaptation of the Temporal Focus Scale. Evidence of construct validity, reliability, and external validity*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/361224826> (accessed March 15, 2024).
  10. Brislin R. W. The wording and translation of research instruments. In: Lonner W. J., Berry J. W., eds. *Field methods in cross-cultural research*. Beverly Hills, CA: SAGE, 1986, pp. 137–164.
  11. Vechkanova E. N. *Value-semantic determinants of the individual's time perspective during an identity crisis*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Tomsk, 2015. 24 p. (in Russian).



12. Prokonich O. A. *Value-semantic predictors of a balanced time perspective of the personality of university students during the study period*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Kemerovo, 2016. 251 p. (in Russian).
13. Nuttin J. *Future time perspective and motivation*. Leuven, Leuven university press; Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates, 1985. 235 p. (Russ. ed.: Nyutten Zh. *Motivatsiya, deystvie i perspektiva budushchego*. Moscow, Smysl, 2004. 607 p.).
14. Kauffman D., Husman J. Effects of time perspective on student motivation: introduction to a special issue. *Educational Psychology Review*, 2014, vol. 16, no. 1, pp 1–7. <https://doi.org/10.1023/B:EDPR.0000012342.37854.58>
15. Mamedova Zh. S. *The relationship between value orientations and the time perspective of the individual (using the example of delinquent adolescents)*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2007. 193 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 25.10.2024;

принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 25.10.2024;

accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 439–445

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 439–445

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-439-445>, EDN: TUFBCB

Научная статья

УДК [339.133.017+159.923]-053.81

## Взаимосвязь потребностей в дорогостоящих покупках и экономического благополучия молодежи



Е. Д. Сучков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Сучков Егор Дмитриевич, аспирант кафедры социальной психологии образования и развития, [suchkoved@ya.ru](mailto:suchkoved@ya.ru), <https://orcid.org/0000-0002-3631-3872>

**Аннотация. Введение.** Феномен потребительского поведения в большей степени изучен на примере молодежи, так как она представляет собой одну из самых многочисленных по составу социально-демографическую группу и является главным источником обновлений и ресурсом для развития современного мира. Цель работы изучить взаимосвязь потребности в дорогостоящих покупках и экономического благополучия молодежи. **Теоретический анализ.** Сравнительный анализ позволил выявить взаимосвязь показателей склонности к дорогостоящим покупкам и субъективного экономического благополучия. **Эмпирический анализ.** Для проведения эмпирического исследования было распространено 300 анкет среди молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет с целью исследования потребительской активности. Факторный и корреляционный анализы позволили определить три основных фактора (стремление к функционально значимым приобретениям, стремление к приобретению атрибутов увлечений и стремление к атрибутам престижа), характеризующими потребностями в дорогостоящих покупках. **Заключение.** Результаты исследований показали, что стремление обладать дорогостоящими товарами определяется в основном тремя факторами. При этом при покупке дорогостоящих товаров современная российская молодежь делает основной акцент (24% общей дисперсии) на их функциональную составляющую.

**Ключевые слова:** молодые люди, дорогостоящие покупки, субъективное экономическое благополучие, потребительское поведение, факторный анализ

**Для цитирования:** Сучков Е. Д. Взаимосвязь потребностей в дорогостоящих покупках и экономического благополучия молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 439–445. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-439-445>, EDN: TUFBCB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

### Propensity to expensive purchases and subjective economic well-being of young people

E. D. Suchkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Egor D. Suchkov, [suchkoved@ya.ru](mailto:suchkoved@ya.ru), <https://orcid.org/0000-0002-3631-3872>

**Abstract. Introduction.** The phenomenon of consumer behavior has been studied to a greater extent on the example of youth, since they represent one of the most numerous socio-demographic groups in terms of composition and are the main source of relevant information and a resource for the development of the modern world. The relevance of this research lies in the insufficient study of the factors of propensity to purchase expensive goods. The purpose of the work is to study the relationship between the need for expensive purchases and the economic well-being of young people. **Theoretical analysis.** A comparative analysis revealed the relationship between the indicators of propensity to expensive purchases and subjective economic well-being. Empirical analysis to conduct an empirical study, 300 questionnaires were distributed among young people aged 18 to 30 years in order to study consumer activity. Factorial and correlation analyses allowed us to identify three main factors (the desire for functionally significant acquisitions, the desire to acquire the attributes of hobbies and the desire for prestige attributes) characterizing the need for expensive purchases. **Conclusion.** The results of the research have shown that the desire to possess expensive goods is determined mainly by three factors. At the same time, when buying expensive goods, modern Russian youth places the main emphasis (24% of the total variance) on their functional component.

**Keywords:** young people, expensive purchases, subjective economic well-being, consumer behavior, factor analysis

**For citation:** Suchkov E. D. Propensity to expensive purchases and subjective economic well-being of young people. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 439–445 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-439-445>, EDN: TUFBCB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



## Введение

В эпоху рыночных отношений и распространения конкурентных методов реализации продукции все более актуально исследование потребительского поведения молодёжи. Необходимо тщательно проанализировать, какие элементы и личные предпочтения оказывают влияние на их выбор товаров и услуг, а также выделить уникальные черты потребительской стратегии различных слоёв молодёжи, учитывая их экономическое благополучие. Потребительское поведение молодежи характеризуется множеством явлений, связанных с элементарным бытовым поведением и с поведением, предполагающим крупные траты. Исследования потребительского поведения, проводимые в психологии, социологии, экономике и маркетинге, свидетельствуют о значительной зависимости такого поведения от глобальных экономических причин. Вместе с тем имеется множество данных, свидетельствующих о наличии психологических причин и факторов такого поведения, установленных в исследованиях социальных психологов, занимающихся проблемой экономической социализации личности (Т. И. Миронова [1], С. В. Шепелева [2], Т. В. Дробышева [3], Р. М. Шамионов [4] и др.).

## Теоретический анализ

В 2023 г. Т. В. Дробышева выделила четыре стадии экономической социализации – первичную, вторичную, переходную и экономическую ресоциализации [3]. Затронутые автором вопросы экономико-психологической зрелости, свидетельствующие о проявлении личностью ее субъектных качеств в разных условиях, а также представления о детерминантах смены форм экономической социализации, о факторах становления и развития экономического субъекта могут стать основанием для развития нового научного направления в области социальной и экономической психологии.

Ю. Б. Кострова поднимает проблему потребительского поведения молодежи [5]. Автор утверждает, что зачастую молодые люди отдают предпочтение только известным брендам, но, как показало исследование, в настоящее время отмечается ярко выраженная тенденция стремления молодых людей к индивидуализации, стремления «не быть похожим на других», что определило переход к индивидуальному

потреблению от статусного. По итогам исследования формулируется вывод, согласно которому молодые потребители являются мощной движущей силой для рыночной экономики. Поэтому завоевание доверия к своему бренду у молодой аудитории может принести стабильность в продажах даже тогда, когда эти же потребители перейдут в категорию «взрослых».

Проведенное исследование акцентирует внимание на оценке влияния факторов склонности к дорогостоящим покупкам.

Анализ литературы, посвященной данной тематике, позволил установить ряд важных трендов в социально-психологических исследованиях потребительского поведения. Так, в настоящее время актуальны следующие тенденции: 1) покупка товаров на длительный срок [6]; 2) больше экономии (потребители реже стали совершать дорогостоящие покупки) [7]; 3) превалирование спроса на онлайн-покупки [8]; 4) демонстративное поведение начинает уступать практическому [8].

Цель настоящего исследования – анализ взаимосвязи склонности к дорогостоящим покупкам среди молодых покупателей и параметров субъективного экономического благополучия.

Задачи исследования сводятся к следующему:

- 1) установление видов потребностей в дорогостоящих покупках на основе факторного анализа;
- 2) установление взаимосвязи стремления к покупкам «во что бы то ни стало первыми», к дорогостоящим покупкам, внимания к владельцам атрибутов престижа и видами потребностей в дорогостоящих;
- 3) установление взаимосвязи потребностей в дорогостоящих покупках и характеристиками субъективного экономического благополучия.

## Эмпирический анализ

Для проведения эмпирического исследования был составлен пилотажный опросник с использованием анкеты, направленной на изучение потребностей и субъективного экономического благополучия, в котором испытуемые отвечали на вопросы о том, какие дорогостоящие покупки они хотели бы совершить. Выборка респондентов составила 300 чел. Возраст опрошенных 18–30 лет. Средний возраст составил  $M = 24,3$  года, стандартное отклонение  $SD = 7,2$ .



Для исследования использовались:

1. Опросник «Субъективное экономическое благополучие» В. А. Хащенко [9], включающий интегральную шкалу уровня субъективного экономического благополучия, а также пять коррелирующих между собой шкал: экономического оптимизма (пессимизма); экономической тревожности; субъективной адекватности дохода; финансовой депривированности и текущего благосостояния семьи.

2. Анкета, направленная на установление выраженности склонности молодежи к дорогостоящим покупкам, разработанная на основе прямого шкалирования с шагом в 5 единиц. Например, «в какой степени вы склонны к приобретению покупок «во что бы то ни стало первыми»? [10].

Для интерпретации результатов дадим определения каждому индексу, которые будут использоваться ниже:

1) *индекс экономического оптимизма*, отражающий оптимистическую или пессимистическую оценку внешних и внутренних условий роста материального благополучия;

2) *индекс текущего благосостояния*, отражающий субъективные оценки материального положения семьи;

3) *индекс финансовой депривированности*, отражающий степень достатка или недостатка финансовых средств;

4) *индекс экономической тревожности*, представляющий оценку выраженности негативных эмоциональных состояний в связи с финансовыми и материальными проблемами;

5) *индекс адекватности дохода*, представляющий оценку соответствия размера дохода запросам и потребностям личности.

Обработка данных проведена с использованием программы IBM SPSS 26 Statistics, которая позволяет провести корреляционный и факторный анализы.

Для проведения факторного анализа применен метод выделения, который заключается в анализе главных компонент, т. е. метод линейного уменьшения размерности комбинаций, применяемых в исследовательском анализе данных, метод визуализации и предварительной обработки данных, а также используется метод вращения (Varimax с нормализацией Кайзера), в котором число факторов равно числу компонент, собственные значения которых больше 1.

На основе факторного анализа выявлены переменные, характеризующие виды потребностей людей в сфере дорогостоящих покупок.

Как видно из табл. 1, в результате факторного анализа с Varimax-вращением образовалось три весомых фактора, составляющих 62,5% общей дисперсии. Анализ первого фактора

Таблица 1 / Table 1

**Факторный анализ показателей стремления к дорогостоящим покупкам / обладанию дорогостоящими вещами**  
**Factor analysis of indicators of the desire for expensive purchases / possession of expensive things**

Матрица повернутых компонент <sup>а</sup>			
Переменные	Компонента		
	1	2	3
15. Попробуйте оценить силу своего желания, стремления обладать компьютером (ноутбук, планшет)	,762		
14. Попробуйте оценить силу своего желания, стремления обладать смартфоном	,725		
20. Попробуйте оценить силу своего желания, стремления обладать квартирой в престижном районе	,632		
19. Попробуйте оценить силу своего желания, стремления обладать автомобилем	,593		
18. Попробуйте оценить силу своего желания, стремления обладать квадроциклом, мотоциклом, снегоходом		,790	
16. Попробуйте оценить силу своего желания, стремления обладать смарт-часами		,766	
13. Попробуйте оценить силу своего желания, стремления обладать теми или иными вещами, не относящимися к категории повседневного спроса (бытовая техника, ювелирные украшения, модная одежда, автотехника)			,835
17. Попробуйте оценить силу своего желания, стремления обладать престижной одеждой			,605
Дисперсия, всего 62,5%	24%	20,4%	18,1%

Примечание. <sup>а</sup> Вращение сошлось за 7 итераций (факторы, которые коррелируют между собой больше всего).  
 Note. <sup>а</sup> The rotation converged in 7 iterations (the factors that correlate the most with each other).



(24% общей дисперсии), включающего стремление к обладанию дорогостоящими, но функциональными вещами (компьютером, смартфоном, квартирой, автомобилем), позволяет определить его как стремление к функционально значимым приобретениям.

Второй фактор (20,4% общей дисперсии) включает стремление к приобретению атрибутов увлечений (квадроцикл, мотоцикл, снегоход, смарт-часы).

Третий фактор (18,1% общей дисперсии) охватывает стремление к владению атрибутами «красивой» жизни, включая престижную одежду, украшения и пр. Он может быть назван как «стремление к атрибутам престижа».

На основании факторного анализа были определены новые виды потребностей в дорогостоящих покупках: стремление к функционально значимым приобретениям, стремление к приобретению атрибутов увлечений и стремление к атрибутам престижа, которые использовались далее в исследовании.

Как видно из табл. 2, стремление к приобретению товаров «во что бы то ни стало» коррелирует со стремлением к дорогостоящим покупкам и вниманием к владельцам атрибутов престижа, и в то же время отсутствует корреляция со стремлением к функциональным приобретениям, что свидетельствует об иррациональности такого поведения.

Таблица 2 / Table 2

**Корреляционный анализ показателей стремления к дорогостоящим покупкам  
(на основании данных расчета в программе SPSS)  
Correlation analysis of indicators of the desire for expensive purchases  
(based on the calculation data in the SPSS program)**

Переменные	Стремление к функциональным приобретениям	Стремление к владению атрибутами увлечений	Стремление к владению атрибутами престижа	Покупки во чтобы то ни стало	Стремление к дорогостоящим покупкам	Внимание к владельцам атрибутов престижа
Покупки во чтобы то ни стало	0,118	,450**	,174**	1	,427**	,536**
Стремление к дорогостоящим покупкам	,680**	,577**	,437**	,427**	1	,533**
Внимание к владельцам атрибутов престижа	,193**	,461**	,323**	,536**	,533**	1
Месячный доход	-0,076	-0,009	0,023	-0,116	-0,05	-0,078

Примечание. \* – уровень значимости 0,5; \*\* – уровень значимости 0,01 (более значимо).

Note. \* – significance level 0.5; \*\* – significance level 0.01 (more significant).

Результаты корреляционного анализа показывают, что стремление к дорогостоящим покупкам вне зависимости от функционального содержания и к покупкам во что бы то ни стало имеет сильную взаимосвязь с вниманием к владельцам атрибутов престижа. Это говорит о стремлении молодых людей подражать владельцам престижной техники или одежды. Результаты корреляционного анализа свидетельствуют также о том, что стремление к дорогостоящим покупкам коррелирует со стремлением к функциональным приобретениям. В данном случае это означает, что часть людей ( $p = 0,680$ ) готовы заплатить за дорогостоящий товар ради качества и его функциональности, а не с целью выделиться из толпы.

Кроме того, проведенные исследования показали, что наблюдается сильная взаимосвязь стремления к владению атрибутами престижа и стремления к дорогостоящим покупкам ( $p = 0,57$ ). В данном случае люди, стремящиеся к приобретению престижных товаров, хотя и равняются на успешных людей.

Для того чтобы обладать атрибутами своих увлечений, молодые люди готовы потратить сумму, которая соразмерна с их месячным доходом, а возможно и превышает его. Данный факт демонстрирует желание потребителей стать частью группы людей согласно их интересам.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, согласно которому месячный доход



не имеет корреляционной связи ни с одним из показателей, что свидетельствует о том, что люди готовы покупать дорогостоящие вещи и при этом могут не иметь полноценной финансовой возможности для этого. Наблюдается стремление продемонстрировать свою успешность и стать похожим на успешных людей, несмотря на свой реальный доход, который может не позволять «безболезненно» для собственного бюджета совершать покупки такого рода. Как следствие, молодежь часто начинает брать кредиты, а индекс экономической тревожности начинает расти. Эти данные могут свидетельствовать об иррациональности потребительского поведения молодежи.

Результаты корреляционного анализа, представленные в табл. 3, свидетельствуют о наличии взаимосвязи показателей стремлений к дорогостоящим покупкам и индексом текущего благосостояния и, как следствие, с

индексом экономической тревоги. Это говорит о том, что приобретение дорогостоящих товаров ограничено финансовыми возможностями молодых покупателей. Когда люди принимают решение о покупке ценных товаров, не имея для этого финансовой возможности, они прибегают к кредитам или займам. Как следствие, уровень экономической тревожности начинает расти по причине того, что они берут обязательства выплачивать определенную сумму на заданный срок. Для того чтобы погасить задолженность, молодые люди вынуждены будут экономить и снижать издержки на свои жизненные потребности.

Индексы экономического оптимизма и финансовой депривированности имеют сильную взаимосвязь с месячным доходом. Объясняется это тем, что размер месячного дохода влияет на уровень экономического оптимизма, т. е. прогнозирует расходы людей, а следовательно, и

Таблица 3 / Table 3

**Корреляционный анализ показателей склонности к покупкам, субъективного экономического благополучия и дохода (по данным расчётов в программе SPSS)**  
**Correlation analysis of indicators of propensity to buy, subjective economic well-being and income (according to calculations in the SPSS program)**

Переменные	Индекс экономического оптимизма	Индекс текущего благосостояния	Индекс финансовой депривированности	Индекс экономической тревожности	Индекс адекватности дохода
Покупки во чтобы то ни стало	0,018	,232**	-0,04	,239**	-0,064
Стремление к дорогостоящим покупкам	0,031	,308**	0,126	,290**	0,099
Стремление к функциональным приобретениям	-0,041	,160*	,143*	,259**	,166*
Стремление к владению атрибутами увлечений	0,016	,152*	-0,032	0,072	0,004
Стремление к владению атрибутами престижа	0,111	,253**	0,096	,154*	-0,045
Внимание к владельцам атрибутов престижа	-0,031	,269**	-0,07	,228**	-0,08
Месячный доход	,198**	0,065	,180**	-0,015	0,032

Примечание. \* – уровень значимости 0,5; \*\* – уровень значимости 0,01 (более значимо).

Note. \* – significance level 0.5; \*\* – significance level 0.01 (more significant).



отражает оценку материального благополучия. Месячный заработок, очевидно, влияет и на индекс финансовой депривированности, который помогает оценить степень достатка финансовых средств для осуществления покупки.

Из табл. 3 следует, что среди молодых людей преобладают следующие желания: быстрее купить, быть похожим на успешных людей и т.д. и имеют неосознанный характер потребительского поведения.

Полученные результаты согласуются с ранее проведенными исследованиями, в которых показано, что дорогостоящие престижные покупки связаны с демонстративным потреблением. Например, Н. С. Фонталова и Т. В. Хренникова [11] получили данные, с которыми совпадает вывод и данного исследования, а именно, что потребительскому типу «демонстративность – статусность» характерно стремление к высокому положению в обществе. Покупка дорогостоящих вещей позволяет сформировать образ успешности. Как заметили указанные авторы, такой тип потребления определяется стремлением показать, что человек не является бедным и ради мнения о себе он готов «пустить пыль в глаза» и потратить для этого все деньги.

Если рассматривать наиболее обобщенные особенности потребительского поведения молодых людей, то можно отметить высокую активность потребления (в том числе неосознанное потребление) и быстрые хаотичные решения о необходимости в приобретении товаров и услуг [12].

## Заключение

На основе факторного анализа выявлены переменные, характеризующие виды потребностей людей в сфере дорогостоящих покупок: 1) стремление к функционально значимым покупкам; 2) стремление к атрибутам увлечений; 3) стремление к атрибутам престижа. Также установлены связи между факторами – межфункциональные и внутрифункциональные.

В результате корреляционного анализа показателей стремления к дорогостоящим покупкам установлена наиболее сильная связь двух переменных «Стремление к дорогостоящим покупкам» со «Стремление к функциональным приобретениям». Это свидетельствует о том, что молодые люди готовы приобрести дорогостоящий товар, но при условии, что он

должен нести функциональную ценность для покупателя. В этом случае можно говорить о преобладании осознанного потребления над демонстративным поведением молодых людей. Однако одновременно с этим имеется связь между склонностью к дорогостоящим покупкам и покупкам «во что бы то ни стало первыми», что свидетельствует о противоречивости потребительского поведения.

Проведенный корреляционный анализ между показателями склонности к дорогостоящим покупкам и характеристиками субъективного экономического благополучия продемонстрировал сильную связь между переменной «Стремление к дорогостоящим покупкам» с «Индекс текущего благополучия» и «Индекс экономической тревожности». Таким образом, с одной стороны, приобретение дорогостоящих товаров помогает молодым людям ощущать себя экономически благополучными, а с другой стороны, вызывает негативные переживания в связи с финансовыми и материальными проблемами после покупки.

Важно отметить, что молодые люди, помимо статусности товара, стали придавать большое значение его функциональности. По результатам проведенного исследования установлено, что у молодых покупателей преобладающей целью является обладание качественным и функциональным товаром, который будет удовлетворять потребности.

Проведенные исследования показали, что многим молодым людям присуще желание выделиться среди своих сверстников. Данное стремление у молодежи порождает мотивацию к достижению новых целей и повышает требования к дорогостоящим продуктам.

## Список литературы

1. Миронова Т. И. Социально-психологические особенности экономической социализации подростков и юношей // Альманах современной науки и образования. 2012. № 7. С. 93–95.
2. Фетискин Н. П., Миронова Т. И., Шепелева С. В. Динамика девиантных новообразований в онтогенезе личности. Кострома : Перо, 2017. 199 с.
3. Дробышева Т. В. Психология экономической социализации личности: основные формы и детерминанты. М. : Институт психологии РАН, 2023. 426 с.
4. Шамионов Р. М. Социализация личности: системно диахронический подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 27. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.10.2024), <https://doi.org/10.54359/ps.v6i27.725>



5. Кострова Ю. Б. Особенности потребительского поведения молодежи // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2022. № 4. С. 122–127.
6. Депутатова Е. Ю. Рационализация потребительского поведения в эпоху пандемии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 4-2 (62). С. 69–72. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10297>
7. Медведева О. С. Основные модели потребительского поведения в современных условиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 5-3. С. 88–93.
8. Байменова К. Ж. Основные тренды в изменении поведения потребителей к 2023 году в современной России // Шаг в науку. 2023. № 4. С. 102–105.
9. Хащенко В. А. Субъективное экономическое благополучие как предиктор субъективного качества жизни // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4, № 4. С. 13–29. <https://doi.org/10.1007/s10612-011-0044-x>
10. Шамионов Р. М., Сучков Е. Д. Роль источников информации, мотивации и ценностей в склонности молодежи к дорогостоящим покупкам // Социальная и экономическая психология. 2024. Т. 9, № 1 (33). С. 164–187. [https://doi.org/10.38098/ipran.sep\\_2024\\_33\\_1\\_08](https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2024_33_1_08)
11. Фонталова Н. С., Хренникова Т. В. Психологический анализ потребительского поведения студенческой молодежи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18, № 4. С. 48–54. <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2021-18-4-48-54>
12. Гомонов Д. И. Потребительское поведение студенческой молодежи // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2022. № 14. С. 196–199.
- ity: Basic forms and determinants]. Moscow, Publ. House “Institute of Psychology RAS”, 2023. 426 p. (in Russian).
4. Shamionov R. M. Socialization of personality: A systemic diachronic approach. *Psikhologicheskiye issledovaniya* [Psychological Studies], 2013, vol. 6, no. 27, pp. 8 (in Russian). Available at: <http://psystudy.ru> (accessed September 11, 2024). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i27.725>
5. Kostrova Yu. B. Features of consumer behavior of youth. *Vestnik Donetskogo Natsionalnogo Universiteta. Seriya B. Ekonomika i pravo* [Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and Law], 2022, no. 4, pp. 122–127 (in Russian).
6. Deputatova E. Yu. Rationalizing consumer behavior in the era of the pandemic. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], 2020, no. 4-2 (62), pp. 69–72 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10297>
7. Medvedeva O. S. The main models of consumer behavior in modern conditions. *Vestnik Altayskoy akademii nauk i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2019, no. 5-3, pp. 88–93 (in Russian).
8. Baymenova K. Zh. The main trends in changing consumer behavior by 2023 in modern Russia. *Shag v nauku* [Step into Science], 2023, no. 4, pp. 102–105 (in Russian).
9. Khashchenko V.A. Subjective economic well-being as a predictor of subjective quality of life. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2011, vol. 4, no. 4, pp. 13–29 (in Russian). <https://doi.org/10.1007/s10612-011-0044-x>
10. Shamionov R. M., Suchkov E. D. The role of sources of information, motivation and values in the propensity of young people to make expensive purchases. *Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Social and Economic Psychology], 2024, vol. 9, no. 1 (33), pp. 164–187 (in Russian). [https://doi.org/10.38098/ipran.sep\\_2024\\_33\\_1\\_08](https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2024_33_1_08)
11. Fontalova N. S., Khrennikova T. V. Psychological analysis of consumer behavior of student youth. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke* [Social and humanitarian sciences in the Far East], 2021, vol. 18, no. 4, pp. 48–54 (in Russian). <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2021-18-4-48-54>
12. Gomonov D. I. Consumer behavior of student youth. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo* [Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity], 2022, no. 14, pp. 196–199 (in Russian).

## References

1. Mironova T. I. Socio-psychological features of the economic socialization of adolescents and young men. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [The Almanac of Modern Science and Education], 2012, no. 7, pp. 93–95 (in Russian).
2. Fetiskin N. P., Mironova T. I. Shepeleva S. V. *Dynamika deviantnykh novoobrazovaniy v ontogeneze lichnosti* [Dynamics of deviant neoplasms in personality ontogenesis]. Kostroma, Pero, 2017. 199 p. (in Russian).
3. Drobysheva T. V. *Psikhologiya ekonomicheskoy sotsializatsii lichnosti: osnovnye formy i determinanty* [Psychology of economic socialization of personal-

Поступила в редакцию 10.07.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024;

принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024

The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 11.10.2024;

accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 446–451

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 446–451

<https://phpp.sgu.ru>

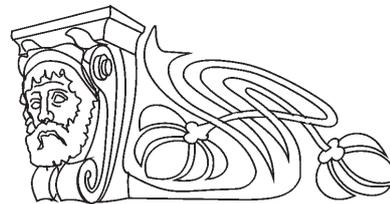
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-446-451>, EDN: UBBKQO

Научная статья

УДК 159.923+316.61

## Экосензитивность: феноменологический и дифференциальный анализ

С. В. Фролова



Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Фролова Светлана Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и консультативной психологии, [frolovasv71@mail.ru](mailto:frolovasv71@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

**Аннотация.** Во *введении* обосновываются актуальность феноменологического и дифференциального анализа общей способности сензитивности человека, содержание, форма и степень восприимчивости которого трансформируются в условиях возникновения экзистенциальных угроз жизни и возрастания цифровизации. Предпринятый *теоретический анализ предметного поля сензитивности* позволил выявить существующее, отчасти противоречивое, разнообразие вариантов использования его ключевой категории и сформулировать научную задачу упорядочивания, классификации и описания различных видов сензитивности на основе выделения различных систематизирующих критериев. В разделе, описывающем *феноменологический анализ сущностного содержания эгосензитивности и экосензитивности*, предложено дифференцирование двух генерализованных видов сензитивности личности, выделяемых на основе сущностного критерия расширения (сужения) сознания, обеспечивающего (ограничивающего) процесс личностного развития, выход за пределы замкнутого на себе организмического «Я», преодоление преград со стороны эгоцентрической и эгоистической фиксированности на своих слабо управляемых гедонистических желаниях и восхождение к духовному «Я». Даются определения эгосензитивности и экосензитивности. Рассматривается роль экосензитивности в формировании способностей самотрансцендентности, экологичности сознания, эмоциональной экологичности личности, потенциала психического здоровья и построении гармоничных взаимоотношений. В *заключении* подводятся итоги феноменологического анализа экосензитивности и намечаются перспективы ее дальнейшего изучения.

**Ключевые слова:** сензитивность, психофизиологическая сензитивность, характерологическая сензитивность, возрастная сензитивность, социальная сензитивность, экосензитивность, эгосензитивность, самотрансцендентность, эмоциональная экологичность, экологическое сознание, позитивное психологическое консультирование

**Для цитирования:** Фролова С. В. Экосензитивность: феноменологический и дифференциальный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 446–451. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-446-451>, EDN: UBBKQO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Eco-sensitivity: Phenomenological and differential analysis**

S. V. Frolova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana V. Frolova, [frolovasv71@mail.ru](mailto:frolovasv71@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

**Abstract.** The *introduction* provides the rationale for the topicality of phenomenological and differential analysis of a person's general sensitivity ability. The content, form and degree of a person's susceptibility can change when existential life-threatening situations arise and digitalization increases. *The theoretical analysis of the subject matter of sensitivity* made it possible to reveal a partly contradictory variety of applications of its key category and formulate research objectives of arranging, classifying and describing various types of sensitivity through identifying various systematizing criteria. The section that focuses on *the phenomenological analysis of the subject matter of ego-sensitivity and eco-sensitivity* suggests differentiating two generalized types of a personality's sensitivity that can be identified based on the essential criterion of expansion / narrowing of consciousness, that enhances / sets a limit on personal development, going beyond the self-absorbed bodily "I", overcoming obstacles of egocentric and selfish fixation on one's poorly controlled hedonistic desires and striving for the spiritual "I". The author proposes definitions of ego-sensitivity and eco-sensitivity. The article focuses on the role that eco-sensitivity plays in forming the capabilities of self-transcendence, eco-consciousness, personality's emotional ecological safety, potential of mental health and building harmonious relationships. The *conclusion* outlines the results of the phenomenological analysis of eco-sensitivity and the prospects for its further study.



**Keywords:** sensitivity, psychophysiological sensitivity, characterological sensitivity, age sensitivity, social sensitivity, eco-sensitivity, ego-sensitivity, self-transcendence, emotional ecological safety, eco-consciousness, positive psychological counseling

**For citation:** Frolova S. V. Eco-sensitivity: Phenomenological and differential analysis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 446–451 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-446-451>, EDN: UBBKQO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

С изменением жизненной среды происходит и переформирование потребностно-мотивационной, ценностно-смысловой сферы человека, меняются направленность, избирательность, сила и острота чувствительности к элементам и факторам окружающей действительности.

Содержание, форма и степень восприимчивости человека трансформируются в условиях возрастающей зависимости от растущего уровня цифровизации и виртуализации жизни. Субъективная значимость избирательно фильтруемой экранно-образной стимуляции, получаемой при помощи цифрового устройства, становится порой заметно выше, чем важность происходящих вокруг человека событий и оказывающихся рядом с ним людей. Близкая реальность может субъективно превращаться в отдаленную условность, а далекая реальность или вовсе несуществующая виртуальность – возводиться в ранг гиперзначимого эпицентра жизни.

На различных сторонах и свойствах целостной – биологической, психофизической, эмоциональной, социальной, культурной, духовной – сензитивности человека существенно сказываются характерные для современного общества объективно действующие в нем новые экзистенциальные угрозы жизни, связанные с общими цивилизационными вызовами, дефицитностью многих природных и экономических ресурсов, макросоциальной напряженностью, военными эскалациями, массовыми психотравмами потерь. Все это не может не сказываться на общих свойствах сензитивности человека, что делает особенно важными и актуальными задачи ее феноменологического и дифференциального анализа, определения ее онтологического статуса, атрибутивных свойств, выделения структурных элементов и основных выполняемых функций.

## Теоретический анализ предметного поля сензитивности

Сензитивность (англ. *sensitivity*), обобщенно понимаемая как восприимчивость,

чувствительность, является одной из базовых психических способностей, лежащей в основе успешности всех форм развития и адаптации человека и формирования многочисленных специальных способностей. Она служит поддержанию жизни как целостного процесса взаимодействия организма и окружающей его среды.

Ю. Б. Гиппенрейтер, описывая теорию А. Н. Леонтьева о происхождении психики [1], подчеркнула особую важность предложенного им главного, объективного, критерия психики – проявления чувствительности как способности «живых организмов реагировать на биологически нейтральные воздействия», находящиеся в объективной связи с биологически значимыми объектами и потому являющимися их потенциальными сигналами [2, с. 183]. Чувствительность психики представляет собой комплексную способность, состоящую не только в отражении нейтральных стимулов, но и в установлении их связей с сущностно значимыми объектами. За счет этого возможности выживания и адаптации многократно расширяются.

В психологическом знании сложились традиции использования различных понятий, производных от общей категории сензитивности: *психофизиологическая сензитивность* (чувствительность к воздействию физических стимулов внешней среды), *социальная сензитивность* (связанная с «чувственным отражением друг друга общающимися субъектами» [3, с. 11]), *характерологическая сензитивность* (как повышенная чувствительность человека к происходящим с ним событиям [4, с. 356]), *возрастная сензитивность* (присущая отдельному возрастному периоду особая чувствительность к определенному роду влияниям окружающей действительности, служащая оптимальному развитию конкретного класса психических свойств и процессов [4, с. 356; 5, с. 601]).

Начало фундаментальной научной разработки проблемы чувствительности в общем процессе социальной перцепции было положено в середине 60-х гг. XX в. в России благодаря трудам А. А. Бодалева. В его работах другой человек в межличностном общении стал рас-



смаиваться в качестве объекта восприятия [3]. Однако все еще мало изученным остается вопрос понимающего восприятия другого человека как переживающего субъекта.

Помимо понятия социального восприятия, обозначающего процесс отражения человеком особенностей других людей, групп, социальных ситуаций и построения их целостных образов, появилось и понятие социальной чувствительности как личностной способности, лежащей в основе успешности данной внутренней психической деятельности. Учет подмеченных и тонко прочувствованных изменений в социальных условиях и настроениях партнеров по общению помогает личности гибко выстраивать свое поведение, повышать свою адаптивность и более эффективно достигать поставленных целей. В конце 50-х гг. XX в., преимущественно в зарубежной практической психологии, начали активно создаваться и популяризоваться программы развития межличностной чувствительности, известные под названием тренингов чувствительности.

Стоит заметить, что, к сожалению, в литературных источниках достаточно часто обобщенным термином «чувствительность» обозначаются существенно различающиеся феномены. Иногда это может вызывать даже некоторое недоумение. Например, только знатоку нюансов употребления рассматриваемого термина будет понятно, в чем может состоять польза «тренинга чувствительности» [6] для гиперчувствительного, тревожного человека с повышенной чувствительностью [4, с. 356].

Такое разнообразие вариантов использования понятия чувствительности ставит задачу упорядочивания, классификации и описания различных ее видов на основе выделения множества систематизирующих критериев. Виды и формы чувствительности могут отличаться избирательностью и диапазоном чувствительности; мотивационно-потребностной, смысловой направленностью; содержанием центра и периферии; гибкостью (фиксированностью на отдельных предметах); степенью широты (суженности актуализируемого поля сознания); качеством, степенью адекватности отражения воспринимаемого материала; характером осуществления функций познания, прогнозирования, регуляции психических состояний, поведения и деятельности, коммуникации, социально-психологической адаптации, обеспечения личностного и социального развития.

### **Феноменологический анализ сущностного содержания эгосензитивности и экосензитивности**

Не имея возможности в рамках одной статьи остановиться на всех проявлениях чувствительности, обратимся лишь к одному из сущностных, на наш взгляд, системообразующих ее критериев. В качестве такового мы предлагаем рассматривать потенциально заложенную в чувствительности (и в развитых ее формах проявляющуюся) *способность обеспечивать условия для расширения сознания субъекта, для выхода его за пределы замкнутого на себе организмического «Я»* (или, в терминологии С. Л. Франка, низшего бесформенного «Я» [7, с. 165]), создавать возможности для преодоления в личностном – волевом, социальном, духовном – развитии ограничений со стороны эгоцентрической и эгоистической фиксированности на своих слабо управляемых гедонистических нуждах и желаниях и восхождения до своего высшего, духовного «Я» [7, с. 169]. Именно обретение духовного «Я» согласно философско-психологическому учению С. Л. Франка позволяет состояться целостному, завершеному формированию личности. Кроме того, как удачно заметил С. Л. Франк, основным критерием психического здоровья является «расширение нормального горизонта бытия», а не «его искусственное сужение» в сознании человека, которое происходит при всякой форме психотического расстройства, например, «будь то мания величия или мания преследования» [7, с. 158]. Любая форма психического помешательства основана на болезненной фиксации на одном, узко ограниченном переживании личного маленького мирка, который кажется центральным или даже единственным и всеисчерпывающим, подменяющим собой осознание собственной жизни в бесконечной перспективе бытия «во всей ее широте и полноте» [7, с. 158].

Критерий протективности расширения (сужения) сознания позволяет дифференцировать два разнонаправленных вида чувствительности: эгосензитивность и экосензитивность. Устойчивое свойство избирательной доминирующей восприимчивости личности к стимулам и факторам среды, субъективно имеющим значение для удовлетворения гедонистических, организмических потребностей и эгоистически ориентированных желаний, которая влечет за собой существенное сужение поля сознания



человека до своего ограниченного, замкнутого на себе эгоцентрического «Я», может быть названо *экосензитивностью*. В качестве вариантов проявления экосензитивности могут быть рассмотрены избирательная восприимчивость личностей с гедонистической или эгоистической жизненной направленностью [8, с. 110], а также обостренное эмоциональное реагирование личности с сенситивным типом акцентуации характера. Ярким проявлением повышенной экосензитивности служит психотический, выделенный в психиатрии симптом «дерево и стекло», для которого характерны «деревянная» эмоциональная тупость по отношению к переживаниям других людей и крайняя «стеклянная» хрупкость и ранимость в отношении самого себя.

Личностная восприимчивость к стимулам и факторам среды, сигнализирующим о нуждах и насущных потребностях, значимых переживаниях других субъектов, соотносящаяся не со своими эгоистическими и корыстными интересами, а с желанием проявлять сочувствие и заботу о других и влекущая сущностное расширение поля сознания человека и восхождение личности к своему высшему, духовному «Я», может быть названа *экосензитивностью*.

Введенное нами понятие экосензитивности уже рассматривалось ранее в качестве основы для формирования экологического сознания, охватывающего прогностическую рефлексию последствий своих поступков не только для естественной природы, но и для мира социальных взаимодействий, культурных связей и психологических субъектов [9]. Таким образом, экосензитивность в широком понимании предполагает способность «восприятия природных, социальных, культурных объектов как субъектов и полноправных партнеров по взаимодействию» [9, с. 447]. Экосензитивность была также проанализирована нами как важнейший фундамент развития эмоциональной экологичности личности [9].

С точки зрения непосредственных возможностей удовлетворения потребностей в выживании и развитии, стимулы внешнего мира, на которые ориентирована экосензитивность, являются нейтральными. Именно в способности реагирования на нейтральные стимулы А. Н. Леонтьев видел главную силу чувствительности [цит. по: 2, с. 183]. Он рассматривал функции сензитивности в общем – эволюционно-биологическом – контексте [1]. Для психики

же человека, являющегося не только существом биологическим, а еще социальным и духовным, спектр непосредственно нейтральных, но опосредствованно значимых стимулов (благодаря осмысливанию субъектом) существенно расширяется. Это происходит за счет увеличения диапазона развивающихся новых потребностей – не только физиологических, подчиняющих себе волю человека в настоящем моменте времени, но и психологических (эмоциональных, когнитивных, конативных, ценностных), социальных, культурных и духовных, способных значительно раздвигать границы переживаний личности в пространстве и времени. Одной из таких характерных для человека, наиболее высокого уровня развития потребностей, является духовная потребность в смысле жизни.

Психологическое, ментальное, духовное расширение границ жизни человека присуще феномену самотрансцендирования личности как ментальному переживанию выхода за пределы своего ограниченного телесного существования, описанию которого посвятили свои труды такие великие мыслители и психологи, как С. Л. Франк [7] и В. Франкл [10, с. 51].

Экосензитивность способна служить одним из основополагающих психологических механизмов самотрансцендирования как одного из важнейших проявлений духовности личности. Причем, введение понятия экосензитивности в общую систему самотрансцендирования позволяет уточнить ее ценностно-смысловые, мотивационные характеристики, движущие в процессе такой внутренней преобразовательной деятельности: стремление выйти за пределы самого себя обусловлено не экспансивно-агрессивными или корыстно-прагматическими целями, а поиском смыслов своей жизни в посвящении себя служению чему-то большему, чем индивидуальное, эгоцентрическое «Я».

Понятие экосензитивности легло в основу построения одного из методологических принципов разрабатываемой нами модели позитивного психологического консультирования, учитывающего важность развития здорового, основанного на эмоциональном вчувствовании и взаимопонимании, сотрудничества в социальной системе клиента, а также обращая особое внимание на систему психологических отношений человека к разнообразным элементам внешней – природной и культурной – сре-



ды, играющих важную роль в формировании социально-психологической адаптивности и самореализации личности [11].

### Заключение

Новые экзистенциальные вызовы, макро-социальная напряженность, цифровизация, сопряженная с возрастанием виртуализации познания, коммуникации, самовыражения человека, существенно сказываются на переформировании его ценностей, смыслов и изменениях направленности, избирательности, силы и остроты чувствительности к элементам и факторам окружающей действительности.

Проведенный теоретический анализ общего проблемного поля сензитивности позволил обнаружить большое и отчасти противоречивое разнообразие вариантов использования его ключевой категории, что делает необходимым решение задачи упорядочивания и классификации различных видов и форм ее проявлений.

Осмысление фундаментальных свойств сензитивности позволило выделить такой ее сущностный критерий, как протективность расширения (сужения) сознания субъекта, и дифференцировать на основе его учета два противоположно направленных генерализованных вида изучаемого явления: эгосензитивность и экосензитивность.

Под эгосензитивностью можно понимать устойчивое свойство избирательной доминирующей восприимчивости личности к стимулам и факторам среды, субъективно имеющим значение для удовлетворения гедонистических, организмических потребностей и эгоистически ориентированных желаний, которая влечет за собой существенное сужение поля сознания человека до своего ограниченного, замкнутого на себе эгоцентрического «Я».

Экосензитивность являет собой развитую способность личностной восприимчивости к стимулам и факторам среды, сигнализирующим о нуждах и насущных потребностях, значимых переживаниях других субъектов, которая соотносится личностью не со своими эгоистическими и корыстными интересами, а с желанием проявлять сочувствие и заботу о других и служит сущностному расширению поля сознания человека и его восхождению к своему высшему, духовному «Я».

Феноменологический анализ экосензитивности дает возможность увидеть ее позитивное

участие в формировании способностей к экологическому осознанию мира, эмоциональной экологичности, развитию потенциала психического здоровья, построению гармоничных взаимоотношений с окружающими, самотрансцендированию и духовному росту личности.

Перспективы развития знания в области проблемного поля экосензитивности связаны, во-первых, с более тщательной и конкретной операционализацией ключевой ее категории экосензитивности и с разработкой психодиагностических инструментов, позволяющих фиксировать уровень ее выраженности у различных индивидов и социальных групп. Во-вторых, необходимым является изучение внутренних и внешних факторов возрастного, личностного и культурно обусловленного развития данной способности. В-третьих, существенно важной задачей становится поиск психологических преобразующих средств, позволяющих регулировать и оптимизировать проявление данной способности личности и группы, ведь экосензитивность способна выступать в протективной роли по отношению к развитию потенциала психического здоровья, стратегий совладания со всевозможными стрессами и кризисами и гармоничных взаимоотношений в социальных группах.

### Список литературы

1. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М. : Издательство Академии педагогических наук, 1959. 496 с.
2. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию: курс лекций. М. : АСТ, 2019. 352 с.
3. Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. 2-е изд. М. : Энциклопедист-Максимум ; СПб. : Мирь, 2015. 240 с.
4. Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М. : Политиздат, 1990. 404 с.
5. Большой психологический словарь. 4-е изд., расширенное / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М. : АСТ: АСТ МОСКВА; СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. 811 с.
6. Смит Г. К. Тренинг прогнозирования поведения: тренинг сензитивности. СПб. : Речь, 2001. 256 с.
7. Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М. : Директ-Медиа, 2008. 281 с.
8. Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М. : ТЦ «Сфера», «Юрайт-М», 2001. 464 с.



9. Фролова С. В. Эмоциональная экологичность личности: феноменологический анализ и перспективы исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 445–451. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-445-451>
10. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
11. Фролова С. В. Позитивное психологическое консультирование: теоретические начала и методологические основания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 427–439. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-427-439>
5. *Bolshoy psikhologicheskii slovar* [Meshcheryakova B. G., Zinchenko V. P., by total eds. Large Psychological Dictionary]. Moscow, AST: AST MOSKVA; St. Petersburg, Praym-EVROZNAK, 2009. 811 p. (in Russian).
6. Smit G. K. *Trening prognozirovaniya povedeniya: trening sensitivnosti* [Behavior Prediction Training: Sensitivity Training]. St. Petersburg, Rech, 2001. 256 p. (in Russian).
7. Frank S. L. *Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu* [The Soul of Man. Introduction to Philosophical Psychology]. Moscow, Direkt-Media, 2008. 281 p. (in Russian).
8. Kulagina I. Yu., Kolyutskiy V. N. *Vozrastnaya psikhologiya: Polnyy zhiznennyi tsikl razvitiya cheloveka* [Developmental psychology: The complete life cycle of human development]. Moscow, "Sfera", "Yurayt-M", 2001. 464 p. (in Russian).
9. Frolova S. V. Personality's emotional ecological safety: phenomenological analysis and research prospects. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 445–451 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-445-451>, EDN: QCOXQR
10. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow, Progress, 1990. 368 p. (in Russian).
11. Frolova S. V. Positive psychological counseling: Theoretical bases and methodological foundations. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 427–439 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-427-439>

## References

Поступила в редакцию 12.10.2024; одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024  
The article was submitted 12.10.2024; approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



## ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 452–458

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 452–458  
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-452-458>

EDN: UCVVTE

Научная статья  
УДК 378.01

### Гуманитарное знание о профессии в подготовке будущих педагогов

Э. В. Балакирева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, корп. 11, ауд. 26

Балакирева Эльфрида Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики непрерывного педагогического образования, [bal-elvira@yandex.ru](mailto:bal-elvira@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7847-7437>

**Аннотация. Введение.** Проблемы развития и обновления отечественного высшего образования как профессионального обусловлены возрастающими требованиями государства и общества к подготовке высококвалифицированных работников для любой сферы общественного производства. Вариативные запросы работодателей на квалифицированных работников, владеющих трансфессиональными компетенциями, обостряют проблемы обновления содержания и процесса профессиональной подготовки педагогов. Эти проблемы связаны с необходимостью переориентации запросов рынка педагогического труда на специалистов не только владеющих профессиональными компетенциями, но и ориентированных на ценностное взаимодействие с людьми в трудовом коллективе и профессиональном сообществе. **Теоретический анализ.** В профессиональной подготовке будущих педагогов в вузе особую значимость приобретает гуманитарное знание о профессии, которое может рассматриваться как академическое знание и как прикладной, действенный инструмент гуманитаризации понятия профессии. Формирование сознательного отношения человека к профессии, идентификации себя по отношению к ней характеризует гуманитаризацию понятия профессии как человекосоразмерного. **Заключение.** Контекстный анализ проблем обновления подготовки будущих педагогов позволил сделать вывод о том, что гуманитарное знание о профессии педагога способствует не только самоорганизации и самоопределению в будущей профессиональной педагогической деятельности, которая поливариативна по сути и по содержанию, но и воспитывает у студентов интегративное качество профессиональной идентичности.

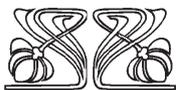
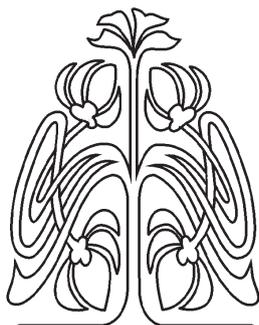
**Ключевые слова:** высшее образование, профессиональное педагогическое образование, подготовка педагогов, профессия педагога, профессиология, профессиологический подход, гуманитарное знание

**Благодарности.** Работа выполнена при финансовой поддержке Минпросвещения России в рамках государственного задания по теме «Трансформация высшего педагогического образования на основе реализации гибких адаптивных образовательных программ» (Код научной темы, присвоенной учредителем, VRFY-2024-0003).

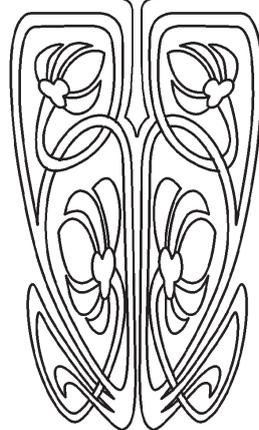
**Для цитирования:** Балакирева Э. В. Гуманитарное знание о профессии в подготовке будущих педагогов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 452–458. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-452-458>, EDN: UCVVTE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

© Балакирева Э. В., 2024



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





Article

## Humanitarian knowledge of the profession in the training of future teachers

E. V. Balakireva

Herzen State Pedagogical University of Russia, room 26, building 11, 48 Moika Embankment, Saint Petersburg 191186, Russia

Elfrida V. Balakireva, bal-elvira@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7847-7437>

**Abstract. Introduction.** The problems of development and renewal of domestic higher education as a professional one are caused by the increasing demands of the state and society for training highly qualified workers for any sphere of public production. Variable demands from employers for qualified workers with transprofessional competencies exacerbate the problems of updating the content and process of teachers' professional training. These problems are related to the need to reorient the demands of the teaching labor market to specialists who not only have professional competencies, but also focus on value-based interaction with people in the workforce and professional community. **Theoretical analysis.** In the professional training of future teachers at the university, humanitarian knowledge about the profession is of particular importance. It can be considered both as academic knowledge and as an applied, effective tool for humanizing the concept of profession. The formation of a conscious attitude of a person to the profession and identification of oneself in relation to it characterizes the humanization of the concept of profession as a human-sized. **Conclusion.** A contextual analysis of the problems of updating the training of future teachers allowed us to conclude that humanitarian knowledge about the teacher's profession contributes not only to self-organization and self-determination in future professional pedagogical activity, which is multivariate in essence and content, but also educates students with an integrative quality of professional identity.

**Keywords:** higher education, professional pedagogical education, teacher training, teaching profession, professionology, professionological approach, humanitarian knowledge

**Acknowledgements.** The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education of the Russian Federation within the framework of the state assignment on the topic "Transformation of higher pedagogical education based on the implementation of flexible adaptive educational programs" (the code of the scientific topic assigned by the founder VRFY-2024-0003).

**For citation:** Balakireva E. V. Humanitarian knowledge of the profession in the training of future teachers. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 452–458 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-452-458>, EDN: UCWTE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

В условиях современного постиндустриального развития российского общества и экономики, принимая во внимание мировые тенденции, необходимо уделить особое внимание непрерывному профессиональному образованию, поскольку образование было, есть и будет оставаться неотъемлемой частью жизни каждого человека.

С сентября 2023 г. указом Президента России В. В. Путина запущен пилотный проект по совершенствованию системы высшего образования. Вместо бакалавриата и специалитета вводится уровень базового высшего образования. Магистратура будет относиться к уровню специализированного высшего образования, а аспирантура – к уровню профессионального образования<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343 (ред. от 26.06.2023) «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005?ysclid=m435psi7qb187380233> (дата обращения: 09.10.2024).

К 2026 г. в России произойдет существенное обновление системы подготовки специалистов в вузе, которое будет связано с необходимостью переосмысления профессионального контента в содержании высшего образования. Особую актуальность сегодня приобретает высказывание великого русского ученого Д. И. Менделеева, который еще в начале прошлого века утверждал, что высшее образование является главной целью образования человека, получившего среднее образование и удовлетворяющего норме подготовки, которая заложена в учебных программах высшего образования [1].

Актуальными также остаются положения Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века<sup>2</sup> (Париж, 1998 г.) о том, что подготовка высококвалифицированных специалистов должна осуществляться на основе использования курсов и учебных программ, постоянно адаптируемых к развивающимся потребностям общества.

<sup>2</sup> Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры от 9 октября 1998 г.: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901839539?ysclid=m4ls473r9j918462107> (дата обращения: 09.10.2024).



В этой связи профессиональную подготовку педагогов следует рассматривать в качестве «динамичного конструкта, который постоянно проектируется в совместной деятельности преподавателей, студентов, работодателей с учетом заданных целей» [2, с. 37]. Результатом такой подготовки должен быть выпускник, владеющий комплексом компетентностей с учетом образовательных возможностей конкретных студентов, усиливающих ценностно-смысловые аспекты этой подготовки.

Следует отметить, что в то же время должна происходить «переориентация потребностей рынка труда на “человеческое в человеке”, на творческое начало, на культурные, ценностные аспекты взаимодействия людей в трудовом процессе, на всё то, что машины не могут реализовать» [3, с. 18]. Поэтому повышается значимость гуманитарного знания о профессии в подготовке будущих педагогов.

Сделаем попытку описать ценности в образовании, которые, на наш взгляд, должны быть в основе проектирования современной профессиональной подготовки педагогов.

Современная педагогическая практика все чаще встречается с проблемами отчужденности студентов от профессии, в рамках которой они осваивают образовательную программу определенного профиля. Ежегодный анализ эссе студентов на разных курсах обучения (младших и старших) об их отношении к будущей профессиональной педагогической деятельности показывает, что в их образовательной деятельности преобладают цели получения документа о высшем образовании, нежели о перспективах трудоустройства по специальности и профилю обучения.

В этой ситуации основным образовательным ориентиром становится личность студента с ее личностными качествами, профессиональными намерениями, притязаниями, интересами и возможностями успешного профессионального становления и самоопределения по окончании обучения.

Таким образом, подготовка будущего педагога должна иметь гуманистическую направленность на развитие ценностного отношения к личности каждого обучающегося, предоставлять возможности самостоятельного выбора траектории профессионального становления на основе гуманитарного знания о профессии педагога.

## Теоретический анализ

Педагогическое образование, по сути, является гуманитарным, ориентированным на человека. Источником гуманитарного знания является сам человек, в котором гуманитарное знание зарождается на совокупности ценностей, фиксируемых в научных, художественных, духовно-душевных текстах, мыслях. Оно приобретает личностный смысл, когда личность присваивает эти знания для себя как ценность.

Ценности формируются в деятельности на основе приобретаемого опыта. В опыте ценности проверяются и переоцениваются по результатам рождения нового опыта, способствующего развитию отношений в процессе взаимодействия и общения (С. В. Христофоров [4]).

Системообразующим фактором достижения современных целей высшего образования является взаимодействие личности обучающегося с профессией на всех этапах ее освоения в системе непрерывного педагогического образования: выбор, качество освоения, содержание деятельности, восхождение к вершинам профессионализма. Именно в образовательном процессе формируются и впоследствии отражаются в будущей профессиональной деятельности ценности студента через его отношение к самому обществу, истории его становления и развития, к себе как личности.

Взаимодействие личности с профессией существенно усложняется современной ситуацией на рынке труда, в том числе и педагогического, характеризующейся растущим спросом на кадры, владеющие не только профессиональными, но и трансфессиональными компетенциями. Последние выходят за рамки подготовки специалистов определенного профиля и связаны либо с освоением компетенций смежных областей профессиональной деятельности, либо с развитием личностных компетенций специалиста.

Сегодня нарастает интерес исследователей к пониманию «профессии» как «трансфессии»<sup>3</sup> именно потому, что к выпускнику предъявляются высокие требования не только как специалисту, но и как к потенциальному работнику, способному постоянно учиться,

<sup>3</sup> Автор придерживается позиции по вопросу понимания «трансфессии» как активность деятельности работника в рамках профессии, которую он осуществляет. Результатом такой активности является развитие у работника не только профессиональных, но и транспрофессиональных компетенций.



переучиваться, быстро овладевать дополнительными компетенциями, которые требуются при трудоустройстве на вакантные должности.

Атлас новых профессий<sup>4</sup>, раскрывая богатую палитру потребностей рынка труда в специалистах, в том числе и в сфере образования, к сожалению, способствует формированию искаженного представления об образе профессии как целостного социально-экономического явления, как многофакторного и многоуровневого понятия. Профессия для человека в идеале – более сложная категория, чем простая совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения конкретного вида деятельности [5]. В современном мире профессия представляет собой некое пространство жизнедеятельности человека для усвоения норм и ценностей общества, в котором он живет.

Очевидно, что профессиональное образование человек начинает получать не в детском саду, и не в школе, а только при поступлении в колледж, вуз, либо после окончания школы осваивает профессию непосредственно на рабочем месте. Вместе с тем, именно в дошкольном возрасте и на начальном этапе школьного образования начинается раннее знакомство с профессиями. Дошкольники и учащиеся начальной школы знакомятся в игровой форме с разными профессиями, отвечая на вопрос: «Кем они хотят быть, когда вырастут»?

В основной и старшей школе подростки ориентируются в поле выбора своего дальнейшего пути в образовании или места трудовой деятельности. На этом этапе школьники достаточно активно изучают себя, свои личностные и психолого-физиологические особенности, которые определяют их склонности и способности к тому или иному виду профессиональной деятельности. Безусловно, знания о себе способствуют выбору школьниками предпрофильной и профильной подготовки. Результатом такой подготовки является успешная сдача ЕГЭ и поступление в вуз. На данной ступени образования также можно отметить, что выпускники школы вряд ли готовятся к выбору профессии.

Вузовский этап профессионального образования, в том числе и педагогического, характеризуется существенным усложнением задач, связанных с профессиональной ориентацией, профессиональным становлением и профессиональным самоопределением буду-

щего педагога. От успешности решения таких задач зависит формирование профессиональной позиции выпускника к профессии, в рамках которой он обучается и осваивает конкретный вид профессиональной деятельности специалиста (учитель конкретного предмета, социальный педагог, педагог дополнительного образования, воспитатель детского сада и т.п.).

На послевузовском этапе профессионального образования выпускники вузов, будучи молодыми специалистами, продолжают совершенствовать свою профессиональную квалификацию и мастерство на пути к профессионализму.

Таким образом, форма и содержание подготовки человека к выбору профессии на разных этапах непрерывного образования осуществляется опосредованно и существенно отличается по мере его взросления и личностного развития. Этап высшего образования является для человека основным и определяющим на пути его становления как будущего профессионала в выбранной сфере деятельности.

Профессиональную подготовку будущих педагогов в вузе можно определить как процесс непрерывный, индивидуально-ориентированный, поскольку каждый этап этой подготовки, от курса к курсу, характеризуется не только спецификой будущей профессиональной деятельности, которую он осваивает, но и индивидуальными особенностями каждого обучающегося.

Многолетний опыт педагогической деятельности автора в вузе и наблюдений за профессиональным становлением студентов в процессе подготовки к будущей профессиональной деятельности позволяет сделать вывод о том, что успешность этого процесса во многом зависит от мастерства преподавателей вуза. Именно преподаватели являются основными наставниками, кураторами, консультантами в процессе активного включения студентов в процесс освоения будущей профессиональной деятельности через различные формы и содержание профессиональной ориентации последовательно от первого к последнему курсу обучения на основе гуманитарного знания о профессии.

Благодаря гуманитарному знанию о профессии педагога человек имеет возможность ориентироваться в окружающем мире, мире педагогического труда, понимать процессы, происходящие вокруг него, принимать реше-

<sup>4</sup> Атлас новых профессий. URL: <https://new.atlas100.ru/> (дата обращения: 15.11.2024).



ния по возникающим проблемам в профессии: трудоустройства, адаптации в трудовом коллективе, профессиональной карьеры и т.п. [6].

Объектом гуманитарного знания о профессии педагога является трудовая реальность во всей сложности и многообразии профессиональной педагогической деятельности. В объект гуманитарного знания о профессии вписан сам человек, вовлеченный в активную деятельность по преобразованию сложившейся трудовой реальности.

Предметом гуманитарного знания является специфика методов и методологии познания человеком профессии как целостного социально-экономического явления, а не только конкретного вида профессионально-педагогической деятельности. Гуманитарное знание для человека, осваивающего профессию, приобретает личностный смысл, порождающий отношения между людьми этой профессии, которые впоследствии проявляются в действиях, поступках и мыслях человека об этой профессии.

Природа современного гуманитарного знания о профессии может рассматриваться как академическое знание и как прикладной, действенный инструмент работы с этим знанием. Сознательное отношение к профессии, идентификация себя по отношению к ней характеризует гуманитаризацию понятия профессии, т.е. оно становится человекосоразмерным [7]. В этом смысле не только профессия владеет человеком, определяя требования к нему, но и человек владеет профессией, оказывая влияние на ее развитие или исчезновение.

Таким образом, гуманитарное знание позволяет интерпретировать академическое знание «о деятельности» в знание «в деятельности». Оно выступает по отношению к человеку как персональное и индивидуальное знание, которое он может использовать в своей профессиональной деятельности.

Выявление и использование в системе непрерывного профессионального образования гуманитарного знания о профессии существенно усложняется из-за нечеткости и размытости формулировок и трактовки понятия «профессия» и ее структурных понятийных составляющих: «специальность», «должность», «квалификация». В различных нормативно-законодательных документах, например, в профессиональных стандартах и даже в документах Международной организации труда (специализированного института

при ООН), средствах массовой информации, можно увидеть разные трактовки этих понятий. Такое разночтение порождает проблемы профессиональной ориентации и профессионального самоопределения человека и, как следствие, профессионального становления личности на всех этапах освоения профессии в системе непрерывного профессионального образования. В этой связи следует понимать, что каждое из понятий обладает определенной спецификой и не может быть синонимом понятия «профессия» [8].

Не каждая трудовая деятельность является профессиональной. Некоторые виды неквалифицированного труда не требуют специальной подготовки. Многие исследователи (А. П. Беляева, А. М. Маркова, Л. С. Московчук, Д. А. Пахомова и др.) отмечают, что профессиональная деятельность формируется только в процессе подготовки, в процессе освоения профессии на каждом этапе непрерывного профессионального образования. В результате такой подготовки создаются условия развития у будущего специалиста, профессионального интереса и отношений в профессиональном сообществе.

В настоящее время наблюдаются качественные изменения профессии педагога за счет изменений в структуре разделения педагогического труда. В образовательных организациях трудятся педагоги разного профиля и квалификации: учителя, воспитатели, преподаватели, социальные педагоги, педагоги-психологи, педагоги дополнительного образования. Возрастающие требования к педагогическим работникам актуализируют проблему развития у них трансфессиональных компетенций.

Эти обстоятельства, безусловно, отражаются на системе подготовки педагогов в вузе и обуславливают необходимость расширения перечня профилей подготовки, соответствующей запросам рынка педагогического труда, что, в свою очередь, создает проблемы регламентации такой подготовки на основе профессиональных стандартов, разработка которых явно отстает от запросов работодателей.

## Заключение

Сегодня в центре внимания многих исследователей оказываются вопросы, связанные с профессиональным образованием и профессиональной подготовкой специалистов для раз-



личных отраслей общественного производства. Происходит становление профессиональной науки о профессиональных явлениях в обществе, о социальной сущности профессиональной деятельности и путях формирования профессионального сознания и профессионализма личности (В. А. Цвык [9]).

Выявленная значимость гуманитарного знания о профессии в профессиональной подготовке будущего педагога обуславливает необходимость разработки новой научной дисциплины «Педагогической профессиональной». На наш взгляд, эта дисциплина может стать источником обновления содержания педагогического образования как профессионального, способствовать формированию образа профессии педагога как динамической системы многопрофильной педагогической деятельности.

Кроме того, на основе нового научного знания о профессии педагога появятся обоснования для разработки и реализации основных профессиональных образовательных программ подготовки педагогов разного профиля и уровня квалификации.

Профессия педагога как сфера профессиональной деятельности может стать более привлекательной и понятной с позиций выбора пути ее освоения. Возрастет степень «свободы личного выбора» в педагогической деятельности, которая заключается в свободе профессионального творчества педагога, предполагающая его личностную и профессиональную ответственность [10]. В результате личного выбора у педагога формируется устойчивая профессиональная позиция, ценностное отношение педагога к своей профессиональной деятельности и к себе как профессионалу.

Таким образом, гуманитарное знание о профессии имеет особую значимость в формировании профессиональной позиции будущих педагогов. Приоритетная роль в этом процессе принадлежит преподавателям. Любая деятельность студента, на занятии или на практике, должна носить личный смысл, мотив, анализ своих поступков и действий, ориентирующих его на диалогическое отношение в процессе обучения, формирование системы смыслов. С этой целью содержание и организация обучения каждой учебной дисциплине должны быть адаптированы [11] с учетом гуманитарного знания о профессии у студентов. Это будет способствовать не только самоорганизации и самоопределению в будущей профессиональной

педагогической деятельности, которая поливариативна по сути и по содержанию, но и воспитывать у студентов интегративное качество профессиональной идентичности.

Все дисциплины и курсы учебного плана уникальны по своему содержанию. Результаты освоения каждой из них должны оцениваться не менее уникальными методиками, позволяющими выявить духовные, личностные, субъективные качества и ценности студентов по отношению к будущей профессиональной деятельности.

Представленная в статье позиция автора открывает перспективу междисциплинарных исследований, связанных с совершенствованием профессиональной подготовки будущих педагогов на основе гуманитарного знания о профессии педагога.

### Список литературы

1. Заветные мысли Д. Менделеева. СПб. : типо-лит. М. П. Фроловой, 1903–1905. 428 с.
2. Тряпицына А. П. Содержание современной профессиональной подготовки студентов – будущих учителей (доклад на заседании Президиума Российской академии образования 26 июня 2013 г.) // Известия Российской академии образования. 2013. № 3 (27). С. 35–48. EDN: RPRAEB
3. Бутенко В., Полуни К., Котов И., Сычева Е., Степаненко А., Занина Е., Ломп С., Руденко В., Топольская Е. Россия 2025: от кадров к талантам. The Boston Consulting Group, 2017. С. 18. URL: [http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills\\_Outline\\_web\\_tcm26-175469.pdf](http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf) (дата обращения: 15.11.2024).
4. Христофоров С. В. Дефиниция опыта в педагогике: сущностные характеристики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. № 7 (17): Психолого-педагогические науки (педагогика, психология, теория и методика обучения). С. 46–54. EDN: MSSKJR
5. Балакирева Э. В. Ценности и смыслы профессионального подхода к современному педагогическому образованию // Человек и образование. 2018. № 1 (54). С. 27–32. EDN: XMRFIL
6. Степанчук О. А. Гуманитарные знания: инновационность и преемственность // Педагогика: традиции и инновации : материалы I Междунар. науч. конф. (Челябинск, октябрь 2011 г.) : в 2 т. Челябинск : Два комсомольца, 2011. Т. 1. С. 24–27. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/19/1033/> (дата обращения: 15.11.2024).
7. Зуев С. Э. Гуманитарное знание: подход, ресурс и проект общественного развития. Лекция в Открытом университете г. Чебоксары, 22 марта 2003 г.



- URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/687> (дата обращения: 15.11.2024).
8. Московчук Л. С., Пахомова Л. А. Профессия как предмет философского анализа // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 11-2. С. 136–139. EDN: UYYBMD
  9. Цвык В. А. Профессиология в структуре социально-гуманитарного знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. № 4. С. 21–27. EDN: JUTDIF
  10. Титова Е. В. Теория личного выбора в педагогической деятельности // Непрерывное образование: XXI век. 2016. № 1 (13). С. 104–117. EDN: VQBPVP
  11. Власова Е. З. Адаптивные технологии обучения как средство оптимизации управления учебной деятельностью студентов // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2011. № 4 (18). С. 6–15. EDN: OOGIHZ
  4. Khristoforov S. V. Definition of experience in pedagogy: Essential characteristics. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2006, iss. 7 (17), pp. 46–54 (in Russian). EDN: MSSKJR
  5. Balakireva E. V. Values and meaning of professional approach to modern pedagogical education. *Man and Education*, 2018, iss. 1 (54), pp. 27–32 (in Russian). EDN: XMRFIL
  6. Stepanchuk O. A. Humanitarian knowledge: Innovation and continuity. *Pedagogika: traditsii i innovatsii. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoy konferentsii: v 2 t. (Chelyabinsk, oktyabr 2011 g.)* [Pedagogy: Traditions and Innovations. Proc. I Intern. Scientific Conf.: in 2 vols. (Chelyabinsk, October 2011)]. Chelyabinsk, Dva komsomol'tsa Publ., 2011, vol. 1, pp. 24–27 (in Russian). Available at: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/19/1033/> (accessed November 11, 2024).
  7. Zuev S. E. *Humanitarian knowledge: Approach, resource and project of social development. Lecture at the Open University (Cheboksary, March 22, 2003)* (in Russian). Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/687> (accessed November 11, 2024).
  8. Moskovchuk L. S., Pakhomova L. A. Profession as a subject of philosophical analysis. *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, 2015, no. 11-2, pp. 136–139 (in Russian). EDN: UYYBMD
  9. Tsvyk V. A. Occupational studies among other social and humanitarian disciplines. *RUDN Journal of Sociology*, 2008, iss. 4, pp. 21–27 (in Russian). EDN: JUTDIF
  10. Titova E. V. The theory of personal choice in pedagogical activity. *Lifelong Education: The XXI Century*, 2016, iss. 1 (13), pp. 104–117 (in Russian). EDN: VQBPVP
  11. Vlasova E. Z. Adaptive learning technology as a means to optimize the management of learning activities of students. *The Tidings of the Baltic State Fishing Fleet Academy. Psychological and Pedagogical Sciences*, 2011, iss. 4 (18), pp. 6–15 (in Russian). EDN: OOGIHZ

## References

Поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 07.11.2024;  
принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024  
The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 07.11.2024;  
accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 459–463  
*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 459–463  
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-459-463>, EDN: VYWKXH

Научная статья  
УДК 376.01(470+571)



## Научно-методологические основания становления и развития инклюзивного образования в научно-образовательном комплексе

А. С. Ильин

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Россия, 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, д. 89  
Ильин Андрей Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, [andrei\\_ilin\\_88@mail.ru](mailto:andrei_ilin_88@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-1910-8244>

**Аннотация. Введение.** Создание условий для получения качественного образования каждым гражданином является приоритетной государственной задачей. Одним из путей ее решения является инклюзивная трансформация образования. В педагогической науке существует проблема недостаточного теоретико-методологического обоснования становления и развития инклюзивного образования, что приводит к многообразию инклюзивных образовательных практик и порою низкой их эффективности. **Теоретический анализ.** Анализ научных трудов позволил уточнить содержание основных категорий исследования, раскрыть сущность научно-образовательного комплекса. Новизна настоящего исследования заключается в комплексном обосновании теоретико-методологических оснований предмета изучения на различных уровнях методологического знания, которые представлены философскими направлениями – экзистенциализмом и конструктивизмом, экосистемным, феноменологическим, антропологическим, системо-мыследеятельностным и синергетическим подходами. Показано, что инклюзивному образованию по масштабам преобразований соответствует коллективный субъект деятельности. **Заключение.** Обоснованы теоретико-концептуальные основания развития инклюзивного образования, выявлены его сущностные характеристики становления; доказано, что для обеспечения данных процессов необходим коллективный субъект деятельности, и первоочередной задачей становится задача формирования инклюзивного мышления и инклюзивной культуры профессионального педагогического сообщества.

**Ключевые слова:** инклюзивное образование, научно-образовательный комплекс, становление и развитие инклюзивного образования, методологические основы, коллективный субъект деятельности

**Благодарности.** Исследование выполнено по проекту «Теоретико-методические основы и практические аспекты развития инклюзивного образования в поликультурной образовательной среде региона», который реализуется при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ, в рамках государственного задания № 073-00017-24-03 ПР.

**Для цитирования:** Ильин А. С. Научно-методологические основания становления и развития инклюзивного образования в научно-образовательном комплексе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 459–463. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-459-463>, EDN: VYWKXH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Scientific and methodological foundations for the formation and development of inclusive education in the scientific and educational complex**

A. S. Ilyin

Krasnoyarsk State Pedagogical University after V. P. Astafyev, 89 A. Lebedeva St., Krasnoyarsk 660049, Russia

Andrey S. Ilyin, [andrei\\_ilin\\_88@mail.ru](mailto:andrei_ilin_88@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-1910-8244>

**Abstract. Introduction.** Creating conditions for every citizen to receive a quality education is one of the priority government tasks. One of the ways to solve this problem is the inclusive transformation of education. At the same time, in pedagogical science there is a problem of insufficient theoretical and methodological justification for the formation and development of inclusive education, which leads to a variety of inclusive educational practices and sometimes their low effectiveness. **Theoretical analysis.** The analysis of scientific works made it possible to clarify the content of the main categories of the research and reveal the essence of the scientific and educational complex. The novelty of our research lies in the comprehensive substantiation of the theoretical and methodological foundations of the research subject at various levels of methodological knowledge, which are represented by the philosophical directions of existentialism and constructivism, ecosystem, phenomenological, anthropological, systems-mental-activity and synergetic approaches. It is shown that inclusive education in terms of the scale of transformation



corresponds to a collective subject of activity. **Conclusion.** As a result of the study, the theoretical and conceptual foundations have been substantiated and the essential characteristics of the formation and development of inclusive education have been identified. It has been proven that to ensure these processes a collective subject of activity is necessary. The task of forming inclusive thinking and inclusive culture of the professional teaching community becomes paramount.

**Keywords:** inclusive education, scientific and educational complex, formation and development of inclusive education, methodological foundations, collective subject of activity

**Acknowledgments.** The study was carried out under the project "Theoretical and methodological basis and practical aspects of inclusive education development in multicultural environment of the region" financially supported by the Ministry of Education of the Russian Federation within the framework of the state assignment No. 073-00017-24-03 PR.

**For citation:** Ilyin A. S. Scientific and methodological foundations for the formation and development of inclusive education in the scientific and educational complex. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 459–463 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-459-463>, EDN: VYWKXH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

Инклюзия – одна из тенденций развития общества. Так или иначе данный феномен проявляется во всех аспектах общественной жизни и получает значительное распространение в системе образования. По проблемам инклюзивного образования проводится множество научных событий, форумов, конференций. В последнее десятилетие активно распространяются инклюзивные практики. Как показывает анализ практик инклюзивного образования, данные практики разрознены, не всегда результативны [1]. Одна из причин такого состояния дел, на наш взгляд, заключается в недостаточной изученности научно-методологических основ становления и развития инклюзивного образования.

Цель данной статьи – обоснование и предъяснение научно-методологических оснований, способствующих становлению и развитию инклюзивного образования в условиях научного комплекса.

## Теоретический анализ

Прежде чем перейти к теоретическому обоснованию заявленной проблемы, раскроем основные понятия, на которые мы опираемся в данном исследовании. Отметим, что инклюзия является практическим воплощением гуманистической парадигмы образования, так как позволяет каждому члену общества независимо от его особенностей и возможностей реализовать право на образование, достигать планируемых результатов в образовательной деятельности, обеспечивает развитие личности. Мы определяем инклюзию в широком контексте как способ

полноценного вовлечения людей с особыми образовательными потребностями в различные сферы общественной жизни.

Термин «особые образовательные потребности» используется в отношении лиц, имеющих социальные, физические или эмоциональные особенности, которые необходимо учитывать при организации образовательной деятельности. В категорию лиц с особыми образовательными потребностями входят очень разные по своему статусу и способностям обучающиеся – одаренные дети, детей из социально уязвимых групп, дети с ограниченными возможностями здоровья, дети-инвалиды и др.

Рассматривая инклюзивное образование, как процесс, можно говорить о его становлении и развитии. Разводя категории «становление инклюзивного образования» и «развитие инклюзивного образования» отметим, что они рядоположены и соотносятся как вложенные целостности, где развитие является объемлющим.

Согласно исследованию В. И. Слободчикова развитие включает в себя три основных процесса: становление, формирование и преобразование. Становление трактуется ученым как «переход от одного состояния к другому, более высокому уровню, объединяющий в себе реализованные возможности и потенциальные перспективы» [2, с. 22]. Опираясь на этот посыл, под становлением инклюзивного образования мы понимаем образовательный процесс, позволяющий организовать деятельность по обеспечению равного доступа к качественному образованию каждому обучающемуся с учетом его особых образовательных потребностей и прогнозировать его дальнейшее развитие с учетом потенциальных возможностей индивида и окружающей его среды. Процесс становления



инклюзивного образования имеет естественно-искусственный характер, что позволяет оказывать на него преобразующие управленческие воздействия. Развитие инклюзивного образования мы определили как качественное, позитивное необратимое преобразование инклюзивного образовательного процесса, связанное с его структурным усложнением и переходом к новому качеству [3].

Считаем необходимым сделать еще одну фиксацию, связанную с тем, что такой феномен, как инклюзивное образование, имеет сложную природу и поэтому субъект, обеспечивающий его становление и развитие, должен быть соразмерен преобразованиям, происходящим при его практическом воплощении. Таким соразмерным субъектом видится коллективный субъект деятельности, позиционно включающий управленцев, педагогов, специалистов, ученых, представителей общественности, формой соорганизации которых является научно-образовательный комплекс. Механизмом соорганизации субъектов научно-образовательного комплекса является формирование инклюзивного мышления данного профессионального сообщества, универсальных и специфических способов совместной преобразующей деятельности.

С учетом обозначенных сущностных характеристик категорий определены методологические подходы как основа становления и развития инклюзивного образования в научно-образовательном комплексе на различных уровнях методологического знания.

Идеологической платформой инклюзивного образования является социальная концепция включающего общества, имеющая длительную историю научного дискурса и наиболее полно оформленная в работах С. В. Алехиной, А. Ю. Шеманова [4], М. А. Мкртчяна [5]. Основная идея, положенная в основание данной концепции, состоит в осознании ценности человеческих различий, понимании предназначения каждого члена общества как незаменимого субъекта общественного развития.

Основания становления и развития инклюзивного образования заложены в философских направлениях экзистенциализм и конструктивизм. В философии экзистенциализма каждый человек рассматривается как уникальная и свободная личность, ответственная не только за собственное становление, но и за преобра-

зование окружающей ее среды. В философии конструктивизма ключевой является идея изменений окружающей среды человека с особыми образовательными потребностями за счет его преобразующей деятельности в рамках выстраивания им собственной траектории развития [6].

На общенаучном уровне методологические основы становления и развития инклюзивного образования – представлены экосистемным, феноменологическим и антропологическим подходами.

В экосистемном подходе центральным является понятие «среда», а в проецировании его на сферу образования «образовательная среда». Сущность данного подхода в становлении и развитии инклюзивного образования заключается в обеспечении открытости образовательной среды, расширении границ, обогащении и насыщении ее ресурсами извне, в том числе из социальной и общественной сфер. В этом случае среда становится динамической, способной к самоорганизации, развивающейся и приобретает свойство оперативного реагирования на потребности каждого субъекта.

С позиций феноменологического подхода инклюзия представляется как антиномический феномен, в котором рассматриваются дихотомические явления, сочетающиеся в единой научной концепции: становление и развитие, индивидуальное и социальное и т.п. Это важно для исследования механизмов становления и развития практик инклюзивного образования. В рамках данного подхода существенным, на наш взгляд, является выделение в качестве исходной категории «интерсубъектность», что позволяет индивиду за счет коммуникации с другими и рефлексии уточнять собственные смыслы, расширять пределы миропонимания, опираясь при этом на идею уникальности каждого.

Антропологический подход дает возможность рассматривать каждого человека как ценность, как незаменимого субъекта общественных связей и отношений. Данный подход позволяет исследовать соотношение индивидуального и социального в человеке, составляет базу для индивидуализации и персонализации образовательной деятельности. Педагогическая антропология является проецированием на следующий, более конкретный уровень методологии идей экзистенциализма и открывает возможность для обоснования подходов на уровне



педагогической науки [7]. С учетом изложенных оснований нами на уровне методологии педагогической науки определены в качестве базовых системо-мыследеятельностный и синергетический подходы.

Смысловым конструктом системо-мыследеятельностного подхода является соотношение чистого мышления, мыслекоммуникации и мыследействия и их «связка» в предельную целостность за счет понимания и рефлексии субъектов [8]. Триада «думаю – говорю – делаю» по смысловым доминантам не должна расходиться. Должна быть четкая «сцепка» теории и практики, ученые и практики (в широком смысле – методисты, специалисты, педагоги) в научно-образовательном комплексе должны иметь общие представления о предстоящей деятельности, общие средства коммуникации (каждый в соответствии со своим уровнем компетенции), способы и средства «действия» по обеспечению становления и развития инклюзивного образования. Становление данного коллективного субъекта деятельности, его профессионального педагогического мышления происходит в одном пространстве и времени со становящейся деятельностью и должно быть обеспечено инструментально-технологически. По сути речь идет о подготовке субъекта к предстоящей деятельности в самой становящейся деятельности.

Рассматривая инклюзивное образование как сложную открытую систему, в которой пересекаются смысловая реальность индивидуального и коллективного, образования и социализации, науки и практики, в качестве еще одной методологической основы становления и развития данного феномена мы рассматриваем синергетический подход. Синергия заключается в субъектном, содержательном структурном взаимодействии и взаимообогащении элементов, получении множества иерархических функциональных связей, составляющих систему, коллективного результата.

## Заключение

Для научного обоснования теоретико-методологических основ становления и развития инклюзивного образования в научно-образовательном комплексе необходимо обратиться к междисциплинарному исследовательскому полю. Несмотря на сложность и многогран-

ность предмета исследования, выделим следующие его сущностные характеристики:

1) инклюзивное образование рассматривается как феномен и как явление;

2) исследование данного феномена базируется на гуманистической парадигме;

3) соразмерным для обеспечения становления и развития инклюзивного образования является коллективный субъект деятельности, и первостепенной становится задача формирования инклюзивного мышления профессионального сообщества;

4) оптимальное соотношение и сочетание индивидуального и коллективного в образовательной деятельности является ключевым для самоопределения в части технологий и планируемых результатов.

Нами обоснованы и согласованы на разных уровнях методологического анализа подходы, составляющие методологические основы инклюзивного образования и ключевые категории исследования. Следующим шагом станут обоснование и предъявление методов исследования, соответствующих предложенным подходам.

## Список литературы

1. *Алехина С. В., Мельник Ю. В., Самсонова Е. В., Шеманов А. Ю.* К вопросу оценки инклюзивного процесса в образовательной организации: пилотажное исследование // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11, № 4. С. 121–132. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110410>, EDN: KZOFTE
2. *Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М. : ПСТГУ, 2013. 69 с.
3. *Ильин А. С.* Исследование готовности учителя к работе в условиях инклюзии: в поисках практических решений // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 3 (47). С. 84–89. [https://doi.org/10.54509/22203036\\_2022\\_3\\_84](https://doi.org/10.54509/22203036_2022_3_84), EDN: YVATCS
4. *Алехина С. В., Шеманов А. Ю.* Философские и методологические основы инклюзивного образования. М. : МГППУ, 2022. 218 с.
5. *Мкртчян М. А.* Возможности системо-мыследеятельностной методологии в осмыслении сущности будущей цивилизации // Коллективный способ обучения. 2013. № 13. С. 3–6.
6. *Богданова О. В.* Конструктивное философствование: особенности и смыслы. Челябинск : Издательство Челябинского государственного педагогического университета, 2015. 222 с.
7. *Андрюченко Е. В.* Антропологический подход к проблемам образования // Проблемы современного образования. 2010. № 1 (3). С. 2–10.



8. Щедровицкий Г. П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. М. : Студия Артемия Лебедева, 2018. 464 с.

## References

1. Alekhina S. V., Mel`nik Yu. V., Samsonova E. V., Shemanov A. Yu. On the issue of assessing the inclusive process in an educational organization: A pilot study. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and Pedagogical Research], 2019, vol. 11, no. 4, pp. 121–132 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110410>, EDN: KZOFTE
2. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. *Psikhologiya razvitiya cheloveka. Razvitiye sub`yektivnoy real'nosti v ontogeneze* [Psychology of human development. Development of subjective reality in ontogenesis]. Moscow, PSTGU, 2013. 69 p. (in Russian).
3. Il'in A. S. Research on teacher readiness to work in inclusive settings: In search of practical solutions. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional Education in Russia and Abroad], 2022, no. 3 (47). pp. 84–89 (in Russian). [https://doi.org/10.54509/22203036\\_2022\\_3\\_84](https://doi.org/10.54509/22203036_2022_3_84), EDN: YVATCS
4. Alekhina S. V., Shemanov A. Yu. *Filosofskie i metodologicheskie osnovy inklyuzivnogo obrazovaniya* [Philosophical and methodological foundations of inclusive education]. Moscow, MGPPU, 2022. 218 p. (in Russian).
5. Mkrtchyan M. A. The possibilities of system-thought-activity methodology in understanding the essence of the future civilization. *Kollektivnyy sposob obucheniya* [Collective way of learning], 2013, no. 13, pp. 3–6 (in Russian).
6. Bogdanova O. V. *Konstruktivnoye filosofstvovaniye: osobennosti i smysly* [Constructive Philosophizing: Features and Meanings]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Pedagogical University Publ., 2015. 222 p. (in Russian).
7. Andrienko E. V. An anthropological approach to the problems of education. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 2010, no. 1 (3), pp. 2–10 (in Russian).
8. Shchedrovitsky G. P. *Orgupravlencheskoye myshleniye: ideologiya, metodologiya, tekhnologiya* [Organizational management thinking: Ideology, methodology, technology]. Moscow, Studiya Artemiya Lebedeva, 2018. 464 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 10.08.2024;

принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 10.08.2024;

accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 464–469

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 464–469

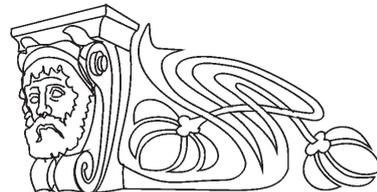
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-464-469>, EDN: WMEMWS

Научная статья

УДК [159.923-057.875:378.01](470+571)

## Персонализация образования в контексте психологической безопасности личности студентов в адаптационный период



Л. М. Костина<sup>1</sup>✉, А. В. Николаева<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48

<sup>2</sup>Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, Россия, 428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д. 38

Костина Любовь Михайловна, доктор психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии и педагогики семьи, lumiko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0472-7640>

Николаева Анастасия Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии образования, anavako@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3877-5093>

**Аннотация. Введение.** Актуальность статьи определяется государственной стратегией индивидуального развития подрастающего поколения, ориентацией современной системы образования на персонализированное обучение. **Теоретический анализ** позволил сделать вывод о том, что в последнее десятилетие отмечается повышение интереса научного сообщества к проблеме персонализации образования молодежи и обеспечения психологической безопасности личности. Вместе с тем остается недостаточно изученной тема психологической безопасности личности студентов. **Эмпирический анализ** заключался в определении специфики проявления психологической безопасности личности студентов-первокурсников в период их адаптации. В исследовании приняли участие студенты первых курсов ( $n = 349$ ) высших учебных заведений Северо-Западного региона РФ, возраст – 17–18 лет, 72% девушек, 28% – юношей. Для оценки компонентов безопасности личности студентов и уровня их адаптации к обучению применялся комплекс диагностических методик, отвечающих требованиям научности, надежности и валидности. По результатам исследования были установлены особенности проявления компонентов психологической безопасности личности студентов первых курсов с более высоким уровнем адаптации к обучению. **Заключение.** Статистический анализ эмпирических данных позволяет констатировать наличие у студентов с более высоким уровнем адаптации значимых отличий (от  $p = 0,05$  до  $p = 0,001$ ) во всех компонентах психологической безопасности личности: сопротивляемость, устойчивость, защищенность и эффективность деятельности.

**Ключевые слова:** персонализированное образование, психологическая безопасность личности, эффективность деятельности, студенты, адаптация к обучению

**Для цитирования:** Костина Л. М., Николаева А. В. Персонализация образования в контексте психологической безопасности личности студентов в адаптационный период // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 464–469. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-464-469>, EDN: WMEMWS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

### Personalization of education in the context of psychological safety of students' personality during the adaptation period

L. M. Kostina<sup>1</sup>✉, A. V. Nikolaeva<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Herzen State Pedagogical University, 48 Moika Nr., St. Petersburg 191186, Russia

<sup>2</sup> Chuvash State Pedagogical University, 38 K. Marksa St., Cheboksary 428000, Russia

Liubov M. Kostina, lumiko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0472-7640>

Anastasia V. Nikolaeva, anavako@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3877-5093>

**Abstract. Introduction.** The relevance of the article is determined by the state strategy of individual development of the younger generation, the orientation of the modern education system to personalized learning. **Theoretical analysis** allowed us to conclude that in the last decade there has been an increase in the interest of the scientific community in the problem of personalization of young people education and ensuring psychological safety of the individual. At the same time, the topic of psychological safety of students' personality remains insufficiently studied. **The empirical analysis** consisted in determining the specifics of psychological safety manifestation of first-year students' personality during their



adaptation period. The study involved first-year students ( $n = 349$ ) of higher educational institutions of the North-West region of the Russian Federation, aged 17–18 years, 72% girls, 28% boys. To assess the components of students' personality safety and the level of their adaptation to learning, a set of diagnostic methods was used that meet the requirements of scientificity, reliability and validity. Based on the results of the study, the manifestation features of psychological safety components of the personality of first-year students with a higher level of adaptation to learning were revealed. **Conclusion.** Statistical analysis of empirical data allows us to state that students with a higher adaptation level have significant differences (from  $p = 0.05$  to  $p = 0.001$ ) in all components of psychological security of the individual: resistance, stability, security and efficiency of activity.

**Keywords:** personalized education, psychological safety of the individual, performance efficiency, students, adaptation to learning.

**For citation:** Kostina L. M., Nikolaeva A. V. Personalization of education in the context of psychological safety of students' personality during the adaptation period. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 464–469 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-464-469>, EDN: WMEMWS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

На современном этапе развития российского общества закономерно возникает ряд трудностей социального, психологического характера, которые, несомненно, сказываются на всей системе образования. На государственном уровне значимость обозначенных проблем находит выражение в государственной стратегии индивидуального развития подрастающего поколения, что отражено в ряде государственных стратегий поддержки молодежи, в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

На институциональном уровне актуальность исследования проявляется в направленности современной системы образования на личностно ориентированное и персонализированное обучение, закрепленное в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования.

## Теоретический анализ

Закономерным ответом на запросы государства и системы образования на решение актуальных проблем стал увеличивающийся интерес научного сообщества к вопросам профессионального образования вообще [1]. Современный тренд нашел отражение в ряде научных исследований, посвящённых осмыслению персонализации образования в контексте антропологии будущего [2], парадигмальных различий персонализации и индивидуализации образования [3], осмыслению основ персонализированного обучения в современной России [4] и за рубежом [5, 6]. Не менее важным представляется вопрос определения основных понятий персонализации образования [7, 8]. Вместе с тем

в последние годы появились исследования раскрывающие риски всеобщей увлеченности персонализированным образованием [9, 10]. В ряде работ определяются стратегии и перспективы развития персонализированного образования в России [11–13] и за рубежом [14]. Повышенный научный интерес прослеживается к проблеме персонализации образования в вузе [15, 16], технологий его достижения [17–19].

Опубликован ряд статей, в которых проводится метоанализ теоретических аспектов психологической безопасности в работах российских и зарубежных авторов [20, 21].

Особое место занимают работы, изучающие данный феномен в аспекте проблем образования образовательной среды [22–24] и личностной психологической безопасности обучающегося [25]. Вместе с тем остается недостаточно изученной тема психологической безопасности личности студентов.

Цель исследования – определение специфики выражения психологических аспектов безопасности личности студентов I курса в период их адаптации. Гипотеза заключается в том, что существует специфика выраженности отдельных компонентов изучаемого явления психологических аспектов безопасности личности студентов в период адаптации, что определяет необходимость проведения персонализированного обучения в высшем учебном заведении.

## Эмпирический анализ

**Участники:** студенты первых курсов ( $n = 349$ ) педагогических высших учебных заведений Северо-Западного региона РФ и Чувашской республики, возраст – 17–18 лет, 72% девушки, 28% – юноши. Способ формирования группы – формальная выборка.

**Методы.** Для оценки психологической безопасности личности студентов в соответствии с



ее компонентной структурой, которая выделена и описана нами в более ранних работах [25], и уровня адаптации студентов к обучению, применялся комплекс диагностических методик, отвечающих требованиям научности, надежности и валидности.

**Методики.** Отдельные компоненты психологической безопасности личности студентов изучались следующими методами: Изучение общей самооценки личности (Казанцева Г. Н.), Опросник выраженности сознательного самоконтроля в эмоциональной сфере деятельности и поведении (Никифоров Г. С. и др.), Опросник жизненных ориентаций (Коржов Е. Ю.), Тест коммуникативных умений Михельсона (адаптация Ю. З. Гильбуха), Тест жизнестой-

кости С. Мадди (адаптация Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой), Самооценка психических состояний (Г. Айзенк), эффективность деятельности определялась по среднему баллу успеваемости за первый учебный семестр бакалавриата по направлению подготовки «Педагогическое образование». Психологическая адаптация испытуемых оценивалась по методике «Адаптированность студентов в вузе» (Т. Д. Дубовицкая, А. В. Крылова).

Статистическая обработка и анализ фактических данных проводились с использованием метода t-критерия Стьюдента.

По итогам эмпирического исследования, проведенного в 2023–2024 гг., были получены результаты, представленные в таблице.

**Выраженность связи компонентов психологической безопасности личности студентов-первокурсников и уровня их адаптации к обучению в вузе, (n = 349)**  
**The severity of the connection between the components of psychological safety of the personality of first-year students and the level of their adaptation, (n = 349)**

Компоненты психологической безопасности личности	Уровень адаптации к обучению в вузе	
	Высокий, средний	Низкий
<b>Устойчивость</b>		
Самоконтроль	$p = 0,01$	
Самооценка	$p = 0,05$	
Направленность личности	$p = 0,001$	
Коммуникативность	$p = 0,05$	
<b>Сопrotивляемость и жизнестойкость</b>		
Жизнестойкость	$p = 0,001$	
Контроль	$p = 0,001$	
Принятие риска	$p = 0,01$	
<b>Защищенность</b>		
Психические состояния	$p = 0,05$	
Беспокойство, тревожность	$p = 0,05$	
<b>Эффективность деятельности</b>		
Успеваемость	$p = 0,01$	

Полученные данные позволяют определить статистически значимые отличия переменных у студентов первых курсов в период адаптации к обучению в вузе по всем параметрам компонентов психологической безопасности личности.

В компоненте устойчивости у студентов с низкой адаптацией были диагностированы деструктивные проявления самоконтроля поведения, сдержанность в оценке своих способностей, отсутствие четких жизненных целей,

направленность на достижение личного благополучия, социальная пассивность, затруднение в налаживании контактов, низкая активность в обучении и общественной жизни.

При изучении компонента сопротивляемости и жизнестойкости у студентов с низкой адаптацией были обнаружены статистически значимые более низкие показатели удовлетворенности деятельностью, невозможность влиять на сложившиеся условия, минимальная



активность во избежание негативных результатов, в которых испытуемые заранее уверены.

В проведенном исследовании выявлено, что лица с низким уровнем адаптации более склонны к негативным психическим состояниям, которые могут выражаться в форме агрессивности, тревожности, ригидности и фрустрированности. Это может указывать на важность разработки стратегий психологической поддержки для таких лиц, чтобы помочь им адаптироваться и управлять своими эмоциями.

Оценка эффективности деятельности показала статистически значимые более низкие баллы у студентов с низкой адаптацией по основным предметам, изучаемым в первом семестре I курса по результатам текущей и промежуточной аттестации.

### Заключение

Данные эмпирического исследования позволяют определить педагогические условия персонализации образования в контексте психологического благополучия у студентов, начавших обучение в университете, что является ключевым аспектом их личной психологической безопасности в адаптационный период.

Результаты исследования психологической безопасности индивидуумов в учебной среде свидетельствуют о том, что испытуемые с оптимальным уровнем адаптации (высоким и средним) показывают статистически значимо лучшие результаты, чем сверстники с низкими показателями адаптации к учебному процессу в вузе. Полученные данные подчеркивают важность выявления педагогических условий для эффективного внедрения персонализированного обучения студентов-новичков с учетом их психологической безопасности в период адаптации.

Представленные научные данные обладают высокой значимостью на теоретическом и практическом уровнях. В ходе реализации исследования была установлена специфика структуры составных элементов обеспечения психологической безопасности студентов в период их адаптации к обучению в вузе; выявлены основные сложности и проблемы данной категории обучающихся; определены необходимость и субъектная направленность разработки педагогических условий персонализации образования первокурсников в контексте психологического благополучия личности индивида.

Проведенное исследование выявляет перспективы для дальнейших научных исследований в области разработки педагогических условий и их влияния на психологическое благополучие студентов-первокурсников в адаптационный период.

### Список литературы

1. Александрова Е. А., Шустова Л. П., Данилов С. В. Обзор проблемного поля IV всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Новое поколение профессионалов в образовании: воспитание на основе интеграции ценностей» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, вып. 1 (49). С. 91–96. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-91-96>, EDN: RMHTCE
2. Асмолов А. Г. Персонализация образования и антропология будущего // Народное образование. 2021. № 3 (1486). С. 75–82. EDN: YZZUQD
3. Бодина Е. А., Тельшьева Н. Н. Индивидуализация и персонализация в современном образовании // Искусство и образование. 2021. № 3 (131). С. 9–14. [https://doi.org/10.51631/2072-0432\\_2021\\_131\\_3\\_9](https://doi.org/10.51631/2072-0432_2021_131_3_9)
4. Гузь Ю. А. Основы персонализации обучения в современном образовании // Образование и общество. 2023. № 6 (143). С. 20–27. EDN: OJWMAI
5. Li L., Wang Y., Zhang H. Review of the personalized learning in China // Science insights education frontiers. 2020. Vol. 7, № 2. P. 893–912. <https://doi.org/10.15354/sief.20.re026>
6. Yuzhaninova E. R., Moroz V. V., Sukhacheva S. V. Education personalization // Global Scientific Potential. 2023. № 6 (147). P. 28–32.
7. Бренчугина-Романова А. Н., Денисова Л. О. Персонализм, персонология, персонализация, персонализированное образование: к вопросу о терминах и понятиях // Филология и культура. 2023. № 2 (72). С. 199–203. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-72-2-199-203>
8. Архипова Л. А., Парникова Г. М. Сущность и основные понятия персонализации образования // Перспективы науки. 2022. № 10 (157). С. 117–120. EDN: NNUNCT
9. Савина Н. В. Риски персонализации высшего образования // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81-3. С. 272–275. EDN: RKYFIA
10. Фетисов А. С., Пупырёв И. А. Алгоритм-сторож как механизм снижения рисков при персонализации образования // Образование и общество. 2023. № 2 (139). С. 19–22. EDN: EBDMWW
11. Джабиева М. Х., Ермаков Д. С. Перспективы персонализации отечественного образования // Нижегородское образование. 2023. № 1. С. 76–84. EDN: DIFNGR



12. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Теоретико-прикладные основания персонализированного образования: перспективы развития // Педагогическое образование в России. 2021. № 1. С. 20–28. [https://doi.org/10.26170/2079-8717\\_2021\\_01\\_02](https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_01_02)
13. Сохраняева Т. В. Стратегия массовой персонализации в современном образовании // Человек. 2021. Т. 32, № 2. С. 30–40. <https://doi.org/10.31857/S023620070014857-9>
14. Zhang X., Chen Y., Hu L., Wang Y. The metaverse in education: Definition, framework, features, potential applications, challenges, and future research topics // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13, № 1016300. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1016300>
15. Денищева Л. О., Сафуанов И. С., Семячченко Ю. А. Возможности обеспечения персонализации образования в ВУЗе // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. 2022. № 2 (60). С. 72–85. <https://doi.org/10.25688/2072-9014.2022.60.2.07>
16. Моисеева Т. В. Персонализация образования – новое направление высшей профессиональной школы // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 78–82. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-1104-78-82>
17. Николаева А. В., Парфенова О. В. К вопросу о создании персонализированной образовательной среды в работе с будущими педагогами // Современное высшее образование в условиях многополярного мира : электронный сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Чебоксары : Издательство Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, 2022. С. 344–350. EDN: NLVWSW
18. Scott L., Tomas A. Social network approach to understanding student's integration and persistence // *The Journal of Higher Education*. 2000. Vol. 71, № 5. P. 591–615.
19. Hao K. China has started a grand experiment in AI education. It could reshape how the world learns // MIT Technology Review. August 2, 2019. URL: <https://www.technologyreview.com/2019/08/02/131198/china-squirrel-has-started-a-grand-experiment-in-ai-education-it-could-reshape-how-the> (дата обращения: 21.03.2024).
20. Баева И. А., Гаязова Л. А., Кондакова И. В. Личностные ресурсы психологической безопасности подростков и молодежи в образовательной среде // Интеграция образования. 2021. Т. 25, № 3 (104). С. 482–497. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.104.025.202103.482-497>
21. Newman A. Psychological safety: A systematic review of the literature. // *Human Management Review*. URL: [j.hrmr.2017.01.001](http://j.hrmr.2017.01.001) (дата обращения: 22.03.2024). <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2017.01.001>
22. Григорьева М. В. Типы адаптационной готовности личности в образовательной среде школы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, вып. 1 (25). С. 56–61. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-1-56-61>
23. Блинова Е. Е. Психологическая безопасность образовательной среды как фактор самоэффективности студентов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2023. № 1. С. 30–34. EDN: BRYNZH
24. Киселева Т. В. Психологическая безопасность и комфортность образовательной среды вуза (опыт эмпирического исследования) // Научный поиск: личность, образование, культура. 2024. № 1 (51). С. 52–58. <https://doi.org/10.54348/SciS.2024.1.8>
25. Костина Л. М., Писаренко И. А., Карпова М. А. Факторы психологической безопасности личности в образовательной среде школы // Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. 2021. № 3 (5). С. 55–60. [https://doi.org/10.54158/27132838\\_2021\\_3\\_55](https://doi.org/10.54158/27132838_2021_3_55)

## References

1. Aleksandrova E. A., Shustova L. P., Danilov S. V. Review of the problem field of the IV All-Russian (with international participation) scientific conference “A new generation of professionals in education: Personal development based on the integration of values”. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2024, vol. 13, iss. 1 (49), pp. 91–96 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-91-96>, EDN: RMHTCE
2. Asmolov A. G. Personalization of education and anthropology of the future. *Narodnoe obrazovanie* [People's education], 2021, no. 3 (1486), pp. 75–82 (in Russian). EDN: YZZUQD
3. Bodina E. A., Telysheva N. N. Individualization and personalization in modern education. *Iskusstvo i obrazovanie* [Art and education], 2021, no. 3 (131), pp. 9–14 (in Russian). [https://doi.org/10.51631/2072-0432\\_2021\\_131\\_3\\_9](https://doi.org/10.51631/2072-0432_2021_131_3_9)
4. Guz' Yu. A. Fundamentals of personalization of learning in modern education. *Obrazovanie i obshchestvo* [Education and Society], 2023, no. 6 (143), pp. 20–27 (in Russian). EDN: OJWMAI
5. Li L. Wang Y., Zhang H. Review of the personalized learning in China. *Science insights education frontiers*, 2020, vol. 7, no. 2, pp. 893–912. <https://doi.org/10.15354/sief.20.re026>
6. Yuzhaninova E. R., Moroz V. V., Sukhacheva S. V. Education personalization. *Global Scientific Potential*, 2023, no. 6 (147), pp. 28–32.
7. Brenchugina-Romanova A. N., Denisova L. O. Personalism, personology, personalization, personalized education: On the issue of terms and concepts. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 2023, no. 2 (72), pp. 199–203 (in Russian). <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-72-2-199-203>
8. Arkhipova L. A., Parnikova G. M. The essence and basic concepts of personalization of education.



- Perspektivy nauki* [Perspectives of science], 2022, no. 10 (157), pp. 117–120 (in Russian). EDN: NNUNCT
9. Savina N. V. Risks of personalization of higher education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2023, no. 81-3, pp. 272–275 (in Russian). EDN: RKYFIA
  10. Fetisov A. S., Pupyrev I. A. Guardian algorithm as a mechanism for reducing risks in the personalization of education. *Obrazovanie i obshchestvo* [Education and Society], 2023, no. 2 (139), pp. 19–22 (in Russian). EDN: EBDMWW
  11. Dzhabieva M. Kh., Ermakov D. S. Prospects for personalization of domestic education. *Nizhegorodskoe obrazovanie* [Nizhny Novgorod education], 2023, no. 1, pp. 76–84 (in Russian).
  12. Zeer E. F., Symanyuk E. E. Theoretical and applied foundations of personalized education: Development prospects. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2021, no. 1, pp. 20–28 (in Russian). [https://doi.org/10.26170/2079-8717\\_2021\\_01\\_02](https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_01_02)
  13. Sokhranyaeva T. V. Strategy of mass personalization in modern education. *Chelovek* [Man], 2021, vol. 32, no. 2, pp. 30–40 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S023620070014857-9>
  14. Zhang X., Chen Y., Hu L., Wang Y. The metaverse in education: Definition, framework, features, potential applications, challenges, and future research topics. *Frontiers in Psychology*, 2022, vol. 13, no. 1016300. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1016300>
  15. Denishcheva L. O., Safuanov I. S., Semenyachenko Yu. A. Possibilities of ensuring personalization of education at a university. *Vestnik MGPU. Seriya: Informatika i informatizatsiya obrazovaniya* [Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Computer science and informatization of education], 2022, no. 2 (60), pp. 72–85 (in Russian). <https://doi.org/10.25688/2072-9014.2022.60.2.07>
  16. Moiseeva T. V. Personalization of education - a new direction of higher professional school. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2024, no. 1 (104), pp. 78–82 (in Russian) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-1104-78-82>
  17. Nikolaeva A. V., Parfenova O. V. On the issue of creating a personalized educational environment when working with future teachers. In: *Sovremennoe vysshee obrazovanie v usloviyakh mnogopolyarnogo mira: elektronnyy sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern higher education in a multipolar world. Electronic collection of articles based on the proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ., 2022, pp. 344–350 (in Russian). EDN: NLVWSW
  18. Scott L., Tomas A. Social network approach to understanding student's integration and persistence. *The Journal of Higher Education*, vol. 71, no. 5, pp. 591–615.
  19. Hao K. *China has started a grand experiment in AI education. It could reshape how the world learns. MIT Technology Review. August 2, 2019.* Available at: <https://www.technologyreview.com/2019/08/02/131198/china-squirrel-has-started-a-grand-experiment-in-ai-education-it-could-reshape-how-the> (accessed March 21, 2024).
  20. Baeva I. A., Gayazova L. A., Kondakova I. V. Personal resources of psychological safety of adolescents and youth in the educational environment. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education], 2021, vol. 25, no. 3 (104), pp. 482–497 (in Russian). <https://doi.org/10.15507/1991-9468.104.025.202103.482-497>
  21. Newman A. Psychological safety: A systematic review of the literature. *Human Management Review*. Available at: [j.hrmr.2017.01.001](http://j.hrmr.2017.01.001) (accessed March 22, 2024). <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2017.01.001>
  22. Grigorieva M. V. Types of Adaptive Personality Readiness in the School Learning Environment. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018, vol. 7, iss. 1 (25), pp. 56–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-1-56-61>
  23. Blinova E. E. Psychological safety of the educational environment as a factor of students' self-efficacy. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of higher education], 2023, no. 1, pp. 30–34 (in Russian). EDN: BRYNZH
  24. Kiseleva T. V. Psychological safety and comfort of the educational environment of a university (empirical research experience). *Nauchnyy poisk: lichnost', obrazovaniye, kul'tura* [Scientific research: Personality, education, culture], 2024, no. 1 (51), pp. 52–58 (in Russian). <https://doi.org/10.54348/SciS.2024.1.8>
  25. Kostina L. M., Pisarenko I. A., Karpova M. A. Factors of psychological safety of an individual in the educational environment of a school. *Nauka i praktika v obrazovanii: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Science and practice in education: Electronic scientific journal], 2021, no. 3 (5), pp. 55–60 (in Russian). [https://doi.org/10.54158/27132838\\_2021\\_3\\_55](https://doi.org/10.54158/27132838_2021_3_55)

Поступила в редакцию 08.05.2024; одобрена после рецензирования 06.08.2024; принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024  
 The article was submitted 08.05.2024; approved after reviewing 06.08.2024; accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 470–474

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 470–474

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-470-474>, EDN: YZTHIK

Научная статья

УДК [[94:001.98]-048.66]:378.013](470+571)



## Роль преподавателя педагогического вуза в противодействии фальсификации истории

Т. А. Юмашева , В. В. Назаров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», Балашовский институт (филиал), Россия, 412300, Саратовская область, г. Балашов, ул. Карла Маркса, д. 29

Юмашева Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, [ymata@mail.ru](mailto:ymata@mail.ru), AuthorID: 487290

Назаров Владilen Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, [nvv7575@bk.ru](mailto:nvv7575@bk.ru), AuthorID: 392132

**Аннотация. Введение.** В статье рассматриваются методы противодействия фальсификации истории в процессе преподавания в педагогическом вузе. Научная новизна заключается в том, что акцент делается на процесс обучения в педагогическом вузе, подготовку будущих учителей истории и обществознания. В последние десятилетия фальсификация истории стала не только инициативой отдельных недобросовестных исследователей, но и целенаправленной политикой недружественных по отношению к России государств. **Теоретический анализ.** При проведении аудиторных занятий предпочтительны активные формы обучения. Студенты не должны пассивно воспринимать учебный материал. Их необходимо вовлечь в процесс противодействия фальсификации истории. **Заключение.** По результатам проведенного исследования сформулирован вывод о том, что противодействие фальсификации истории будет осуществляться гораздо эффективнее, если в процессе своей деятельности преподаватель вуза будет широко использовать активные формы обучения.

**Ключевые слова:** фальсификация истории, студенты педагогических вузов, преподавание, воспитание

**Благодарности.** Публикация подготовлена в рамках научного проекта «Развитие исторического образования и методики преподавания истории на современном этапе», реализуемого в Балашовском институте (филиале) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» по тематическому направлению «Научно-методическое сопровождение образовательного процесса в вузе».

**Для цитирования:** Юмашева Т. А., Назаров В. В. Роль преподавателя педагогического вуза в противодействии фальсификации истории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 470–474. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-470-474>, EDN: YZTHIK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

### The role of a teacher at a pedagogical university in countering the falsification of history

T. A. Yumasheva , V. V. Nazarov

Saratov State University, Balashov Institute (branch), 29 Karl Marx St., Balashov 412300, Saratov region, Russia

Tatyana A. Yumasheva, [ymata@mail.ru](mailto:ymata@mail.ru), AuthorID: 487290

Vladilen V. Nazarov, [nvv7575@bk.ru](mailto:nvv7575@bk.ru), AuthorID: 392132

**Abstract. Introduction.** The article is devoted to the consideration of methods of countering the falsification of history in the process of teaching at a pedagogical university. The scientific novelty lies in the fact that at a pedagogical university the emphasis is made on the learning process and the training of future teachers of history and social studies. In recent decades, the falsification of history has become not only the initiative of individual unscrupulous researchers, but also a purposeful policy of the states unfriendly to Russia. **Theoretical analysis.** When conducting classroom classes, priority should be given to active forms of learning. Students should not passively perceive the educational material. They need to be involved in the process of countering the falsification of history. **Conclusion.** As a result of the conducted research, we came to the conclusion that countering the falsification of history will be much more effective if the university teacher makes extensive use of active forms of learning in the teaching process.

**Keywords:** falsification of history, students of pedagogical universities, teaching; upbringing



**Acknowledgments.** The publication was prepared as part of the scientific project “Development of historical education and methods of teaching history at the present stage”, implemented at Balashov Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “N. G. Chernyshevsky Saratov National Research State University” on the thematic direction “Scientific and methodological support of educational process at the university”.

For citation: Yumasheva T. A., Nazarov V. V. The role of a teacher at a pedagogical university in countering the falsification of history. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 470–474 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-470-474>, EDN: YZTHIK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

## Введение

Фальсификация истории несет прямую угрозу Российской Федерации, ее территориальной целостности и национальному суверенитету. В сознании людей, особенно молодежи, происходит разрушение традиционных ценностей, искажение исторических фактов, подвергается деформации национальный культурный код. Многие события и факты истории России, которые столетиями составляли гордость нашего народа получают негативную оценку, подвергаются критике со стороны историков и политических деятелей западных стран. Очень своевременным решением руководства нашей страны стало включение в учебные планы всех вузов России обязательной учебной дисциплины «История России».

*Теоретическую базу исследования* составляют работы историков и методистов, посвященные проблемам противодействия фальсификации истории [1, 2].

Известный российский методист Е. Е. Вяземский раскрывает сущность процесса фальсификации истории, рассматривает основные направления государственной политики по сохранению исторической памяти, анализирует различные проявления антироссийской пропаганды, предлагает рекомендации по противодействию фальсификации истории [1].

Отечественный историк И. В. Ковшов рассматривает проблемы фальсификации истории Великой Отечественной войны, влияние медиапространства и цифровизации на сферу образования. Исследователь анализирует факторы, порождающие благоприятные условия для фальсификации истории, прослеживает взаимосвязь исторического сознания и гражданской позиции российской молодежи, предлагает свои рекомендации по противодействию фальсификации истории в условиях цифровизации образовательного процесса [2].

В качестве методов исследования в настоящей работе применяется анализ научно-

методической литературы; синтез различных подходов к определению фальсификации истории. Широко используется метод педагогического наблюдения, который заключается в целенаправленном, планомерном и систематическом восприятии педагогических явлений, в процессе которого был получен фактический материал [3].

*Практическая значимость исследования* состоит в возможности использования проанализированных в работе методов для активного противодействия фальсификации истории.

## Теоретический анализ

Существует целый ряд определений понятия «фальсификация истории». Особо следует отметить труды А. Л. Бредихина [4], В. А. Сомова, С. М. Сапожникова [5].

Доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД РФ А. Л. Бредихин под фальсификацией истории понимает целенаправленное искажение фактов, исторической реальности, выборочное цитирование, манипуляции с источниками с целью создания искаженного образа реальности [4].

Российские исследователи В. А. Сомов и С. М. Сапожников рассматривают проблемы фальсификации истории в контексте процесса цифровизации образования, которая несет в себе угрозу неограниченного доступа учащегося к информационному контенту исторического содержания. В условиях трансгуманизации образования это может создать угрозу национальной безопасности. В. А. Сомов и С. М. Сапожников предлагают ввести обязательное правовое регулирование доступа к образовательному контенту исторического содержания, контроль за его созданием и использованием [5].

Авторы данной статьи не ставили перед собой цель проанализировать все имеющиеся определения понятия «фальсификация исто-



рии». Каждое из них затрагивает определенные аспекты изучаемой проблемы. Попытаемся их обобщить.

Вне всякого сомнения, фальсификация истории негативным образом воздействует на историческую память, искажает ее, способствует формированию в сознании подрастающего поколения негативного отношения к истории России, ее персонажам [6].

Главным препятствием на пути фальсификации истории выступает институт образования. В этом отношении велика роль педагогических вузов, преподаватели которых, формируя историческую память студентов, тем самым создают условия для ее дальнейшего формирования в общеобразовательных учреждениях. В этой связи большая ответственность лежит на преподавателях учебной дисциплины «История России», введенной в учебные планы российских вузов в качестве обязательной в 2023/24 учебном году. Они должны сформировать у будущих педагогов компетенции, позволяющие им критически относиться к получаемой информации, анализировать факты, отличать достоверную информацию от ложной, проявления научного плюрализма от антироссийской пропаганды. При этом очень важно подобрать методы преподавания. На наш взгляд, наибольшего эффекта можно достичь, применяя активные методы обучения.

*Лекционные занятия* по «Истории России» по объему аудиторных часов уступают практическим, но в методическом отношении они должны быть не менее эффективны. В своей педагогической деятельности преподаватели учебной дисциплины «История России» могут использовать *лекцию с элементами обсуждения*. Данный метод представляет собой выступление ведущего перед большой аудиторией с применением активных форм обучения: дискуссии, беседы. Процесс выступления может сопровождаться демонстрацией слайдов или учебных фильмов. Выбор темы необходимо осуществлять таким образом, чтобы была возможна дискуссия, столкновение различных точек зрения, в конечном итоге выработано правильное коллективное решение. В процессе проведения занятия преподаватель может столкнуться с пассивным восприятием учебной информации со стороны студентов, неспособностью сформулировать проблему, представить свою точку зрения, недостаточным знанием отдельных фактов. Пре-

подаватель должен определить все «болевы точки» и провести работу по их устранению [7].

Интересным и достаточно эффективным методом работы является *лекция с разбором конкретных ситуаций*. По форме она напоминает лекцию-дискуссию, но на обсуждение выносятся не проблемные вопросы, а конкретные исторические ситуации. Учебный материал лекции всесторонне анализируется. В процесс обсуждения должны быть вовлечены все студенты. Проблемную ситуацию можно представить устно, в формате видео или презентации. Необходимо сочетать краткость изложения исторического материала с его насыщенностью фактами, что позволит в процессе разбора исторических ситуаций дать им более точную оценку. Преподаватель излагает лекционный материал, периодически прерываясь на разбор со студентами конкретных исторических ситуаций. Затем студенты анализируют их. Преподаватель задает аудитории вопросы, озвучивает различные точки зрения, направляет дискуссию в нужное направление. Главная задача преподавателя заключается в том, чтобы подвести студентов к коллективному выводу и обобщению [8].

Большой простор для совершенствования методики преподавания «Истории России» предоставляют **практические занятия**. Они дают возможность раскрыть интеллектуальный потенциал студентов и в то же время требуют от преподавателя гибкости мышления, умения владеть аудиторией.

Одним из наиболее эффективных методов проведения практических занятий является *групповая дискуссия*. Для ее проведения все участники делятся на небольшие группы, которые обсуждают вопросы по теме занятия. Может происходить обсуждение одной темы всеми группами одновременно либо сложная тема разбивается на отдельные вопросы. Данный метод способствует формированию навыков аргументации и отстаивания своей позиции. В конце обсуждения каждая группа должна прийти к определенному результату и представить его в виде презентации или чек-листа по теме. В конце занятия результаты обсуждаются, преподаватель подводит итоги [9].

Достаточно эффективным методом обучения студентов является *проблемный семинар*. Студенты формулируют проблемные вопросы по тому разделу учебной дисциплины «История



России», который будут изучать. Метод позволяет выявить уровень знаний студентов по конкретным темам и способствует формированию устойчивого интереса к учебной дисциплине. Преподаватель дает возможность студентам самим выбрать круг обсуждаемых проблем. Работа может быть организована как индивидуально, так и в группах. Эффективность занятия будет выше, если студенты в процессе работы будут обращаться непосредственно к историческим документам. Каждая группа или студент озвучивает результаты работы. Преподаватель делает общие выводы и подводит итоги практического занятия [10].

### Заключение

Проанализировав различные подходы к понятию «фальсификация истории», авторы настоящей статьи пришли к выводу о том, что изучаемое явление представляет собой целенаправленное, систематическое информационное воздействие на массовое сознание, целью которого является искажение представлений о прошлом России, обесценивания достижений и подвигов нашего народа, навязывания ложных идеалов, формирование негативного отношения общества к государственным институтам, науке и образованию, искажение исторической памяти, внушение идеи бесперспективности дальнейшего развития государства и общества.

В этой связи роль преподавателя истории особенно важна. Именно он обязан донести до аудитории объективную научную информацию, сформировать в сознании студентов правильное восприятие истории России и ее места в мире. Подготовка будущих учителей истории является очень ответственной задачей педагогических вузов. Наилучшего результата можно достичь, широко применяя активные формы обучения: лекции с элементами обсуждения, лекции с разбором конкретных ситуаций, проблемные лекции, групповые дискуссии, проблемные семинары.

### Список литературы

1. *Вяземский Е. Е.* Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // *Проблемы современного образования*. 2012. № 1. С. 28–43.
2. *Ковшов И. В.* Противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны в современной информационной среде как педагогическая проблема: на примере Уральского региона // *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 3 (100). С. 206–212.
3. *Калимбетов Б. И., Алимбетов К. Е.* Наблюдение как метод педагогического исследования // *Мировая наука*. 2022. № 12 (69). С. 76–79. EDN: LRFXEА
4. *Бредихин А. Л.* Фальсификация истории России в контексте угроз национальной безопасности // *Вестник Прикамского социального института*. 2023. № 1 (94). С. 175–178. EDN: UTPLVI
5. *Сомов В. А., Сапожников С. М.* Проблема фальсификации истории в условиях цифровизации образования // *Нижегородское образование*. 2023. № 1. С. 4–11.
6. *Лушин А. Н.* Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2013. №23. С. 21–25.
7. *Кусова Д. О., Наскидаева Е. Х.* Роль и место лекционных занятий в системе обучения высшей школы на современном этапе // *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 68-1. С. 166–168.
8. *Гришина О. В.* Организация лекционных занятий студентов с использованием интерактивных методов обучения // *Инновационная наука*. 2015. № 7. С. 88–92.
9. *Сотникова М. С.* Дискуссионные методы организации групповой работы студентов педагогического вуза // *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2023. Т. 12, № 2. С. 102–112. <https://doi.org/10.57769/2227-8591.12.2.07>
10. *Самцов И. А.* Проблемное обучение в современном отечественном образовании в вузе // *Вестник науки*. 2023. № 11 (68). С. 619–623.

### References

1. Vyazemskiy E. E. The problem of falsification of Russian history and general historical education: theoretical and practical aspects. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 2012, no. 1, pp. 28–43 (in Russian).
2. Kovshov I. V. Countering the falsification of the history of the Great Patriotic War in the modern information environment as a pedagogical problem: The case of the Ural region. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2023, no. 3 (100), pp. 206–212 (in Russian).
3. Kalimbetov B. I., Alimbetov K. E. Observation as a method of pedagogical research. *Mirovaya nauka* [World Science], 2022, no. 12 (69), pp. 76–79 (in Russian). EDN: LRFXEА
4. Bredikhin A. L. Falsification of Russian history in the context of threats to national security. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta* [Bulletin of the Prikamsky Social Institute], 2023, no. 1 (94), pp. 175–178 (in Russian). EDN: UTPLVI



5. Somov V. A., Sapozhnikov S. M. The problem of falsification of history in the conditions of digitalization of education. *Nizhegorodskoye obrazovanie* [Nizhny Novgorod Education], 2023, no. 1, pp. 4–11 (in Russian).
6. Lushin A. N. Falsification of history: a theoretical approach to the problem (using the example of Russia). *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2013, no. 23, pp. 21–25 (in Russian).
7. Kusova D. O., Naskidaeva E. Kh. The role and place of lectures in the higher education system at the present stage. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2020, no. 68-1, pp. 166–168 (in Russian).
8. Grishina O. V. Organization of lectures for students using interactive teaching methods. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science], 2015, no. 7, pp. 88–92 (in Russian).
9. Sotnikova M. S. Discussion methods in organizing group work of pedagogical university students. *Teaching Methodology in Higher Education*, 2023, vol. 12, no. 2, pp. 102–112 (in Russian). <https://doi.org/10.57769/2227-8591.12.2.07>
10. Samtsov I. A. Problem-based learning in modern domestic education at universities. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 2023, no. 11 (68), pp. 619–623 (in Russian).

Поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 27.08.2024;

принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 27.08.2024;

accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024

ISSN 1819-7671

24004



ISSN 1819-7671 (Print). ISSN 2542-1948 (Online)  
Известия Саратовского университета. Новая серия.  
Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024.  
Том 24, выпуск 4

## ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития  
Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика  
Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология  
Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

**Серия: Философия. Психология. Педагогика**

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

